

European Journal of Humanities and Social Sciences

Nº 4 2018

European Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 4 2018

ISSN 2414-2344

Editor-in-chief Maier Erika, Germany, Doctor of Philology

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abdulzhalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Busch Petra, Austria, Doctor of Economics
Cherniavska Olena, Ukraine, Doctor of Economics
Garagonich Vasily Vasilyevich, Ukraine, Doctor of History
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Karabalaeva Gulmira, Kyrgyzstan, Doctor of Education
Kvinikadze Giorgi, Georgia, Doctor of Geographical Sciences
Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences
Khoutyz Zaur, Russia, Doctor of Economics
Khoutyz Irina, Russia, Doctor of Philology
Kocherbaeva Aynura Anatolevna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics

Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Marianna A. Balasarian, Georgia, Doctor of Philology
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Serebryakova Yulia Vadimovna, Russia, Ph.D. of Cultural Science
Shugurov Mark, Russia, Doctor of Philosophical Sciences
Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o. Praha 8
– Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSČ 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage:

ppublishing.org

European Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at: <http://www.ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

INDEX COPERNICUS INTERNATIONAL The journal has Index Copernicus Value (ICV) 64.80 for 2016.

GIF® GLOBAL IMPACT FACTOR The journal has the GIF impact factor .211 for 2016.

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Gender Studies

*Profiri Mitjana,
Msc. in Philosophy, Faculty of Philosophy
"Fan S. Noli" University, Korçë
E-mail: mitjanaprofiri@yahoo.com*

NIETZSCHE AND BEAUVOIR ON THEIR VIEW ON WOMEN

Abstract: The key concepts that are dealt with as fundamental issues by philosophers are: woman, freedom, equality. We focus on studying the concept of freedom of the woman's issue because it is also one of the basic concepts of defining the human being in determining its authenticity. Hence we refer to two philosophers, Nietzsche and Beauvoir.

Keywords: philosophy, woman, freedom, human nature.

Introduction:

In the definition of women, usually in the compilation of the explanation of this term related to them, masculine explanations have been made. But since the meaning of a term varies over time, it is up to philosophers to give proper definitions to certain fundamental issues as is the case of women.

The changes that are noticed in the nature of women and men are the basic column that has further led to major debates about these two different kind of nature but part of human nature.

A Philosophical Reflection on Feminism

Feminism was born as an attempt to give intellectual meaning and to criticize the subordination of women to men. Feminist theory began as a field of self-awareness in the latter part of the 20th century, with the publication of the work of Simone de Beauvoir, "Second Sex" [3; 1].

Submission of women to men involves a very wide range of problem-solving because this phenomenon does not only occur in economic and political terms, but also in physical, sexual and in almost all fields of art and / or intellectual endeavors and philosophical thought. In many areas of intellectual treat-

ment, feminist theorists have noted many mistakes in male bias in the history of ideas and society.

One of the mistakes is sexism that appreciates more men than women. Another mistake is the androcentrism who deserves masculinity as a norm of humanity. A third mistake is the illegal (cognitive) authority that males and androcentric theories have been accorded [3; 1].

Many of the early theorists are philosophers. Philosophers are taught to conceptualize and theorize, ask questions about previous statements, and deduct principles from the assertions they have proved. It was therefore logical for the feminist theory to begin philosophically. The philosophers possess a unique and fundamental perspective from which they can understand the subjugation of women. Feminist theory has challenged what has been said throughout the history of philosophy, although such criticism has never been welcomed by the most prominent philosophers. Therefore, feminism is not yet part of the stream of philosophical thought.

According to them, the woman's submission has been something natural, but this is nothing but a false or wrong theory. Sexism is a form of

injustice, thus these theories are considered as such [3, 3].

Feminism began as a movement of women for freedom from oppression. So here we are dealing with the main claim that women are oppressed. That is why it is important that through this treatment we can prove that freedom rather than equality is the most important value of feminists to try defending their goals.

Nietzsche and Beauvoir on Women

Nietzsche is a philosopher who has an ambivalent attitude to many concepts, such as: Germans, Christians, Saints, Disciples, Philosophers, and certainly women. (ambivalence – characteristic of unintegrated people, not always harmful, often showing growth, so when a person passes from the old model of something to the cloud, ambivalence here helps). Ambivalence is one of the common human qualities but also the most difficult to live. It can be in emotional and intellectual content at the same time and can address itself, address others, and also address social events and changes. Often ambivalence is the defect of people who are constantly in a confused state of hope, desires, and conflicting ideas. And in this situation, Nietzsche appears in his attitude towards women [2, 117].

As a result of the changes brought by the Liberal Movement of Women to Women and Men, it also created a considerable ambivalence regarding women's identity and the identity of men. The ambivalence of the growth that women feel between femininity and their humanity is first recognized by the philosopher Simone de Beauvoir. And very little has been said about an ambivalence of men, and much less to document it. Nietzsche serves as a reflection of contemporary man's ambivalence because his ideas, which are cited up to the ends, allow us to fix a focal point of ambivalence [2, 118]. As it will be seen, these fireplaces are the same, for the most part, as they appear from time to time in discussions about women's freedom. This discussion has the value of recognizing itself.

The first form of ambivalence in Nietzsche's theory is his double assertion that women are weak and strong [2, 118]. The woman's weakness is seen in relation to slave morality, and her strength is related to the Dionysian element in life. Nietzsche says: "Finally: Woman! Half of mankind is weak, typically sick, changeable, unstable – woman needs strength to get caught to her, she needs a religion to praise her being weak, loving and humble just as divine" [2, 118]. The weakness of power tends to create a morality that justifies itself instead of changing the balance of power. Nietzsche often uses this feature of women as an adjective to describe any weak group.

Another feature of women's weakness is the inability to be sharp about themselves. So women are such because being innocence is attractive to men, and often he argues that it is in her nature to act like that. Women believe in the surface of existence just as in the essence of existence. The nature of the woman is superficial while the man's nature is profound. The word "feminism" characterizes this negative feminine quality: at this moment the woman puts an obstacle and as such will never allow the truth to be known, so the "female" surname is used to punish a kind of nobility, harmful feeling, dissatisfaction weakness, etc. [2, 118]. In defining Nietzsche on women as weak, we find a boring traditional repetition of negative female qualities.

In contrast to this negative design of the woman's identity, Nietzsche often gives us the opposite side of her. In "Beyond Good and Evil", he states: "What a woman respects, and often fears, is her nature which is "more natural" than that of her husband: her true, animalistic and cunning skills, her tiger grip under the gloves, its openness to selfishness, its inadmissibility and its inner frivolity; the abundance, the extension, the lust of her desires and her virtues" [1, 134]. So, the nature of the woman explains Nietzsche is like the nature of Dionysus, the Greek god Nietzsche returns to determine the resurrection model for European man. He is the master of pleasure, joy, acceptance, and desire for life

[2, 120]. At this point Nietzsche shows the strong nature of women, so he does not divide them into weak and strong women, but refers to women as a group or feminine symbol.

Nietzsche hates what is considered as weakness in women and is stunned by what is considered as force on them. What he expresses in "Thus spake Zarathustra": "Will you visit a woman? Do not forget your whip" [2, 119]. In "Beyond Good and Evil" Nietzsche gives us very clear the idea that he agree with the idea of domination by force. The woman must be submissive, she must be kept under control, and she must be afraid of her husband. The paradox here is that this act of man to woman will result in the development of features of a negative character of slave morality. This leads to greater consequences because one of the supernatural tasks is to be free, so being free from the desire to retaliate, but this repression or oppression necessarily leads to a desire for vengeance. Nietzsche gives us this feature when he claims that the other side of slavery is a hidden tyrant [2, 120].

Also another aspect and fear of Nietzsche was the education of women and their appearance in public life, which would lead to the oppression of women instinct. He was quite attracted to their intellect and culture, but women would thus become men, so they would leave their female essence [2, 123].

An important aspect in his treatise was also the question of love. In "Human All too Human" work, he says: "Women in love try to become as they exist in the image that the man they love has created for them" [2, 126]. Taking advantage of this, I quote Simone de Beauvoir, in her famous book "Second Sex" [4] who gives the idea that the greatest purpose in human love is to identify with what he wants, not just to serve him. So love is not the same for both women and men. Women have admitted what a patriarchal society has affirmed and defined for them, despite their oppressed feelings, but on the other hand the desire to become self-actualized. So we have a lack of individuality because one side

is the giver (committed, obedient) and the other is the recipient, but it gives us an unequal ratio. A woman cannot create her individuality through submission and through social norms that have foreseen her conviction to be a pious woman. So De Beauvoir says that women need to love their strength, not weakness, need to be strengthened instead of being humiliated, and just so she will want the same power, exactly as man want it, otherwise she will continue to fear and hate. But we will not have a balance between them, love will be unbalanced and this leaves the woman totally dependent on her husband. Individuals and groups are condemned to recognize the reciprocity of their relationship [4, 12].

At least what combines feminist conception with Nietzsche's philosophy on women is the difficult situation of a woman in love and her constant struggle for a double attitude such as love and shame at the same time.

Conclusions:

Women need to recognize and criticize this ambivalence of men, and the latter need to assimilate this information in order to continue in this long process of self-creation.

As mentioned at the outset, Nietzsche appears to us in some ambivalence about his conceptions and apparently this is his static state which has led to growth or change, that is, to the destruction of the old tablets to free way on new tables.

As far as his theory of women is concerned, Nietzsche does not develop a stable treatise on women, but yet this is important as one of the parts of all his work corps.

What feminism borrowed from Nietzsche's theory is the concept and the philosophy of the overman. This one is someone who is free from all the prejudices and moralities of human society, and who creates his own values and purpose. And this is the case of women who should act the same, achieving their goals, defining themselves, out from the determination of the masculine society.

References:

1. Friedrich Nietzsche. "Përtej së mirës dhe së keqes", Prelud i një filozofie të së ardhmes, tr. Çlirim Mukli, Plejad 2003.
2. Lorene M. G. Clark and Lynda Lange. The Sexism of social and political theory, women and reproduction from Plato to Nietzsche, University of Toronto Press, 1979.
3. Ann E. Cudd and Robin O. Andreasen. Feminist Theory, A philosophical Anthology, Blackwell Publishing, 2005.
4. Simone de Beauvoir. Seksi i dytë I, Fakte dhe mite, tr Nasi Lera: Çabej, 2002.

Section 2. Journalism

*Kyianytsiya Eugenia,
PHD., in Social Communications
senior lecturer of the department
journalism and advertising KNTEU
E-mail: gane@i.ua*

CREATIVE TECHNOLOGIES IN THE PRODUCTION OF SOCIAL ADVERTISING: RELEVANCE OR NECESSITY

Abstract: the article deals with the problems of improving social advertising with creative solutions, which are based on technologies that create certain algorithms of actions that, allow forming the necessary emotional atmosphere for the perception of society's problems. The creation of an emotional pack of social advertising is possible by incorporating lateral thinking, the use of associations and alternative, which, in turn, are combinations capable of expanding the audience.

Keywords: public service advertising, content, creativity, lottery thinking, alternative.

*Кияница Евгения Олеговна,
кандидат наук по социальным коммуникациям,
старший преподаватель кафедры журналистики
Киевского национального торгово-экономического университета
E-mail: gane@i.ua*

КРЕАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОИЗВОДСТВЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ: ПРАВИЛО ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы совершенствования социальной рекламы за счет использования креативных решений, которые базируются на технологиях, создающих определённые алгоритмы действий, позволяющие сформировать необходимую эмоциональную атмосферу для восприятия проблем общества. Создание эмоциональной упаковки социальной рекламы возможно за счет включения латерального мышления, использования альтернатив и ассоциаций, которые в свою очередь комбинаторно способны расширить аудиторию.

Ключевые слова: социальная реклама, контент, креатив, латеральное мышление, альтернатива.

В современной практике рекламирования товаров и услуг возникают вопросы совершенствования гуманистической составляющей рекламы и её социальной функции, которая не только

способствует лояльному отношению к продукту, но и должна формировать определённые ценности в обществе, поднимающие его (общество) на новый социокультурный уровень. Такой подход актуализируется за счет того, что реклама является особым видом информации, потребляемой современным обществом, кроме того – эта информация приближена к пониманию более широкого круга общественности и воспринимается релевантнее различными социальными группами.

На всем протяжении культурного развития общества мы можем проследить стремление рекламистов расширить свои возможности не только за счет привлечения той или иной аудитории, но и за счет использования новых знаковых, логических, материальных, технических приёмов и средств. Отсюда постоянное желание создателей рекламы осознанно или подсознательно интегрировать в свою деятельность порождения совершенно различных областей культурной жизни и цивилизации в целом. С помощью рекламы можно обозначить проблемы социума и определить пути их решения, ведь именно социальная реклама в большей степени является видом искусства, так как основной её задачей является эмоциональное воздействие на потребителя. В определённом смысле, общественная (социальная) реклама – это компонент социальной политики и механизм влияния на формирование общественного мнения. Чтобы быть эффективной, социальная реклама априори должна быть креативной, так как упрощенность формы подачи информации, красочность, мобильность и доступность дают возможность максимально расширить аудиторию, что является ключевым для социальной функции рекламы.

Исследованиям создания социальной рекламы, а также использования социальной функции в рекламировании товаров и услуг посвящены научные разработки таких ученых как: В. Арцибашев («Реклама как вид социальной коммуникации»), В. Вайнер («Некоммерческие организации. Эф-

фективная социальная реклама»), М. Веденичева («Полезная реклама – социальная»),

О. Колокольцева («Социальная реклама в процессе ценностных установок»), Г. Николайшвили («Социальная реклама: теория и практика»), М. Пискунова («Социальная реклама как феномен общественной рефлексии»), Г. Римера («Понятие социальной рекламы, ее значение в распространении нравственных ценностей»), В. Учёнова и Н. Старых («Социальная реклама»), Н. Штернлиба («Социально-коммуникативная природа рекламы») и др. Также, при написании данной работы, наше внимание было обращено к работам посвященным исследованию креатива, предложенным такими авторами как Э. Боно («Латеральное мышление»), М. Микалко («Взлом креатива»), М. Нёлке («Техники креативности»), А. Осборн («Как думать»), А. Пономарев («Психология творчества»), давших нам возможность определить наиболее подходящие технологии и методики именно для создания социальной рекламы. Проанализировав работы вышеуказанных авторов, мы видим, что многие исследователи социальной рекламы не уделяют должного внимания креативным подходам к её созданию, а ведь именно они дают возможность облечь социальные проблемы в такую упаковку, которая будет способствовать привлечению внимания более широких кругов общественности.

Вспомним, что развитие общественной рекламы неразрывно связано с гражданскими и политическими событиями, происходящими в социуме. В подтверждение данного утверждения вспомним о: борьбе «Американской гражданской ассоциации» за экологическое здоровье Ниагарского водопада в 1906 году в США, с призывом защитить природные ресурсы от вреда, наносимого энергетическими компаниями; «Дне белого цветка» в 1908 году в Швейцарии, где по средствам распространения белых целлулоидных цветов привлекалось внимание общественности к проблеме туберкулёза, чахотки и т.д.

Дальнейшее становление социальной рекламы, как формирующего общественное сознание инструмента, происходило под влиянием военно-политических событий и способствовало популяризации добровольческого движения, формированию ответственности за семейные ценности, осведомленности о гражданских правах, а также воспитанию сопричастности к построению нового общества. С помощью общественной рекламы поднимались проблемы грамотности, экологии, здравоохранения, безопасности.

Заметим, что первым органом, регулирующим общественную рекламу – *public service advertising (PSA)* в 1942 году стал Совет по рекламе, идея создания которого возникла в Совете по правам Человека после вступления США во Вторую Мировую войну. До сегодняшнего дня AdCouncil определяет перечень общественных проблем и стимулирует принятие мер по решению этих проблем посредством коммуникационных программ, дающих возможность обществу осознать их значимость [10].

Итак, мы видим, что возникшая в США общественная реклама (PSA) неразрывно связана с трансформациями социальной среды. Происходящие в обществе события, транслируемые посредством рекламы, а также гуманистические акценты, находящиеся в фокусе этой рекламы, способствуют построению системы определенных ценностей, созданию эмоциональной атмосферы за счет которой возможны изменения уже существующих стереотипов и формирование новых аттитюдов как в обществе в целом, так и у каждого индивида в отдельности. То есть – это процесс, неразрывно связанный с жизнью общества, показателем уровня которого является степень соответствия структуры потребностей и интересов потребителей (целевой группы) целям, которые ставит перед собой рекламодатель как субъект одного из двух процессов: предложения и потребления. Именно такое понимание трансляции информации, оформ-

ленной определенным образом (рекламы), было заложено Игорем Буренковым – российским журналистом, при использовании термина «социальная реклама» как аналога PSA.

Опираясь на предложенную трактовку, во многом соглашаясь с ней, а также учитывая приведенные тенденции эволюционного развития социальной рекламы, хотелось бы акцентировать внимание на эмоциональной составляющей этого понятия. Именно создание определенной эмоциональной атмосферы даёт возможность решить задачи, стоящие перед обществом – гармонизировать социальное пространство и социальные отношения, посредством формирования одобренных обществом моделей поведения. Достичь этого не просто, поскольку подобная атмосфера должна базироваться как на позитивных эмоциях, так и на контрасте позитива и негатива; она должна создавать образ рекламируемого продукта способный рождать как положительные, так и отрицательные ассоциации. Искусство создания такой атмосферы заключается в творческой организации всех художественных элементов рекламного сообщения, целью которого должно стать единство и гармония замысла, включающего в себя идею, событийный ряд, образы, конфликт и сверхзадачу. Кроме гармоничного замысла, включающего все необходимые элементы, напомним и о необходимости включать в структуру рекламного сообщения эмоциональные переживания, действующие на потребителя и формирующие эмоциональную память, которая базируется на яркости впечатлений от увиденного (услышанного). Установлено, что эмоциональная память намного сильнее, чем другие виды памяти, воздействует на поведение человека. Любое рекламное сообщение – это не только информация, это прежде всего несколько эмоционально насыщенных минут (секунд), лично переживаемых человеком в момент просмотра (прослушивания). Эмоциональная упаковка социальной

рекламы пропорционально зависит от визуального и звукового ряда – это именно то, что должно привлечь внимание аудитории, побуждать вникнуть в контент, раскрывать и проникаться заложенной в нём идеей.

Визуальное оформление рекламной информации социальной направленности базируется на композиции стилистического и колористического построения коммуникационных материалов, приводя все художественные элементы в соответствие с принципами единства красоты и гармонии. Аудиальные элементы (музыка, звуковые эффекты и звучание текста) также способствуют усилению психоэмоционального восприятия рекламы и наряду с вербальной и визуальной составляющей является одним из важнейших средств ритмообразования в рекламе.

Заметим, что сегодняшняя тотальная дигитализация способствует тому, что общество с большей охотой воспринимает информацию, представленную в цифровом пространстве со всеми атрибутами вербальной коммуникации, значение которой, превосходит многие другие. Действительно, яркое изображение привлекает внимание потребителя и содержит важные ключевые аспекты рекламы, однако не могут дать полного представления о проблеме, которую создатели социальной рекламы пытаются поставить перед обществом. Именно благодаря вербальным знакам эти ключевые моменты доосмысливаются согласно тем коммуникативным направлениям, которые и закладываются при создании рекламного сообщения социального значения. Кроме этого, большая часть рекламных изображений не способна покрыть смысловое пространство в целом. Решение данной задачи возможно при эффективном использовании различных креативных приёмов и методик, реализовываться которые могут в трёх основных плоскостях, таких как: создание коммуникативного образа, неординарное решение размещения рекламы, нетрадиционная техника или стиль рекламного обращения.

Опираясь на изложенную информацию, мы видим, что создание эмоциональной атмосферы, поддержка смысловых установок, визуализация, аудиализация и т.д. актуализирует необходимость использования креативных решений в различных направлениях. Предопределение важности креатива, разработка способов и приёмов поиска новых эффективных идей в сфере социальной рекламы неизменно подводит нас к детальному рассмотрению различных креативных технологий, которые направлены на создание алгоритма, позволяющего каждому специалисту по рекламе, даже не отличающемуся высокими творческими способностями, генерировать новые идеи для рекламы, делать открытия разных уровней и решать серьезные проблемы в избранной им области деятельности [4, с. 6–8].

Креатив в социальной рекламе должен не только (и не столько) развлекать непрофессионалов и восторгать профессионалов, но хотя бы на время беречь сознание; заставлять на время проникнуться тяжестью и серьезностью проблемы и не оставлять зрителей равнодушными. Простыми эмоциями и рациональными мотивами здесь не обойтись. Итак, креатив социальной рекламы может строиться на различных технологиях и методиках, среди которых можно выделить: «мозговой штурм», «синектику», «метод фокальных объектов», «технику 100», «технику 365» и много других полезных приёмов создания интересных идей для продвижения как социальной проблематики, так и товаров услуг в целом. Однако, нам бы хотелось с акцентировать своё внимание на наиболее масштабном, на наш взгляд, подходе к созданию креатива – на предложенном британским психологом Эдвардом де Боно латеральном мышлении.

Латеральное мышление включает аспекты конвергентного, дивергентного, а также логического мышления, используя которые практически каждый человек способен повысить свой творческий потенциал и сформировать новые инструменты

для создания продуктивных идей. «Мышление – это целенаправленное исследование опыта для достижения поставленных задач, это операционная **умение**, с помощью которого интеллект работает над опытом» [11, с. 115]. То есть – это алгоритмичный процесс решения проблемы, **умение**, которое включает знание того, что необходимо делать в сложившейся ситуации и какие средства необходимо использовать для достижения результата. Опираясь на утверждение Боно, что «умение – способность эффективно выполнять определённые задачи» хотим дополнить – умение должно включать в себя знания, не только сопряженные с решаемой задачей, но и базовые знания в различных областях, а также знания методов развития творческого мышления, которые должны лежать в основе разработки креатива. Рассмотрим некоторые из них:

- метод PMI (плюс, минус, интересно), в основе которого лежит поочередное нахождения положительных, отрицательных и интересных моментов при анализе и решении проблемы;

- метод SAF (рассмотрение всех факторов) при котором необходимо большее количество участников, в связи с ограниченными возможностями одного индивида увидеть проблему под другим углом и другими глазами. Решая проблему, каждый учитывает преимущественно свои интересы, что может приводить к узконаправленному решению;

- метод OPV (взгляд других людей), сопряжен с предыдущим методом, однако имеет определённую особенность, участники сеанса регламентируются проблематикой в предметном поле которой решается задача;

- метод C and S (последствия и предложение) базируется на использовании временной шкалы, когда анализируются последствия принятия решения в ближайшее время, среднесрочные и долгосрочные.

Описанные методики имеют определенную связь, ведь принятое решение в разных точках вре-

менной шкалы можно рассматривать как факторы, влияющие на других людей и определяющие их поведение. Такой подход, в определенной мере может притормозить развитие креативной мысли, если не пытаться искать альтернативные решения. Генерируя альтернативы, всегда можно от них отказаться, но если никогда этого не делать, то и выбора как такового не будет. Генерация альтернатив открывает новые возможности с помощью таких методик как:

- APC (альтернативы, возможности, выбор) основан на поиске альтернатив в различных сферах и предположениях применения принятого решения для различных аудиторий;

- AGO (цели, направления, задачи) предназначен для точного определения, формулировки и выбора цели, которой необходимо достичь при создании креативного продукта;

- Random Input (метод случайной стимуляции) обеспечивается случайным предметом, словом, человеком, событием, вызывающим ассоциации, которые входят в контакт с ассоциациями самой «проблемы», и позволяют её решить, создавая что-то новое, т.е. происходит коллаборация случайного предмета с решаемой задачей.

- PO (провокационная операция – метод близкий к методу гирлянд ассоциаций) осуществляется посредством сочетания ассоциаций, связанных с проблемой, с ассоциациями из другой сферы, к которой принадлежит проблема, требующая решения. [1, с. 88–105];

- SH (шесть мыслительных шляп) базируется на возможностях человек мысленно переключать своё сознание в различные плоскости, соответствующие цвету надеваемой шляпы (белый – аналитика, черный – критика, красный – эмоции, желтый – позитив, зеленый – творчество, синий – рефлексия и выводы).

Последний метод, с точки зрения некоторых авторов (О. Пивоваровой, Е. Ильина), не приводит к эффективному решению проблем, затрудняет создание чего-то нового [6, с. 33]. Однако, если совместить его с предыдущей группой методов,

таких как CAF, OPV и C and S, т.е. провести сеанс «шести шляп» в кругу вовлеченных в проблему участников, где каждый выберет себе определенную «шляпу» и будет транслировать идеи, согласованные с её цветом, опираясь на временную шкалу, на наш взгляд, такая интеграция методов, будет более эффективна, нежели использование как-то одного.

Все вышеуказанные методы расширяют сферу восприятия человеком проблемы, способствуют пониманию алгоритма генерации новых идей, а также дают возможность уйти от старых стереотипных взглядов. Знания таких методов, их при-

менение в создании социальной рекламы, дают возможность совершенствовать визуальные, аудиальные и вербальные её формы.

Опираясь на обработанный материал, мы можем констатировать, что использование креативных технологий в социальной рекламе неизменно приводит к её совершенствованию, созданию эмоциональной атмосферы, которая более интенсивно привлекает внимание целевых аудиторий, эффективной трансляции более привлекательного контента, посвященного социальным проблемам, а также формированию гражданской позиции в обществе в целом.

Список литературы:

1. Боно Э. Рождение новой идеи / пер. с англ. под общ. ред. О. Тихомирова. – М.: Издательство «Прогресс». 1976. – 144 с.
2. Ильин Е. Психология творчества, креативности, одаренности / Евгений Ильин. – СПб.: Питер, 2013. – 448 с.
3. Микалко М. Взлом креатива: как увидеть то, что не видят другие / пер. с англ. А. Коробейников. – 2-е изд. – М.: Издательство «Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 320 с.
4. Мухаев О. Творчество и креатив в социальной рекламе: опыт современной России / автореф. дис. канд. культурологии. – Саранск: «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». 2011. – 19 с.
5. Нёльке М. Техники креативности / пер. с нем. М. Э. Рёш. – 5-е изд. – М.: Издательство «Омега-Л». 2013. – 133 с.
6. Пивоварова О. Латеральне мислення та методи його розвитку / Олена Пивоварова. – К.: НАПН України: Інститу вищої освіти: журнал «Філософія освіти» № 1 (3) 2006. – С. 24–34.
7. Пискунова М. Социальная реклама как феномен общественной рефлексии / Электронный научный журнал «Медиаскоп» / Режим доступа: URL: <http://www.mediascope.ru> [Название с экрана].
8. Сергеев С. Социальная реклама. Искусство воздействия словом / Сергеев С. – М.: Издательство «Бахрах-М». 2006. – 288 с.
9. Ученова В., Старых Н. Социальная реклама / Ученова В. В., Старых Н. В. – М.: Издательство «Индекс Медиа». 2006. – 304 с.
10. Ad Council официальный сайт / режим доступа: URL: <https://www.adcouncil.org/About-Us/The-Story-of-the-Ad-Council> [Название с экрана]
11. Bono, Edward de. Teaching Thinking. Penguin Books. – London, 1976. – 269 p.

Section 3. Art

*Mambetova Gul'shen Rustemovna,
candidate of study of art, associate professor, Public budgetary
educational institution of higher education of Republic Crimea the
"Crimean engineer-pedagogical university"
E-mail: gulchen_1@mail.ru*

STRUCTURAL ANALYSIS OF THE CRIMEAN TATAR FOLK COMIC SONGS

Abstract: The study of the Crimean Tatar musical folklore is one of the actual scientific problems of modern musicology, as the systematization of processes and phenomena, their description, analysis and generalization are able to form an idea of a new tradition, born in monodic cultures and preserved deep connections with it.

The object of the study is the Crimean Tatar folk comic songs. The subject of research is structural analysis of the song "AK chown" and "A, Kyazim, canopy kime bereik" from the collection Y. Sherfedinov "Sounds haytarma".

The purpose of the article is to identify the belonging of these works to the genre of Maqam. In the musical culture of the Crimean Tatars structural analysis of comic songs from the collection of J. Sherfedinov "Sounds haytarma" is still not produced, so the choice of topic is justified by the need to fill a significant gap. This study will give an idea of the Crimean Tatar folk comic songs. The scientific novelty of the work allows us to conclude that these works are maqams, as the development of musical material meets the requirements of this genre.

Keywords: time; suggestion; verse, refrain, melodious line; variant; to the maqams; макамный principle of development, structural analysis.

*Мамбетова Гульшен Рустемовна,
кандидат искусствоведения, доцент,
Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»
E-mail: gulchen_1@mail.ru*

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ КРЫМСКОТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ ШУТОЧНЫХ ПЕСЕН

Аннотация: Изучение крымскотатарского музыкального фольклора является одной из актуальных научных задач современного музыкознания, так как систематизация процессов

и явлений, их описание, анализ и обобщение способны составить представление о новой традиции, родившейся в монодийных культурах и сохранившей с ней глубинные связи.

Объектом исследования являются крымскотатарские народные шуточные песни. Предметом исследования является структурный анализ песен «Акъ къююн» и «А, къызым, сени киме берейим» из сборника Я. Шерфединова «Звучит хайтарма».

Цель статьи – выявить принадлежность данных произведений к жанру макама. В музыкальной культуре крымских татар структурный анализ шуточных песен из сборника Я. Шерфединова «Звучит хайтарма» до сих пор не производился, поэтому выбор темы обусловлен необходимостью заполнения существенного пробела. Данное исследование позволит составить представление о крымскотатарских народных шуточных песнях. Научная новизна работы позволяет сделать вывод, что данные произведения представляют собой макамы, так как развитие музыкального материала соответствует требованиям данного жанра.

Ключевые слова: такт; предложение; куплет, припев, мелодическая линия; вариант; макам; макамный принцип развития, структурный анализ.

Профессиональное искусство с момента зарождения и по сей день непрерывно обращается к фольклору. Это постоянно действующая тенденция, но проявляется она в разные эпохи по-разному. Многие композиторы-классики убеждались в том, что для формирования национальной музыкальной школы, достижения высокопрофессионального искусства необходимо всё большее проникновение в глубины народного творчества [2].

К сожалению богатейшее наследие крымскотатарской народной музыки по сей день остаётся малоизученным. До сих пор нет фундаментального исследования по формам и жанрам профессиональной монодии, то есть макамам в крымскотатарской музыке. Некоторые произведения, как вокальные, так и инструментальные, классифицируемые по жанрам в существующих сборниках, следует особо изучить, так как они могут составлять особую группу, называемые макамы. Следует отметить, что в отличие от макомов, мугамов, мукамов, крымскотатарские макамы не имеют циклических форм. Следовательно, для выявления данного жанра необходим более глубокий, структурный анализ музыкальных произведений.

Данная работа рассматривает один из жанров крымскотатарских народных песен: шуточные и сатирические песни. Ф. А. Алиев в своей работе

«Антология крымской народной музыки» классифицируют их на несколько жанровых разновидностей: хороводно-игровые, «диалоговые», шуточно-повествовательные, а также песни о животных и природе [1, с. 45].

В музыкальной культуре крымских татар структурный анализ крымскотатарских народных шуточных (сатирических) песен из сборника Я. Шерфединова «Звучит хайтарма» до сих пор не производился, поэтому выбор темы автором оправдан надеждой на возможность заполнения существенного пробела [3].

Рассмотрим две крымскотатарские народные песни.

Шуточная песня «Акъ къююн» – очень светлое, лёгкое произведение [3, с. 65]. Это рассказ о красивой любви парня к девушке. Произведение записано в 1961 г. благодаря исследователю и собирателю крымскотатарского фольклора М. Велиджанову. Произведение написано в куплетно-припевной форме. Песня очень мелодична, однако усложнена частым использованием мелизматике. Вокальная партия сопровождается ударным инструментом – бубен (его партия выписана отдельной строкой). Текст произведения несложный, легко воспринимается, прост в исполнении, написан в шуточной

форме. Размер произведения 4/8, тональность h-moll. Темп произведения умеренный, требует аккуратного, сдержанного исполнения. Назва-

ние песни «Акь кьоюн» переводится как «белый ягненок», так молодой человек называет свою возлюбленную.

Умеренно

Акь кьо-юн, бе-яз-баш кьо-юн, дагь-ле-ри э-нипде ге-лир, яр.
 Баглама(припев)
 А-кьи-кьат я-ремде ол-са, уй-кьу-сун бо-люпде ге-лир, яр.
 Гель, гель, гель, гель, а-ман, а-ма-ным а-ман, джи-ва-ным!
 Бирдеде гель-сень тез о-лур, а-ман, э-ки-деде гель-сень тез о-лур, а-ман,
 учь-деде гель-сень тез о-лур, а-ман, дёрт-деде гель-сень
 я-ны-ма, бештеде ал-сам я-ны-ма.

Как и многие крымскотатарские народные произведения данная песня представляет собой макамный принцип развития, то есть, музыкальное произведение построено таким образом, что каждое новое изложение материала является вариантом предыдущего. Основной тематический материал обычно излагается в начальных тактах музыкального произведения. Весь последующий материал музыкального построения постоянно варьируется. Рассмотрим произведение подробнее.

Первое предложение состоит из 9 тактов. Здесь основной тематический материал излага-

ется в первых двух тактах. Третий такт является вариантом первого. Так, например, четырёхзвучная пробежка шестнадцатыми длительностями в третьем такте дублирует общий контур восходяще-нисходящего движения первого такта с акцентом на устойчивые звуки лада. А следующая ритмическая фигура – четверть и две шестнадцатые – также повторяет первый такт, но звучит секундой ниже. Четвёртый такт полностью дублирует второй.

Первый период:

Акь кьо-юн, бе-яз-баш кьо-юн, дагь-ле-ри э-нипде ге-лир, яр.

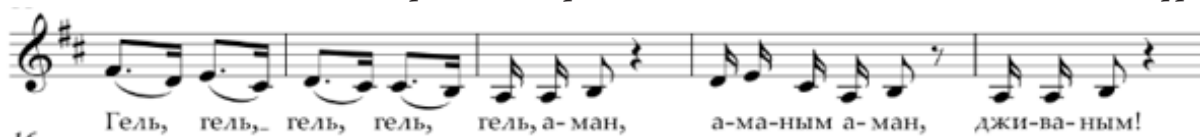
Каждая фраза повторяется по два раза, таким образом, автор пытается придать словам парня больше эмоциональности и напора. Мелодическая линия представлена в основном в нижнем регистре, плавно переливаясь в распевах.

Следующий раздел музыкального материала представляет собой припев, состоящий из двух

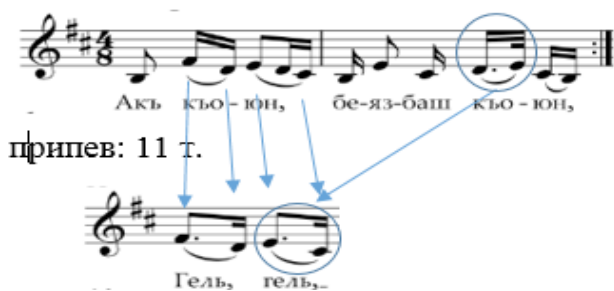
Первый период припева также состоит из 9 тактов, где каждая фраза повторяется дважды, а последний такт с устойчивой примой тоники расширяет период.

Ритмический рисунок первых двух периодов представляет собой некоторые трудности для исполнителя в виду частого использования восьмых, шестнадцатых, а также тридцатьвторых

Музыкальный материал данного предложения также построен на мелодико-ритмических интонациях куплета. Так, например, нисходящие терции 11 такта являются вариантом первого такта куплета. Пунктирный ритм используемый во втором такте куплета наибольшее применение получил также в 11 такте.

куплет: 1-2 тт.

Следующий 12 такт является одновременно и вариантом 11 такта припева, и вариантом 2 такта куплета. Так, например, 11 и 12 такты представляют собой поступенную нисходящую секвенцию.

периодов. Первый период полностью дублирует партию куплета. Отличительной чертой является лишь введение одного тонического звука в первом такте припева:

Первый период припева:

длительностей в мелизматике и распевах, так как это требует хорошей слуховой и интонационной подготовки. Мелодия здесь движется плавно, постепенно, общий диапазон которой составляет интервал квинту.

Второй период припева состоит из 15 тактов (трёх предложений). Первое предложение включает в себя 5 тактов и делится на две фразы 3+2:

11-12 такты припева:

Следовательно, 12 такт продолжает мелодико-ритмический фрагмент 11 такта.

В то же время 12 такт припева является вариантом 2 такта куплета:

Следующий 13 такт, воспринимающийся как новый материал, в то же время является вариан-

том уже звучащего фрагмента на грани двух тактов, двух предложений, а также заключительной инто-

нации куплета и первого периода припева, но изложенного ступенью ниже и ракоходном движении:

куплет-припев 1-10 тт.

припев 13 такт

Следующий фрагмент 14 такта является вариантом 2 и 3 тактов куплета:

куплет 2-3 тт.

припев 14 т.

Завершающий предложение 15 такт полностью дублирует 13.

Второе предложение периода также построено на материале первых двух тактов куплета

Первый такт данного предложения, то есть 16 такт припева, является вариантом первого такта куплета:

Следующий 17 такт также построен на материале куплета:

куплет 1 такт

припев 16 такт

куплет 2-3 тт.

припев 17 такт

Музыкальный материал 18 и 19 тактов дублируют предыдущие такты, то есть 16 и 17 так-

припев 16-19 тт.

Бир де де гель - сень тез о - лур, а - ман, э - ки - де де гель - сень тез о - лур, а - ман,

Следующее последнее предложение припева, построенное также на материале куплета, не-

сколько расширено и состоит из 6 тактов (трёх фраз).

учь - де де гель - сень тез о - лур, а - ман, дёрт - де де гель - сень
я - ны - ма, беш те де ал - сам я - ны - ма.

Первая и вторая фразы, то есть 20–23 такты, дублируют первую фразу предыдущего предложения – 16–17 такты, где в каждой из них изменению подвергается лишь один звук. Последняя фраза – 24–25 такты дублирует 16–17 такты без изменений.

Следовательно, проделанный анализ подтверждает версию, что данное произведение имеет макамы принцип развития.

Крымскотатарская старинная народная шуточная песня «А, кызым, сени киме берейим» была записана А. Тайганской в 1916 году [3, с. 62]. Произведение написано для дуэта с хором. Дуэт представляют молодая девушка и более пожилой человек, так как вторым главным героем в песне является её отец, который хочет выдать свою дочь замуж, однако она не хочет выходить за «кого попало». На этом и построена смысловая завязка. Из куплета в куплет девушка не соглашается, но в конце концов уступает отцу.

припев 24-25 такты (3 фраза)

беш те де ал - сам я - ны - ма.

Следует отметить, что коллективное пение не так часто встречается в крымскотатарском музыкальном фольклоре, поэтому данный пример является исключением. Как и во многих других народных песнях, имеется инструментальный аккомпанемент в виде бубна, партия которого выписана под произведением.

припев 16-17 такты

Бир де де гель - сень тез о - лур, а - ман,

припев 20-21 такты (1 фраза)

учь - де де гель - сень тез о - лур, а - ман,

припев 22-23 такты (2 фраза)

дёрт - де де гель - сень я - ны - ма,

♩ = 92

Бабасы(Отец) Къыз(Дочь)

А, къы-зым, се - ни ба-зыр-гя-на бе-ре-йим? Ёкъ,ба-ба чы - гъым, ёк.

5 Ба - зыр-гян-нынъ бас-ма-сы да чокъ - тыр, оль - че - тир ма - нъа,

9 Хор
оль-че-тир-ма-нъа, мен о-нъа да вар-ма-зым. Бе-яз коль-мек,акъ гер-дан

15 ба - ба, бу - ла - ма - дынъ дер - ди - ме дер - ман.

17 Мен о-нъа да вар - ма - зым, ек, мен о нъа да вар - ма - зым.

Бубен $\frac{4}{8}$

Рассматриваемое крымскотатарское народное шуточно-сатирическое произведение «А, къызым, сени киме берейим» написано в куплетной форме с легко запоминающейся мелодией. Текст произведения несложный, легко воспринимается, прост в исполнении. Размер 4/8 сохраняется на протяжении всего произведения. Мелодия усложняется благодаря мелизматике и распевам, в которых, преимущественно, используются восьмые и шестнадцатые длительности. Мелодия быстрая, игривая многократно повторяется в форме «вопрос – ответ», тональность е – moll.

Рассмотрим произведение подробнее. Первый период состоит из 12 тактов, которые, в свою очередь делятся на три предложения. Первая фраза произведения начинается со слов отца, мелодия плавная, волнообразная, без резких ускорений или замедлений, фраза исполняется вопросительной интонацией «А, къызым,

сени базыргяна берейим?». Вторая фраза этого предложения является ответом «дочери», в ритмическом плане она усложняется за счет распева шестнадцатыми длительностями, а интонационно становится уверенней, нежели предыдущая: «Ёкъ, бабачыгъым, ёкъ!», так как в ответе следует отказ. Мелодия уверенно и стремительно движется к устойчивым звукам. Следует обратить внимание на то, что почти весь период написан для женской партии, кроме первой фразы первого предложения. Далее звучит мелодия достаточно легкая и хорошо ложится на слух, почти не усложнена распевами или ритмическими трудностями. Период написан в широком диапазоне от «ми» первой октавы, до звука «ре» – второй, где высокие ноты вводятся уже с первого предложения, с момента вступления женской партии. Мелодическая линия достаточно утвердительная, несмотря на то, что часто используется по-

ступенное изложение, мелкая мелизматика для украшения партии девушки, а также для изображения её образа – хитрого, игривого.

Рассмотрим пример первого периода:

Первое предложение:

Музыкальная запись первого предложения. Темп $\text{♩} = 92$. Мелодия в G-мажоре. Лирика: А, кыы-зым, се - ни ба-зыр-гя-на бе-ре-йим? Ёкь,ба-ба чы - гьым, ёк. Участие Бабасы (Отец) и Къыз (Дочь).

Второе предложение:

Повторение I фразы

Музыкальная запись второго предложения, повторяющего первую фразу. Лирика: Ба - зыр-гян-нынъ бас-ма-сы да чокь - тыр, оль - че - тир ма - нья,

Следующий фрагмент представляет собой мелодико-ритмические повторения предыдущей фразы:

Музыкальная запись фрагмента с мелодико-ритмическими повторениями. Лирика: оль-че- тир ма - нья, мен о-нья да вар- ма - зым.

Как и многие крымскотатарские народные произведения данная песня представляет собой маканный принцип развития, то есть, музыкальное произведение построено таким образом, что каждое последующее изложение материала является вариантом предыдущего. Основной тематический материал обычно излагается в первых тактах, как в вокальных, так и в инструментальных крымскотатарских народных произведениях. Весь последующий материал музыкального построения постоянно варьируется. Например, в данном произведении тематический материал охватывает четыре такта. Всё дальнейшее изложение является вариантом данного четырёхтакта. Так, начальная фраза второго предложения полностью повторяет первую фразу первого предложения, как мелодически, так и ритмически.

1 предложение

Музыкальная запись первого предложения. Лирика: А, кыы-зым, се - ни ба-зыр-гя-на бе-ре-йим?

2 предложение:

Музыкальная запись второго предложения. Лирика: Ба - зыр-гян-нынъ бас-ма-сы да чокь - тыр,

Далее, мелодия седьмого такта, начинаясь, как и предыдущие фразы, восходящим секундовым ходом, меняет направление. Мелодическая линия, построенная на нисходящих секундовых интонациях, является вариантом третьего такта, изложенная лишь квартой ниже:

1 предложение:

2 предложение:

2 предложение:

3 предложение:

I предложение:

II предложение:

куплет 1-2 тт.

припев 13-14 тт.

Следующий такт припева также полностью построен на материале куплета:

Тематический материал третьего предложения полностью построен на материале предыдущей фразы. Две фразы данного предложения полностью идентичны, так как повторяют мелодическую и ритмическую линию седьмого и восьмого такта второго предложения. В девятом такте вводится фрагмент фригийского лада, однако в следующей фразе вновь звучит натуральный минор.

Следующий период представляет собой припев, который состоит из восьми тактов и двух предложений. Первое предложение припева начинается в верхнем регистре. Множество мелодических распевов приводят к кульминации, после чего мелодическая линия плавно спускается вниз. Произведение заканчивается на устойчивом звуке.

Рассмотрим припев, представляющий собой второй период.

Тематический материал припева построен на преобразованных мелодико-ритмических интонациях куплета. Так, например, первые два такта припева являются вариантом первых двух тактов куплета:

куплет 1-4 тт.

припев 15 т.

куплет 2 т.

припев 16 т.

куплет 7-8 тт.

припев 17-20 тт.

Дальнейшее изложение припева также построено на материале куплета. Так, например, 16 такт припева дублирует 2 такт куплета:

А последнее предложение припева (17–20 тт.) полностью дублирует 7–8 такты куплета:

Следовательно, как отмечает Р. Ю. Юнусов, «по функциональному признаку все макомные и мугамные составные структурные единицы можно подразделить на основные и производные» [4, с. 42]. В нашем случае основную структурную единицу выполняют в первой песне первые два такта, а во второй – первое предложение, то есть первые четыре такта. Следующий за ними музыкальный материал является производным, так как является вариантом первоначального из-

ложения, что и характерно для крымскотатарских макамов.

Таким образом, проделанный структурный анализ крымскотатарских народных шуточных песен «Акь кьююн» и «А, кызым, сени киме берейим» позволяет делать вывод, что данные произведения представляют собой макамы, так как развитие музыкального материала осуществляется согласно требованиям данного жанра.

Список литературы:

1. Алиев Ф. М. Антология крымской народной музыки. Симферополь: Крымское учебно-пед. гос. изд., 2001. – 600 с.
2. Головинский Г. Композитор и фольклор: Из опыта мастеров XIX–XX веков. Очерки. – Москва: Музыка, 1981. – 279 с.
3. Шерфединов Я. Звучит кайтарма. – Ташкент: Изд. Г. Гуляма, 1979. – 232 с.
4. Юнусов Р. Ю. Макомы и мугамы. – Ташкент: Фан, 1992. – 88 с.

Section 4. History

Lan Yao,
Tim Weiskel,
professor

E-mail: lisa01ylyy@outlook.com

THE CRIME OF EUROPEAN COLONIZATION

Abstract: Most European colonization was full of crime. It not only destroyed cultures of ethnic groups such as the Native Americans, the Africans, and the Chinese, but also triggered severe racism worldwide. Though European colonization contributed some positivity to the world like triggering industrialization and globalization, these processes could have been done without European colonization. Accordingly, people should find solutions to problems European colonization wrought. This paper will trace and evaluate the effects of European colonization on specific cultures and on the world.

Keywords: European colonization, humanities, culture, ethnicity.

Introduction

Colonization was widely spread throughout history, and European colonization largely changed the world's appearance. Today, the world is dominated by the offspring of these colonizers, and many truths about European colonization have been distorted. For instance, most people tend to overestimate the benefits of Europe's contributions, and numerous facts have been hidden. Of course, this is not to say that all colonization was negative, or that all European colonization was harmful. However, it is, without a doubt, that most occupations were marred crimes that made the world miserable.

Positive Colonization

Colonization that is not built on sacrificing people and cultures but is focused more on trading and inclusion have a positive impact both on humans and on the process of colonization. When a country becomes strong enough and wants to increase its wealth, colonization or conquering another place is inevitable. And, there are some countries throughout history that chose positive ways to colonize, trigger-

ing not only their economic growth, but also building a good relationship with other countries.

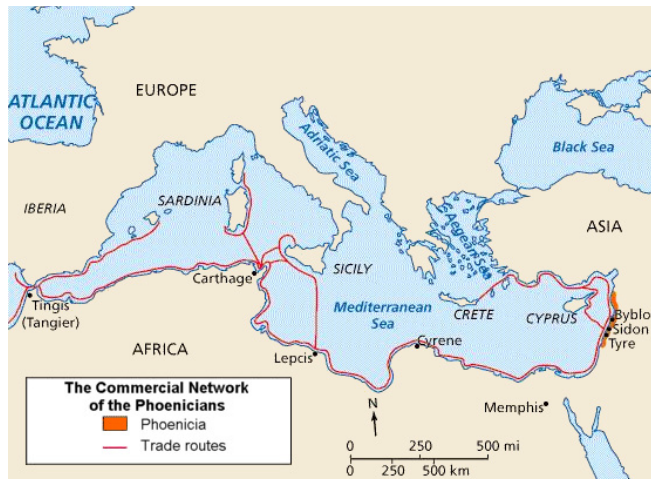

Figure 1. Map of Phoenicia and its Mediterranean trade routes

Phoenicians (a thalassocratic ancient Semitic civilization that originated in the Eastern Mediterranean and in the west of the Fertile Crescent), for example, once established many colonies throughout the Mediterranean. Though they had never formed a country, they were very powerful, and

dominated trade throughout the Mediterranean region [1] They exchanged goods with the people in the colonies while spreading their culture. The alphabet was the greatest contribution Phoenicians brought to the world, for it is the ancestor of all European languages. In addition, the Phoenicians had a lasting impact on later Greek culture. In Phoenicia, the tripartite division between Baal (the ancient Semitic gods of fertility), Mot 9 (the ancient Canaanite god of death and the Underworld) and Yam (the god of the sea in the Canaanite pantheon) seems to have influenced the Greek division between Zeus (the sky and thunder god in ancient Greek religion, who ruled as king of the gods of Mount Olympus), Hades (the ancient Greek chthonic god of the underworld) and Poseidon (god of the Sea in ancient Greek religion) [2, 94]. In various Mediterranean ports during the classical period, Phoenician temples sacred to Melkart (the tutelary god of the Phoenician city of Tyre) were recognized as sacred to the Greek hero (the tutelary god of the Phoenician city of Tyre). Stories like the *Rape of Europa* and the coming of Cadmus (the founder and first king of city of Thebes) also drew upon Phoenician influence.

Another example of positive colonization is how France colonized America only for the sake of trading with the Native Americans. Specifically, French officers learned the native language and became well-versed in American Indian diplomatic protocols. Even more, due to the lack of women, intermarriages between the French and Indians were encouraged, giving rise to the Métis people (Mixed-race descendants of early unions between the native Americans and colonial-era European settlers). Consequently, the relations between the two groups were usually peaceful, and they lived happily alongside each other. As the 19th-century historian Francis Parkman stated: “Spanish civilization crushed the Indian; English civilization scorned and neglected him; French civilization embraced and cherished him” [3, 42]. Unfortunately, after France lost the Seven Years’ War

and was expelled from America by Britain, the Indians’ lives became miserable.

Figure 2. Governor Frontenac performing a tribal dance with Indian allies

European Crimes

In contrast, most of European colonization was not an example of positive colonization. Its negative impact far surpassed its benefits towards humanity and history. Though it contributed some positivity to the world like triggering industrialization and globalization, it was marred by many devastating crimes to the world and should have been condemned.

Destroying culture. Most people believe that European colonization had benefits because it achieved cultural exchange between European countries and other parts of the world. It might seem as if the Europeans brought new languages, religions, and lifestyles to other regions, changing the behaviors of the people there. On the contrary, however, cultural exchanges should be mutual – that is, countries should absorb and incorporate each other’s cultures into their own lives. For instance, during the French colonization, they not only spread their own culture, but also adapted to the lifestyles and customs of the Native Americans.

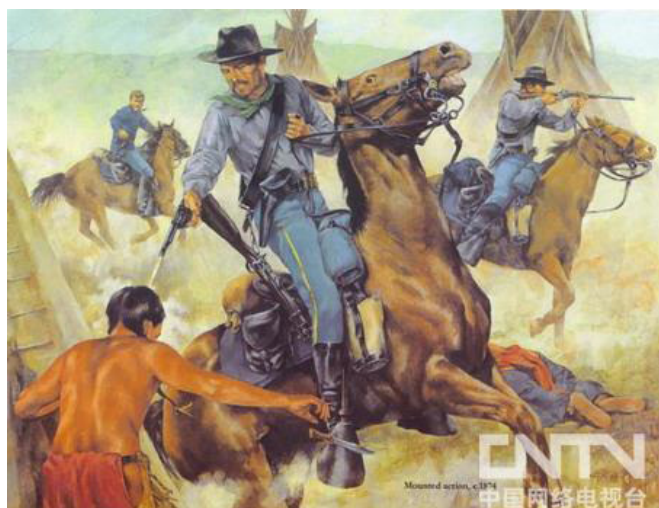

Figure 3. The massacre of Indians

But, the process of most European colonization was different. In fact, instead of exchanges, it was an annihilation of cultures from all over the world. The most significant example was the massacre of the Indians. Between the sixteenth and nineteenth centuries, the United States implemented a series of policies destroying the Native population and their cultures [4]. The whites considered the Native Americans uncivilized savages, despite the fact that some Indian tribes, such as the Navajo (Mixed-race descendants of early unions between the native Americans and colonial-era European settlers), Iroquois (a North American Indian peoples formerly living between the Hudson River and the St Lawrence and Lake Erie) and Cherokee (one of the indigenous peoples of the Southeastern Woodlands), had civilizations in the bud. In fact, the massacre was so relentless that about 95% of Native Americans were exterminated. In order to make a living, some of the remaining ones had to change their dressing styles and hairstyles and learn English to accommodate to the standards of the white men. As a result, they eventually began to forget their own traditions, religions, and languages, and their native cultures nearly disappeared.

Yet the Europeans hardly assimilated to Native American culture. In the daily lives of modern Americans, one can hardly find any Native Americans cultural elements. Displays in history museums

only illustrate how great the United States was after launching a revolution that resulted in its acquisition of independence and of how rapidly the country developed into the strongest nation in the world. Scarcely any mention Native American traditions. The colonists, then, still wore their own clothes, behaved their own way, and hardly accepted the ways of the Natives. Many tribes and languages were completely wiped out – and no one will remember these humble tribes, no one will understand their forgotten languages.

Figure 4. Mass Westernization

Aside from Native America, European colonization was also harmful to African nations. Nowadays, among about fifty African countries, nineteen of them have French as their official language, twenty have English, and the others have other European languages as their main method of communication. However, there are hardly any African citizens (except some primitive tribes) who speak their local languages, which have long been forgotten by “civilized” people. Also, most of them believe in Christianity, some adhere to Islam, but only about ten percent of the Africans have their own religions. These examples of the decline of African cultural diversity are all consequences of European colonization.

Similar occurrences also happened in China. In the beginning of the twentieth century, China was colonized by European powers, and the situation was so severe that many elites came up with new thoughts to save China. One school called Capitalist Radical carried out the New Culture Movement, which promoted Mass Westernization and abandonment of almost all Chinese culture [5]. After that, many old beliefs of famous philosophers like Confucius were criticized and discarded, and numerous ancient Chinese architectures and streets were replaced by Western ones [6, 125–126]. Not until the early twenty-first century did the Chinese government realized the importance of protecting traditions.

Triggering racism. Racism is something that should not exist in the world. Nor should it be so widely spread and so severe in contemporary times. Most people misunderstand the meaning of racism – they mistake it as sectionalism. Rather, it means that people from different races look down on each other, or relatively advanced races look down upon primitive ones, like how whites discriminate against African Americans.

Of course, racism existed before European colonization. For example, India had a caste system – people were born in their social classes and could not change their statuses throughout their whole lives. Racism was also exhibited by the Aryans, the conquerors of the Hindi people who had brighter skin, toward the Dravidians, the aborigines in India who had darker skin. However, this rigid caste system was relatively rare in the world, because in most ancient civilizations like Egypt, even slaves could move up through hard work. Another example of racism is the mutual distain between the Han people and the Mongolians in ancient China. The Han people detested the Mongolians for their barbarism and rudeness, while the Mongolians hated Han people’s gentleness and shrewdness. However, the racism between the two races was not that severe. When the Mongolians conquered the Han, they often recruited talented Han people to hold some crucial positions in court; when the Han conquered Mongolians, they

in turn communicated and traded with Mongolians peacefully.

When it came to distant civilizations like China and the Roman Empire, race relations were different. These two groups usually traded with each other, and each appreciated the other’s commodities. No one would say “I discriminate against these people because of their skin color.” There were wars sometimes, but the purposes of them were just based on political and economic interests not racism.

If European colonization had not happened, or if it had operated in a milder way, like only spreading European culture to the world out of good will or trading with each country, what would the world have been like? Groups in underdeveloped regions would probably have progressed, and there would not have been racism towards them.

Unfortunately, everything changed when European colonization began. When the European colonizers first arrived in America, many died due to not having prepared enough food or not having the ability to cultivate crops. It was the Native Americans who taught them how to grow food and helped them adapt to their lives in the New World. However, after the colonizers acclimated to their new lives and developed there, they soon forgot the bounties the Native Americans gave them and started to consider the Native Americans to be “uncivil,” “savage,” and “inferior to the whites,” torturing them, massacring them, and expelling them from their homeland.

Figure 5. Slaves working in the field

As the colonies developed quickly, more labor was needed. However, the Native Americans were too obstinate to be tamed. Consequently, the colonizers massacred almost all the Indian populations and brought cheap, relatively docile laborers from Africa. The colonists did not consider these slaves human but regarded them as their own property. The Declaration of Independence states, “All men are created equal,” but these “men” did not include Native Americans and African slaves. This is hypocritical, and it shows severe discrimination towards minorities. Today, the problem of racism has alleviated significantly, though there are some regions where discrimination towards African Americans are still prevalent. For instance, the term “black people” has become a sensitive label, and it is somewhat insulting in the United States. This is a clear indication of the crimes committed because of European colonization; it is the offspring of the colonizers who want to cover up their sins, thus avoiding talking about “black people.” For, originally, no one judged a person by his or her skin color, and no one considered black as an ugly or insulting word to describe a person’s skin. In China, it is normal to say, “Black people,” because the Chinese did not do anything guilty to Africans so “black people” is not considered as an insulting description in the Chinese language.

Was European Colonization Necessary?

Some people would argue that though the process of European colonization resulted in many crimes, it was necessary because of its many contributions to the world. However, European colonization was not as significant as most people believe. In fact, some historical events still *could* have happened without European colonization.

Capitalism/Industrialization. In the sixteenth century, Europe began to explore the New World and colonize it in order to accumulate wealth and capital. During this time, the Europeans gained a lot of wealth through trading or pillaging. It caused a produce surplus and thus triggered industrialization. Because merchants and new aristocrats had gained

enough wealth, they no longer relied on monarchs. Consequently, revolutions occurred, and the feudal systems were replaced by constitutional monarchies or republicanism. From this point of view, it may seem that European colonization was the only way for capitalism and industrialization to rise.

However, it is little-known that China once had the chance to develop capitalism as well. The Ming dynasty (the ruling dynasty of China for 276 years (1368–1644) following the collapse of the Mongol-led Yuan dynasty) is usually considered a corrupt dynasty, for the stereotyped writing imperial examination system limited students’ talents, and the eunuch’s leadership system made the court unscrupulous. However, the Ming Dynasty had, in fact, a highly-developed society. In southeast China during the Ming dynasty, some wealthy households of the textile industry began to hire labors to improve productivity. This was the germination of capitalism [7].

Figure 6. The germination of capitalism: households of the textile industry hiring labors

What exactly contributed to Ming dynasty’s capitalism and prosperity? Did the Chinese colonize or build on the blood of “uncivil” people? No. The thought of tolerance and comprehension had long been integrated in China, and the Chinese never massacred undeveloped civilizations or pillaged their resources. For example, the purposes of the Chinese explorer Zhen He’s voyages were only to show the superiority of China and to trade with other countries, not to establish colonies.

Unfortunately, Ming was finally defeated by Qing (The last imperial dynasty of China, established in 1636 and ruling China from 1644 to 1912), which

consisted of a northern minority called Manchu (an ethnic minority in China) who promoted seclusion and developed agriculture instead of industry. That made China decline over the next hundreds of years. However, imagine if the Manchu had continued to develop industry and encourage trade with foreign countries, China would have become one of the strongest industrial countries today.

On the flip side of this, this decline would not have happened in Europe. Though European countries had drastic competitions and wars, they had the same goal, unlike the Han people and the Manchu – and it was accumulating wealth and developing industry. In addition, Europe was strong enough at that time so that there was no one country that would have been able to defeat it. Theoretically, if all the countries in Europe created a community like nowadays' European Union to stop conflicts with each other and mainly focused on trading with foreign ones, Europe would still have been able to undergo the rise of capitalism and industrialization even without colonizing other places.

Conquering without crimes.

It is widely believed that Christopher Columbus was the first person who made the world whole. When the New World was discovered and Europeans colonized there, the European economy became largely dependent on trade with the American colonizers in the New World. However, some historians hold the viewpoint that instead of Columbus, Genghis Khan ((c. 1162 – August 18, 1227), born Temüjin, the Great Khan and founder of the Mongol Empire) was the first person who contributed to globalization. After Genghis Khan unified Mongolia and ensured national security, he communicated and traded with people in many places in the world. At that time, the Mongolian Empire (the largest contiguous land empire in history, existed during the 13th and 14th centuries) connected China, Europe and the Middle East and almost united the whole ancient world.

However, did Genghis Khan colonize? No. Though it is true that Genghis Khan was a violent emperor who initiated the bloody war with Khwarizmi (a Persianate Sunni Muslim dynasty of Turkic mamluk origin (1077–1231)), an ancient Arabian country which had strong military powers, and killed many innocent citizens, he had never thought about fighting against it until Khwarizmi instigated him to do so. Originally, the Mongolian Empire traded with Khwarizmi peacefully, and the two empires admired each other. However, due to conflicts between some Mongolian merchants and the Khwarizmi emperor, the empire ordered merchants killed without any explanation. Genghis Khan felt extremely insulted about this issue, so he decided to fight with Khwarizmi. If Khwarizmi had not killed these merchants, he would not have had the war and would have continued to trade with Khwarizmi peacefully [8].

In contrast, Genghis Khan was benevolent to Indians because Indians did not do anything insulting to him. Not only did Genghis Khan not hold genocide towards Indians as he did towards Persians, but one of his offspring and emperor of Mughal Empire (a Muslim empire in the Indian subcontinent founded in 1526), Akbar the Great, had a lot of reforms to improve people's lives. He had reforms in tax to ease people's burden and created a new religion to solve the conflict between Hinduisms and Muslims [9].

Therefore, it is honest to say that Genghis Khan conquered a large portion of the world without crimes of European colonization. Besides that, he encouraged commerce between countries and contributed a lot to cultural diversity and beneficial influence of some peoples' lives.

Conclusion

Clearly, European colonization brought negativity to the world including the disappearance of thousands of ancient civilizations and has influenced the existence of current issues of equality, rights, freedom, and peace. Fortunately, people have acted to try to solve these problems. For example, the United States government has built Native American reser-

vations to protect the Native population and their traditions. Furthermore, many world elites have endeavored to fight for the rights of minorities such as African Americans, Chinese Americans and Native Americans and keep the world a peaceful place.

To improve this Earth, the fundamental thing is that the world's ethnic majorities (referring to races like Anglo-Saxons) should bravely face the crimes European colonizers have committed on the world and should not try to cover them up. By accepting history as a mirror, people can recognize the sins of their ancestors and avoid making the same mistakes in the future. For instance, in 1970, the chancellor of Germany kneeled to confess and apologize to the world

for the crimes Nazis imparted on the Jewish people. From then on, circulations promoting Nazism were banned in Germany, and people who adorned the Nazi's emblems or gestured Nazi's salutations were imprisoned. Also, Germany treated the whole world with friendliness and traded with other countries peacefully. As a result, Germany developed rapidly and has become one of the most welcoming countries in the world. Similarly, if these ethnic majorities would simply admit to the crimes of the European colonizers, stop considering Anglo-Saxons to be superior to other ethnic groups, contribute to the rest of the world, and stop thinking about expansion, many problems would be solved, and the world would become a better place.

References:

1. "The Phoenicians (1500–300 B.C.)." Heilbrunn Timeline of Art History. Metropolitan Museum of Art. URL: https://www.metmuseum.org/toah/hd/phoe/hd_phoe.htm
2. Mark S. Smith (1994). *The Ugaritic Baal Cycle: Volume I, Introduction with text, translation and commentary of KTU1.1–1.2*. BRILL. ISBN90–04–09995–6.
3. Quoted in Cave.
4. Xu Haishan. *American History: Thread-Binding Books Publishing House 2006*. URL: <http://book.kongfz.com/233452/667046407/>
5. La Jeunesse_Huawenku- Newspaper database, recent historical documents. URL: <http://www.huawenku.cn/html/huawenkuguihua/ruxuanbaokan-20120306862.html>
6. Chen Duxiu. *The selected works of Chen Duxiu: Book Two: What is the New Culture Movement*. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 1993.
7. Dangnianmingyue, *Things in Ming Dynasty 2006*. URL: <http://www.mingchaonaxieshier.com>
8. Yuan Tengfei talks about Genghis Khan. Video Collection_Tengfei five thousand years series URL: <http://www.jiaoshouwang.com/all/18405-0-0.html>
9. World history for 5000 years: Akbar URL: <https://www.nongli.com/sj5000/085.htm>

*Malakhov Sergey Viktorovich,
candidate, of historical sciences, associate professor
E-mail: svmalakhov@mail.ru*

ORIENTAL CHARACTERISTICS OF SOVIET SOCIALISM IN THE ASSESSMENTS OF THAT TIME

Abstracts: This is a part of the historico-sociological investigation on the socialist characteristics of Russia in the last hundred years, etocratic and generally non-European, considered in the context of what is a socialist social system. The paper contains assessments of the Soviet socialist order by the people who made them around the second quarter of the last century and found it to be non-European and etocratic.

Keywords: the Asiatic mode of production, socialism, totalitarianism, A. S. Lande, B. Russell, P. A. Sorokin, R. Y. Wipper, C. Rakovsky, O. Maschl, I. P. Pavlov, N. A. Berdyaev, B. Rizzi.

*Малахов Сергей Викторович,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: svmalakhov@mail.ru*

ВОСТОЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА В ОЦЕНКАХ ТОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация: Это часть историко-социологического разыскания о социалистических характеристиках России последних ста лет, этакратических и в общем неевропейских, рассматриваемых в контексте того, что представляет собой социалистический общественный строй. В ней приводятся оценки советского социалистического порядка людей, дававших их около второй четверти прошлого века и находивших этот порядок неевропейско-этакратическим.

Ключевые слова: азиатский способ производства, социализм, тоталитаризм, А. С. Ланде, Б. Рассел, П. А. Сорокин, Р. Ю. Виппер, Х. Г. Раковский, И. П. Павлов, О. Машль, Н. А. Бердяев, Б. Рицци.

Эта работа – часть разыскания о социалистических характеристиках России последних ста лет, этакратических и в общем неевропейских, рассматриваемых в контексте того, что представляет собой социалистическая общественная формация. В ней приводятся развёрнутые оценки советского социалистического порядка людей, дававших их около второй четверти прошлого века и находивших этот порядок неевропейско-этакратическим. Адекватное понимание этих материалов едва ли, на мой взгляд, возможно без сопоставления их

с положениями исходной статьи по определённым выше вопросам, а именно «Характеристики классического социалистического строя (Речь о раннеклассовых обществах)».

Уже в статье 1918 года А. С. Ланде замечает, что социалистическая революция в России отбросила её к состоянию, которое она проходила за два или три столетия до этого [1, 159–160] и которое Ланде непрямо характеризует как обычную восточную деспотию [1, 162–163 и 2, 13–17]. Как духовная, так и материальная культура Запада, полагал он,

«основаны на началах, противоречащих чистому социализму и потому... отринутых русскими большевиками» [1, 155]. Всё то, что есть положительного в европейском социализме, по существу своему построено на идеях, ему противоположных. Социализм же, осуществлённый в России, был, по оценке А. С. Ланде, результатом последовательного проведения именно социалистических взглядов [1, 153–155, 173]. Насилием получив в свои руки все государственные и частные имущества страны, писал Ланде, большевистское руководство показало, что его решения разрушают производство, ведут к полуголодной нехватке продовольствия, а ценность денег поддерживают лишь обесцениванием крови. При социалистическом порядке в России наступило чрезвычайное, выражавшееся в трёхзначных цифрах, понижение производительности труда [1, 165]. И «скоро выяснилось, что социалистическая форма хозяйства может быть установлена... при одном только условии... обращении огромного большинства народа в такое же рабство, которое, например, египтянам дозволило построить их пирамиды. Чтобы отобрать у крестьян весь хлеб, кроме крайне [им] необходимого... чтобы заставить рабочих, переведённых на паёк, работать “урочный” продукт... необходимо было крайнее напряжение принудительного аппарата вплоть до расстрелов, лишения хлебного пайка, обречения на голодную смерть и т.д. “Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом”» [1, 171]. Последнее – приводимые Ланде слова из «Бесов» Достоевского. Отсутствие каких бы то ни было свобод, повседневные насилия, бессудные расправы, массовые расстрелы, лютые казни – всё это, по словам А. С. Ланде, было свойственно правлению большевиков, которых он называет ослеплёнными изуверами, – страшному своей жестокостью, несправедливому и сопровождаемому «сантиментальными излияниями во славу свободы, равенства и братства» [1, 163 и 173]. Несвобода, утверждавшаяся в России, была мёртвой водой и для таких её ценностей, как науки

и искусство [1, 160; 3, 44]. Предельное ослабление общественных связей и нравственных норм – вот что принесло в нашу страну установление в ней советских социалистических порядков, осквернивших её, по словам А. С. Ланде, стольким множеством злодеяний, низостей и лжи [1, 157, 168].

Одним из первых, кто после Октябрьской революции в России обратил внимание на сходство утвердившегося в ней общественного строя с тем, который в названной выше работе определяется как классический социалистический, был и Б. Рассел. «Более близким, чем какая-либо действительная историческая параллель, соответствием [этому порядку] является “Республика” Платона», – писал он в 1920 году [3, 30] – то, в чём Маркс видел «идеализацию египетского... строя» [4, 379]. Рассел характеризовал советский социалистический порядок как носивший «частично азиатский характер» [3, 111 и 35], абсолютистский и несвободный [3, 151] «по своей централизованной бюрократии, секретной службе, атмосфере правительственного таинства и покорности террору» [3, 170]. По его оценке, коммунистические власти соединяли правящие и собственнические начала и имели свои классовые интересы, очевидно не совпадавшие с нуждами простого народа [3, 155]. «Можно... приобретя власть, использовать её в собственных, а не в общественных интересах. Именно это, я полагаю, и ожидает Россию: создание бюрократической аристократии, концентрация власти в её руках и установление порядков... тягостных и жестоких» [3, 136]. Б. Рассел писал, что «из концентрации власти вытекают те же бедствия, что и из... концентрации богатства» [3, 33], и что насильственное правление меньшинства с той же обязательностью ведёт к эксплуатации [3, 153–154].

По переданным Расселом словам Ленина, крестьяне были против коммунистической стороны и необходимость в диктатуре по отношению к ним – восьмидесяти пяти процентам населе-

ния России [3, 26] – сохранялась на долгое время [3, 40 и 5, 635]. Коммунистов среди крестьян, в оценке Б. Рассела, как правило, не было [3, 75]. О положении рабочих при этой, на словах пролетарской, диктатуре он писал: «Очень низкая заработная плата, очень длинный рабочий день, трудовая повинность, запрещение забастовок, тюрьма для не желающих работать [на этих условиях], уменьшение и без того недостаточных пайков на предприятиях... такова реальность системы, всё ещё открыто заявляющей, что она правит от имени пролетариата» [3, 170 и 93–94, 96, 100–101, 169]. Жизнь рабочих даже в столице России была, как Рассел находил её, однообразной, тусклой и тягостной [3, 97–98, 175–176]. «Жизнь очень тяжела для всех, – писал он о том, что видел, – кроме людей, занимающих хорошие посты» [3, 93 и 31]. Большевистским верхам, по оценке Б. Рассела, были свойственны нетерпимость, презрение к миротворческим методам, расположение к насилию и безжалостность [3, 21, 28–29, 171, 174, 176]. На тех, кем она управляла, эта элита смотрела сверху вниз [3, 170]. Та неограниченная власть, которой она располагала, по его мнению, держалась на штыках Красной Армии и Чрезвычайной Комиссии [3, 153–154, 169–170]. Последняя снабжалась лучше первой и была почти независимой от правительства. Одно её имя внушало простым людям страх [3, 79]. Много большую роль, чем в других странах, играла в социалистической республике и т.н. милиция [3, 94]. Что до Советов, то они, отмечал Рассел, были сведены к пустой почти уже форме [3, 72, 76, 169]. Выборы, посредством которых они составлялись, были построены так, чтобы в них побеждали люди, поддерживавшиеся коммунистическими властями; свободными они не являлись [3, 72–74].

«В сегодняшней России... – писал Б. Рассел, – жертвование личным во многом неизбежно. Но я не чувствую в большевиках какого-либо сознания величины этого бедствия или понимания

важности индивидуальности, противостоящей государству. И я не верю, что люди, которые понимают это, имеют шансы добиться успеха или занять видное положение в такое время, когда всё направлено против личной свободы... Следует ожидать, что в любой стране в подобных условиях власть попадёт в руки [лиц]... не обременённых любовью к свободе, которых мало будет волновать [необходимость] приближения перехода от диктатуры к свободе. Много более вероятно, что люди эти будут испытывать соблазн начать новые предприятия, требующие дальнейшей концентрации сил и откладывающие на неопределённое время освобождение того населения, которое используется ими как материал. По этим причинам уравнение в богатстве без уравнения во власти кажется мне незначительным и ненадёжным приобретением» [3, 161–162]. И «я не вижу резона ожидать от такой системы равенства или свободы», – писал Рассел [3, 155].

В работе 1922 года «Современное состояние России» П. А. Сорокин обращал внимание на то, что «тот строй общества, который мы имеем эти годы, имел не раз место в истории разных народов, от Египта и Ассирии-Вавилонии, Спарты... до строя инков, таборитов, государства иезуитов [в Парагвае]... и т.д. Разной была только степень приближения этих обществ к предельному коммунистическому обществу» [6, 447 и 435] «с [его] полной централизацией, неограниченным объёмом опеки, вмешательства и регулировки властью поведения и взаимоотношений граждан, с ничтожным объёмом автономии поведения последних... [к той форме интеграции, при которой] область публично-правовых отношений вытесняла из всей области отношений долю отношений частноправовых» [6, 447 и 356]. «Вместе [же] с ней рабочие и крестьяне [России] попали в то же положение, в каком они были всегда при такой системе: в положение рабов и крепостных Египта, рабов и илотов Греции... и т.д.» [6, 435 и 432, 441]. Люди здесь, писал он, являются направляемой и управляемой

государственной властью собственностью последней [6, 356]. Согласно П. А. Сорокину, этакратическое общество характеризуется своей разделённостью на весьма немногочисленные верхи, представляющие власть и привилегированные, и работающий на них трудовой народ, находящийся в нём в абсолютном большинстве и бесправный [6, 430–432, 437, 451].

П. А. Сорокин приводит описание инкской Тауантинсуйу, рассматривавшееся им как адекватная характеристика коммунистической России: «Власть была “центром и церковной и судебной главой”. Нация состояла из [государственных] рабов этой власти, носивших звание солдат, работников и чиновников. Военная служба считалась обязательной... Отслужившие сроки... должны были работать... Все жители были подчинены чиновникам (“комиссарам” – П.С.). Церковная организация была устроена подобным же образом... Всё было подчинено государственному надзору. В деревнях были чиновники, наблюдавшие за посевам, пахотой и жатвой. Когда был недостаток в дожде, государство снабжало пайком воды. Путешествующий без разрешения наказывался... На обязанности десятников лежало наблюдение над одеждой народа, чтобы носили те платья, которые им предписаны. Сверх этого контроля жизни внешней существовал еще контроль и жизни домашней... Высшие чины были свободны от налогов, зато земледельческий класс... должен был отдавать весь свой продукт, оставляя себе лишь то, что требовалось для скудного пропитания. Сверх натуральной повинности, состоявшей в обработке земель, крестьяне должны были... платить подать обувью, одеждой (у нас – продналог, льняная, гужевая, топливная и другие повинности – П.С.). Участки земли, предназначенной на нужды народа, распределялись между отдельными людьми соответственно с их семейным положением. Точно так же и относительно продуктов от стад... (у нас – молочная, яичная, шерстяная, мясная, масляная и другие повинности – П.С.). Это устройство

было следствием того, что частная собственность находится в пользовании каждого человека только по милости власти. Таким образом, личность, собственность и труд народа принадлежали всецело государству; народ переселялся из одной местности в другую по указанию власти (у нас... трудовые переброски – П.С.); люди... направлялись в течение всей жизни к наивозможно большему выполнению воли власти и наивозможно меньшему действию по своей собственной воле... Торговля почти не выходила за пределы простого обмена съестными припасами» [6, 435–436].

Нынешние власти России, писал П. А. Сорокин, более привилегированы, чем прежние её господа. Они ничем не ограничены [6, 430–431, 441], и проводимая ими политика защищает их собственные интересы [6, 450]. (Сорокин упоминает, например, систему «государственных трестов» (т.е. государственных богаделен... для коммунистов и спекулянтов...))», где эти люди в качестве членов правления получали громадные оклады, но не несли в отличие от предпринимателей рисков [6, 446].) За время войны – мировой и гражданской – стоимость продукции российской промышленности, в 1918–1921 годах в большей её части руководимой красными, упала, пишет он (оговаривая, что это большевистские данные), на 85%, сельского хозяйства – на 75% [6, 444; 7, 25; 8, 418]. (Отметим, что к 1917 году объём промышленного производства в России вырос по сравнению с 1913-м на 22%, сборы сельскохозяйственных культур сократились на 19%, поголовье же скота увеличилось на 29% [9, 463].) Помимо собственно ЧК, выполнявшей политико-сыскные и насильственно-террористические задачи, опорой этого порядка была, в оценке П. А. Сорокина, и его гвардия – ЧОН, несшая охранно-карательную службу; эти военно-коммунистические формирования он также называет отрядами ЧК [6, 438, 440, 455]. «Не стесняясь в средствах, опираясь на беспощадный террор, [РКП(б)]... управляет всей обезоруженной – духовно и материально – массой населения

[захваченной ею страны]» [6, 455 и 438–439]. Террор коммунистической диктатуры направлен был, подчёркивает он, не столько против буржуазии, сколько против рабочих и крестьян России [6, 438]. «Огромное большинство из тех сотен тысяч [людей], которые были расстреляны [этой] властью, состояло из рабочих и крестьян» [6, 439]. При том, что привычка к повиновению насилию воспитывалась у русского народа не только коммунистической элитой; в оценке Сорокина, её веками поддерживали у него и другие его господа [6, 440]. «Число членов этой партии “спартиатов” сейчас исчисляется в 420 тыс[яч]». (О «спартанской Красной армии» в конце Гражданской войны – Троцкий [10].) Среди рабочих, писал он, коммунистов было очень немного. «Про крестьянство и говорить нечего. В нём коммунистов почти нет». Указанные 420 тысяч членов РКП(б), в оценке П. А. Сорокина, в преобладающем своём большинстве состояли из «правительственных агентов, часть коих составляют [и] бывшие рабочие ... теперь ничего общего не имеющие с рабочим классом» [6, 455 и 11, 483]. В общей же сложности на стороне, победившей в Гражданской войне, оставалось тогда, на его взгляд, около одного процента населения России. Остальное её население прямо или косвенно находилось на противоположной стороне и так или иначе большевистское правление не поддерживало [6, 455–456]. «Сейчас 97% населения её ненавидят», – писал он об отношении людей к этой «власти рабочих и крестьян» [6, 450, 430 и 438, 440].

Верхнее управление постреволюционной Россией осуществлялось, по словам П. А. Сорокина, не ВЦИК, не СНК и не РКП(б), а Политбюро последней, состоявшим из пяти человек [6, 434] (Ленина, Сталина, Троцкого, Каменева и Зиновьева; ни одной настоящей фамилии). Ни эти, ни не эти большевистские «вожди» не имели, писал он, «ничего общего – ни по жизни, ни по воззрениям, ни по вкусу, ни по стремлениям – с пролетариатом» [6, 450 и 438, 486]. Численность городского рабочего класса, к началу

Гражданской войны составлявшая три-четыре процента населения России, к концу её упала в четыре-пять раз [6, 438–440], и «теперь его почти [уже] нет» [6, 457]. С учётом этого и следуя большевистским стандартам, он называет коммунистическое правление в России «диктатурой пролетариата без пролетариата», не следуя же им – «диктатурой над рабочими и крестьянами» [6, 438–440]; близким значением всего этого было «то, что угодно государю, имеет силу закона: государь не связан законами» [6, 431]. В оценке П. А. Сорокина, коммунистическая элита большей частью представлена была людьми, которые руководствовались принципом «всё позволено», лишь бы было удобно», и вопрос о средствах для которых не стоял [6, 461 и 440–441]. (Или потом, у А. А. Амальрика: «Хорошо то, что в настоящий момент требуется [их] власти» [12, 34].) Поддерживавшиеся нормы и нравственности, и права рассматривались ими как принадлежавшие к «идеологии буржуазии», ложные или нерациональные [6, 459, 461]. (Одним из последствий Гражданской войны, не в последнюю очередь связанной с коммунистическими представлениями о морально-правовых ценностях и нормах, была, согласно Сорокину, и существенная регрессия морально-правового состояния российского общества, понижение положительно-социальных и повышение негативно-биологических его характеристик [6, 460–461, 476]). В том, что касается права, он отмечает рутинное использование этой властью таких террористических практик, как захват заложников или коллективная ответственность [6, 464]. П. А. Сорокин писал о цинической подлости и невежестве высших большевистских верхов [6, 430, 435], сеющих, по его словам, «ненависть, вражду и новые бедствия» [6, 441 и 486], и о недолгом ещё их правлении как об одном из наиболее деструктивных из тех, которые когда-либо выпадали на долю нашей страны [8, 421].

Октябрьская революция привела к тому, что и рабочие, и крестьяне России стали ещё

обездоленное, чем были прежде [6, 430–432; 8, 421]. «В неделю крестьянин должен был отдавать “коммунистической барщине” 3–4 дня в виде выполнения бесчисленных повинностей... Рабочего [власти нередко] заставляли работать по 12–14 часов», – писал он о 1918–1920 годах, при рациионе «из 1/8–1/4–1/2 фунта хлеба и жидкой каши» [6, 432]. «Материальное положение рабочего класса видно из цифр его заработка. До войны средний месячный заработок рабочего равнялся 21 руб. 25 коп.; в 1920 г. – 2 руб. 70 коп., в 1921–1922 гг. – от 2 до 7 руб.» [6, 445 и 432]. Последние размеры выплат Сорокин называет нищенскими [6, 432]. По сравнению с этим состоянием государственных крепостных положение рабочих на Западе – и с материальной, и с правовой, и с моральной стороны – казалось теперь, писал он, невозможным идеалом [6, 436]. Наделение их большевистской властью землёй крестьяне, понявшие со временем, что под этим имелось в виду, называли, по его словам, «владеть землёй имеем право, но урожаем – никогда». «Не легче положение крестьян и сейчас» [6, 451]. «В голодных областях оно ужасно. Но невесело... и в неголодных районах» [6, 445 и 432]. «С 1921–1922 гг. питание столиц и городов несколько улучшилось за счет остальной России, [в которой]... тяжёлые налоги заставляют крестьянство продавать самое необходимое» [6, 434]. «Даже сейчас, – писал он в 1924 году, – русские крестьяне эксплуатируются в шесть-семь раз сильнее, чем это было [к 1917 году]...» [8, 421]. Едва ли лучшим было и материальное положение некоммунистической интеллигенции. Таким образом, в оценке П. А. Сорокина, итогом большевистской революции и гражданской войны в нашей стране явилось установление в ней порядков, уровень государственной эксплуатации трудящихся при которых был много выше общего уровня их эксплуатации в капиталистических странах [6, 431–432, 441].

При коммунистическом строе люди утратили прежние, пусть и очень скромные, гарантии

и права, даже право на жизнь, превратившуюся теперь в случайность [6, 431]; «жизнь человека потеряла ценность» [6, 461]. Все стороны поведения и взаимоотношений людей зависели теперь от властей. «Что должен гражданин есть и пить, что делать, какой профессией заниматься, как и во что одеваться, где жить, куда ездить, чем развлекаться, что и как думать, что читать, писать, во что верить, что хвалить и порицать, чему учиться, что издавать, что говорить, что иметь... всё» [6, 433]. П. А. Сорокин называет это полной опекой мысли, слова и действия [6, 451]. «Свободы совести, слова, печати, союзов, собраний объявлены были “буржуазными предрассудками”». Тюрьмы переполнены, «и не столько “буржуями”, сколько крестьянами и рабочими». Объём свободы при прежних, добольшевистских, порядках в России стал в ней желанным, но недостижимым при коммунистической власти идеалом [6, 433].

Р. Ю. Виппер в работе, вышедшей в 1925 году, рассматривал «социализм не как пророчество о будущем счастливом обществе, а как реальный общественный строй, не раз возникавший в *прошлом*» [13, 275–276]. Порядок этот, по его мнению, «совсем не ладится с демократией и... равенством. Он по существу иерархичен, построен на торжестве деспотического начала, состоит в господстве меньшинства над большинством» [14, 124]. Пользу от коммунистического строя извлекают, по мнению Р. Ю. Виппера, большей частью его верхи: «царь и его двор, его военные и гражданские слуги, или... правящий класс, образующий наследственную аристократию» [14, 29], а также духовенство [14, 31]. На долю низов, являвшихся при этом порядке своеобразным полускотом, оставались поддерживаемые верхами преклонение и страх перед ними, отсутствие инициативы, распределяемые выдачи и принудительные государственные работы [14, 4, 27, 29, 32].

В 1930 году с открытым письмом к руководству и всем членам ВКП(б) обратились Х. Г. Раковский, В. В. Кос(с)иор, Н. И. Муралов и В. Д. Каспарова.

Написано оно было, по всей вероятности, Раковским. В письме говорилось, что переживаемый «период пролетарской диктатуры» может быть охарактеризован как господство «интересов различных категорий бюрократии», и являющейся властью в стране (как отмечал Раковский ещё в 1928 году, первенствующие позиции принадлежали в ней в этом отношении партийно-коммунистической части этакратии [15]), что «от рабочего государства с бюрократическими извращениями – как определял Ленин нашу форму правления – мы развиваемся к бюрократическому государству с пролетарско-коммунистическими пережитками», правящий класс которого отчасти уже сложился, отчасти складывается ещё: путём кооптирования, выдвиженчества и так называемых выборов, и что «объединяющим моментом этого своеобразного класса является та[кая] же своеобразная форма частной собственности, а именно государственная власть». «Сплошная коллективизация и самые большие темпы индустриализации» увеличили бы, согласно этому заявлению, долю этакратии в национальном доходе и способствовали бы консолидации её власти в стране [16]. Обратной стороной установившегося в ней порядка были, говорилось в открытом письме, приниженность и бесправие простого народа, у которого коммунистическим руководством, так ценящим принуждение и насилие, вытравлялись не только политическая самостоятельность, но и чувство собственного достоинства, характер и воля рабочих людей – то обезличение, о котором в обращении говорилось и в связи с общей линией, проводившейся центром в республиках СССР [16; 17]. В 1929 году Х. Г. Раковский писал, что руководство ВКП(б) превращает пролетариев в молчаливых, которым разрешается говорить лишь постольку, поскольку они повторяют то, что сказано коммунистическими верхами [18]. Понижая фактически заработную плату рабочих и ухудшая условия их труда, этакратия вызывала у них, его словами, «классовую борьбу

и классовое самосознание, но враждебные социалистическому государству» [15]. Без восстановления и упрочения партийной и рабочей демократии исправить всё это, говорилось в обращении, едва ли возможно [16]. Властям СССР такого рода взгляды очень не нравились, и в 1937–1941 годах Х. Г. Раковский, В. В. Кос(с)иор, Н. И. Муралов и В. Д. Каспарова были расстреляны.

В статье 1933 года «Классовая природа советского государства (Проблемы Четвёртого Интернационала)» Троцкий упоминает О. Машля, написавшего, по словам Троцкого, работу «в защиту того взгляда, что советское общество, не являясь ни пролетарским, ни буржуазным, представляет собой совершенно новый тип классовой организации, так как [т.н.] бюрократия [в нём] не только господствует над пролетариатом политически, но и эксплуатирует его экономически». Бесконтрольное присвоение этакратией значительной части национального дохода позволяло, по его мнению, писал Троцкий, рассматривать её как эксплуататорский класс [19]. Троцкий относился к подобным взглядам отрицательно [19; 20; 21]. Согласно работе О. Машля, вышедшей на французском языке в год начала Второй мировой войны, политико-идеологически установившийся в России порядок представлял собой тоталитарную диктатуру [22, 3.5, 3.7], Советы и ВКП(б) в которой не имели уже сколько-нибудь существенного значения [22, 3.5], социально-экономически же – какое-то соединение рабства, крепостничества и капитализма. Что касается отношений собственности в коммунистической России, нацистской Германии и фашистской Италии, то, по его оценке, различия между ними имели количественный, но не качественный характер [22, 4.2]. «Ввиду увеличивающегося проникновения государства в экономическую систему, особенно глубокого в тоталитарных странах, – писал О. Машля, – всё большее число административных функций становятся [и] функциями экономическими». «В экономической системе, всё более

и более пропитываемой государством, демократия [иными же словами, общественный контроль (22, 4.3, 4.5)] становится экономическим фактором, имеющим наибольшее значение» [22, 4.3].

В обращении 1934 года, направленном в официальное правительство СССР – Совет народных комиссаров, – И. П. Павлов писал, что «мы жили и живём под неослабевающим режимом террора и насилия», и «я всего более вижу сходства нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. А у нас это называется республиками. [И] как это понимать?». То, что делается в СССР, говорилось в его письме, обращено против «всей... красоты жизни», с мировой и отечественной культурой связанной; «эксперимент [ваш – он] *страшно дорогой*». Те, кто инициируют этот мертвящий террор, и те, кто приучаются участвовать в нём, перестают, по его словам, вполне оставаться людьми – так же, как и те, кто со склонёнными головами этой школе покорствуют. (Сопровождённое отрицательной резолюцией председателя СНК письмо было передано Сталину [23].) За пять лет до этого И. П. Павлов при более чем публичных обстоятельствах говорил, что люди в СССР живут при таких порядках, когда власти значат всё, те же, кто не принадлежат к ним, – ничего, когда «жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда – всё это в руках государства», обычные же люди обращены в невольную и обязанную беспрекословным повиновением массу [Цит. по: 24, 42]. В его письме 1930 года, также направленном в СНК, говорилось о непрекращающихся, повальных и необоснованных арестах в стране, о том, что они делают жизни людей случайными, никак не рассчитываемыми, и что «с этим неизбежно исчезает [и]... интерес к жизни» [Цит. по: 25].

Н. А. Бердяев в двадцатилетие Октябрьской революции писал, что «коммунизм в той форме, в какой он вылился в России, есть крайний этализм» [26, 151 и 129], характеризуемый супре-

матией политики над экономикой [26, 104, 116, 121], «и это, к сожалению, вполне согласно со старыми традициями русской государственности» [26, 117]. Государство при этом строе, ничем не ограниченное и абсолютное, действующее насилием и ложью [26, 105, 121], вынуждающее к единству во взглядах [26, 129, 138], призвано «господствовать... не только над телом, но и над душой народа, в согласии с традициями Иоанна Грозного и царской власти» [26, 116 и 117, 152]. Это «диктатура не только политическая и экономическая, но и... диктатура над духом, над совестью». Она «не стесняется в средствах и пользуется всеми средствами. Это – идеократия... одна из трансформаций платоновской утопии» [26, 137]. Большеизм (иначе у Бердяева – «восточный коммунизм» [26, 13]), в его оценке, был более связан с русскими традициями, чем это обычно о нём думают [26, 93, 126, 152–153], с такими их сторонами, как абсолютизация государственности, её деспотическая окрашенность, насильственность правления, отношение к людям как к средству, однообразный коллективизм [26, 93, 149, 153 и 12, 30–32]. Большеизм, отмечал Н. А. Бердяев, «соответствовал отсутствию в русском народе римских понятий о собственности... русскому коллективизму». «Он отрицал свободы человека, которые и раньше неизвестны были народу», которые были привилегией одних лишь образованных верхов, «и за которые народ совсем и не собирался бороться» [26, 115].

Н. А. Бердяев обращал внимание на то, что коммунистическая этакратия, охватывавшая как паутина всю страну, представляла собой новый привилегированный класс, эксплуатировавший народные массы [26, 12, 105], им закрепощённые [26, 119]. Как показали первые пятилетки, высшей ценностью в СССР были не интересы трудового народа и не ценность человека, а сила государства, его экономическая и военная мощь [26, 8–9, 99, 120]. Войдя во вкус, верхи не будут,

полагал Бердяев, нуждаться в изменении существующего положения, и государственная власть, перестав быть средством, будет рассматриваться ими только как цель [26, 105]. О Сталине он писал как о государственнике восточного, азиатского типа и верховном правителе коммунистического или фашистского толка [26, 103, 120]. Большевики, считал Н. А. Бердяев, имея рабоче-крестьянское происхождение, «пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотны, лишены всякой культуры и жили исключительно верой» [26, 101]. Он отмечал свойственные им жестокость, неразборчивость в средствах, нетерпимость и фанатизм [26, 113, 129, 149]. («Таковыми Шатовыми, – обращаясь к “Бесам” Достоевского, писал Бердяев в 1918 году, – полна русская революция; у... них не разберешь, где кончается их крайняя левость и революционность и начинается крайняя правость и реакционность. Они всегда враги культуры, враги права, всегда истребляют свободу лица. Это они утверждают, что Россия выше... и что никакой закон для неё не писан» [1, 72; 27]). В его оценке, социалистическая революция стирала в людях их собственно-индивидуальные черты и поддерживала сторонне-коллективные ценности [1, 82].) Н. А. Бердяев писал и об оставившем желать лучшего культурном уровне большевистского руководства [26, 92, 96–97], негативно относившегося при этом к духовной элите своей страны [26, 100]. Люди, осуществлявшие социалистическую революцию в России, были, по его оценке, большей частью враждебны высокой культуре [27] и хотели бы «истребить весь культурный слой наш, утопить его в естественной народной тьме» [1, 83 и 84].

Отрицание русских традиций, преференции, отдававшиеся принуждению и насилию, присущи были, считал Бердяев, и Ленину [26, 12, 104–105, 127], которого он при всём этом называет типично русским человеком [26, 94] (но не типично

русским интеллигентом [26, 95]). Н. А. Бердяев писал, что «Ленин проповедовал жестокую политику... [и] не любил, когда ему жаловались на жестокости Чека, говорил, что это не его дело, что это в революции неизбежно» [26, 95]. По мнению Н. А. Бердяева, у него было «цинически-равнодушное отношение к людям» [26, 96]. Бердяев считал, что Ленин не разделял демократических убеждений, что он утверждал «не принцип большинства, а принцип подобранного меньшинства» [26, 98]. И это привело к «большевистской организации партии, крайне централизованной и деспотической, в которой всё идёт сверху», «а не снизу, т.е. организации не демократического, а диктаторского типа» [26, 52, 100]. Бердяев писал, что Ленин «отрицал свободу внутри [большевистской] партии, и это отрицание свободы было перенесено [со временем] на всю Россию» [26, 99 и 11, 67]. «Он допускал все средства для борьбы, для достижения целей революции. Добро было для него всё, что служит революции, зло – всё что ей мешает». В конце концов, по мнению Н. А. Бердяева, он «потерял непосредственное различие между добром и злом... допуская обман, ложь, насилие, жестокость» [26, 97]. Может быть, это мораль, но она противоположна христианской [26, 135 и 106]. Если же говорить словами из «Бесов», то «в сущности наше учение есть отрицание чести, и откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно». «И русская революция провозгласила “право на бесчестье”», – добавляет Н. А. Бердяев. «Бесчестье и сентиментальность – основные начала русского социализма. Эти начала, увиденные Достоевским, и торжествуют в [нашей социалистической] революции» [1, 73–74 и 62].

Н. А. Бердяев отмечал, что коммунистическое понимание свободы очень отличается от обычных представлений о ней [26, 123]. Свобода здесь понимается не как свобода выбора, разделяющая и ослабляющая энергию, она «наступает после того, как выбор сделан... Только такая свобода,

свобода коллективного строительства жизни в генеральной линии коммунистической партии, и признается в советской России». Но подобное отношение к свободе равнозначно её отрицанию для мысли и совести, что и имеет место в СССР, в котором «понятие свободы относится исключительно к коллективному, а не личному сознанию. Личность не имеет свободы по отношению к социальному коллективу, она не имеет личной совести и личного сознания. Для личности свобода заключается в исключительной её приспособленности к коллективу. Но личность... слившаяся с коллективом, получает огромную свободу в отношении ко всему остальному миру». Коммунистическое решение этих вопросов, считал Н. А. Бердяев, сводится к подавлению личности. «Коммунистическая мораль неизбежно оказывается беспощадной к... ближнему. Индивидуальный человек рассматривается как кирпич, нужный для строительства коммунистического общества, он есть лишь средство. В коммунизме есть здоровое, верное... понимание жизни каждого человека как... служения не себе, а великому целому. Но эта верная идея искажается отрицанием самостоятельной ценности и достоинства каждой человеческой личности, её духовной свободы» [26, 124–125 и 152].

Б. Рицци в работе, вышедшей в год начала Второй мировой войны, писал, что после Октябрьской революции в России установился общественный строй, названный им «бюрократическим коллективизмом» [28, P, VIII], который не был социалистическим [28, I]. (До 1918 года термины «коллективизм», «коммунизм» и «социализм» использовались как очень близкие [14, 3].) Он находил, что всё национализированное имущество, движимое и недвижимое, принадлежало в СССР его должностным лицам и являлось их общеклассовой собственностью. Им, а не Советам, принадлежала и политическая власть в этой стране [28, I, III]. «Эксплуатация остаётся, но... осуществляется одним обществен-

ным классом по отношению к другому... Частная собственность стала [здесь] коллективной, но принадлежащей одному классу», – писал Б. Рицци [28, III], «бывший товарищ», как назвал его тогда Троцкий [21]. Именно общеклассовая собственность, плановая иерархически выстроенная экономика и недемократическая форма правления отвечали, по его мнению, природе этого привилегированного и господствовавшего в СССР класса [28, I–II, IX]. С отменой рынка именно эта кривая устанавливала в его пределах заработные платы и продажные цены – такими, какими хотела их видеть она [28, I, III–V]. На рабочих она смотрела с невысказываемым презрением [28, IX], тогда как они всегда должны были говорить этим людям «да» [28, V]. Рабочих в ВКП(б), писал он, теперь почти нет [28, I]. Положение низов при этой форме общественной интеграции немногим, по мнению Б. Рицци, отличалось от положения невольников или «скота, о котором [тоже] нужно заботиться и который нужно где-то держать» [28, V]. «Ни в какой капиталистической или фашистской стране пролетариат не находится в таких тяжёлых условиях, как в [СССР]...», – писал он, ссылаясь в этой связи на оценки, в частности, Троцкого [28, I]. У рабочих людей в нём был только один работодатель – государство, они не имели выбора, у кого им работать, и государство фактически становилось их хозяином [28, V]. Б. Рицци отмечал, что этакратический порядок был сходен для СССР, дальше прошедшему по этому пути, Италии, Германии и Японии [28, P, I, III, VI] < Это эссе в русском переводе, для него выполненном, имелось в распоряжении Сталина [29] >.

С 1930–1931 года концепция «азиатского способа производства», связанная с именем Маркса, полуофициально рассматривалась в СССР как недопустимая [30, 5–7]: неверная в выводах, немарксистская и противоречащая позициям ВКП(б) [7, 48, 50–51, 54–55]. Конечной причиной этого было, «видимо, [то обстоятельство]... что система общественных отношений, которая сложилась

к тому времени в СССР, очень... напоминала азиатский способ производства» [7, 56 и 2, 13–17]. В «Истории древнего Востока. Краткий курс» В. В. Струве, изданной в 1934 году, обращалось внимание на то, что «как для Маркса, так и для Энгельса первой эпохой в истории классового общества было рабство, за которым следовало крепостничество, перераставшее в свою очередь в капитализм. И для Ленина первой классовой формацией было рабовладельчество» [31, 19]. (В статье «Карл Маркс (Краткий очерк с изложением марксизма)» Ленин приводит, например, следующие слова Маркса: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [32, 57].) В предисловии к его «Истории» отмечалось, что, «устанавливая рабство в странах Востока древнейшего периода», В. В. Струве способствовал и общему решению «назойливой проблемы “азиатского способа производства”» [31, 8]. В 1937 году сторонники этой (последней) «контрреволюционной троцкистской контрабандной теории», как её теперь называли в СССР (два года спустя Троцкий писал, что «перспектива не-рабочего

и не-буржуазного эксплуататорского государства, или “бюрократического коллективизма”, есть перспектива полного поражения и упадка международного пролетариата» [21]), были расстреляны. В 1938 году была обнародована работа Сталина «О диалектическом и историческом материализме», в которой ещё раз указывалось, что «первобытно-общинный строй сменяется именно рабовладельческим... рабовладельческий строй – феодальным, феодальный – буржуазным, а не каким-либо другим строем» [33, 268 и 274–275]. (Почти то же – 1919 год – у Ленина [34, 68–74] и – 1884-й – Энгельса [35, 171–172, 175–176].) Тогда же соответствующие оценки слово в слово были повторены и в «Истории ВКП(б). Краткий курс». Говорить по этим вопросам что-либо отличное в лучшем случае значило теперь в нашей стране полностью потерять свободу. В 1950 году в официальном докладе о последних исследованиях советского востоковедения одним из важнейших достижений последнего был назван «разгром пресловутой теории “азиатского способа производства”», то есть того, что ещё за полвека до этого являлось общепринятой марксистской концепцией [30, 5, 411]. Теперь она рассматривалась в СССР как «буржуазная» [36, 1].

Список литературы:

1. Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М.: Изд-во Московского ун-та. 1990. – 299 с.
2. Ленин В. И. Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим) // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 13. – 5-е изд. – М.: Политиздат. 1972. – С. 1–66.
3. Russel B. A. W. The Practice and Theory of Bolshevism. – L.: George Allen & Unwin. 1921. – 188 p.
4. Рассел Б. А. У. Практика и теория большевизма / пер. И. Ю. Воробьёвой и др. – М.: Наука. 1991. – 128 с.
5. Маркс К. Г. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 / ред. Ф. Энгельса / пер. // К. Г. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат. 1960. – VI, 908 с.
6. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – 2-е изд. – L.: Overseas Publications Interchange. 1990. – 671 с.
7. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. – М.: Наука. 1994. – 560 с.
8. Прохоренко И. Д., Курегян С. В. Азиатский способ производства и азиатский социализм. – Минск: Publishing House. 993. – 80 с.
9. Sorokin P. A. Lenin, the Destroyer // The Forum. – April 1924. – P. 417–422.

10. Сорокин П. А. Ленин – разрушитель / пер. В. В. Сапова // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017.– № 1.– С. 5–9.
11. Миронов Б. Н. Достижения и провалы российской экономики в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017.– Т. 62. Вып. 3.– С. 463–480.
12. Троцкий Л. Д. Бонапартистская философия государства // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1939.– № 77–78.
13. Бакунин М. А. Государственность и анархия: Борьба двух партий в Интернациональном сообществе рабочих // М. А. Бакунин. Философия. Социология. Политика.– М.: Правда. 1989.– С. 291–526.
14. Амальрик А. А. Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года? – Амстердам: Фонд им. Герцена, 1970.– 71 с.
15. Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории // И. Р. Шафаревич. Есть ли у России будущее? – М.: Советский писатель. 1991.– С. 5–388.
16. Виппер Р. Ю. Коммунизм и культура: Древность.– Рига: Изд-во Э. И. Эттингер. 1925.– 27 с.
17. Раковский Х. Г. Письмо о причинах перерождения партии и государственного аппарата [в СССР] // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929.– № 6.
18. Обращение оппозиции большевиков-ленинцев в ЦК, ЦКК ВКП(б) и ко всем членам ВКП(б) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930.– № 17–18.
19. Раковский Х. Г. Политика руководства и партийный режим [ВКП(б)] // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929.– № 7.
20. Раковский Х. Г. Оценка положения (Накануне XVI партконференции) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929.– № 3–4.
21. Троцкий Л. Д. Классовая природа советского государства (Проблемы Четвёртого Интернационала) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1933.– № 36–37.
22. Троцкий Л. Д. СССР в войне // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1939.– № 79–80.
23. Троцкий Л. Д. Ещё и ещё раз о природе СССР // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1939.– № 81.
24. Laurat L. Marxism and Democracy / tr. by E. Fitzgerald.– L.: Gollancz (LBC). 1940.– 254 p.– URL: <https://www.marxists.org/archive/laurat/1940/marxism-democracy/index.htm#translator> (обращение: 18.2.2018).
25. Laurat L. Marxism en faillite? Du marxisme de Marx au marxisme d'aujourd'hui.– P.: Pierre Tisné. 1939.– 265 p.)
26. «Пощадите же Родину и нас». Протесты академика И. П. Павлова против большевистских насилий // Источник. 1995.– № 1.– С. 138–144.
27. Тодес Д. [И.П.] Павлов и большевики / пер. Э. Н. Филипповой // Вопросы истории естествознания и техники. 1998.– № 3.– С. 26–59.
28. Самойлов В. О. О патриотизме и диссидентстве [И.П.] Павлова // Вид сбоку. 2014.– 6 октября.
29. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма.– П.: YMCA-Press. 1955.– 159 с.
30. Колеров М. А. К истории «пореволюционных» идей: Н.[А.] Бердяев редактирует «Из глубины» (1918) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1998 год.– М.: ОГИ. 1998.– С. 319–333.
31. Rizzi B. Le. collectivisme bureaucratique (extraits) // l'Archive Internet des Marxistes.– URL: <https://www.marxists.org/francais/general/rizzi/index.htm#topp> (обращение: 18.2.2018).

-
32. Bruno Rizzi // Wikipedia in italiano.– URL: https://it.wikipedia.org/wiki/Bruno_Rizzi (обращение: 18.2.2018).
 33. Wittfogel К. А. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power.– New Haven – L.: Yale University Press. 1957.– XIX,– 556 p.
 34. Виттфогель К. А. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти / пер. А. А. Страхова. 2017.– URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml#translator (обращение: 18.2.2018.)
 35. Струве В. В. История древнего Востока. Краткий курс.– М.: Соцэкгиз. 1934.– 132 с.
 36. Ленин В. И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 26.– 5-е изд.– М.: Политиздат. 1969.– С. 43–93.
 37. Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме // И. В. Сталин. Сочинения. Т. 14.– М.: Писатель. 1997.– С. 253–282.
 38. Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 39.– 5-е изд.– М.: Политиздат. 1970.– С. 64–84.
 39. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана / пер. // К. Г. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21.– 2-е изд.– М.: Госполитиздат. 1961.– С. 23–178.
 40. Толстов С. П. За передовое советское востоковедение // Культура и жизнь. 1950.– 11 августа.– С. 1.

Section 5. Culturology

Joudar Ahmed,
Ph. D., student, the Faculty of Arts
University of Szeged,
E-mail: ahmedjobori@gmail.com

THE INFLUENCE OF NEW REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES ON THE WORK OF ART

Abstract: In this article, the seeking to discuss the concepts that are mentioned by Walter Benjamin in his essay *“The Work of Art in the Age of Technological Reproduction”*. It is discussed the development stages of reproduction from the woodcut, engraving, etching, lithography to photography, and film throughout history from the Stone Age to the modern age. Then, it is discussed the concept of aura based on Benjamin’s perspective and discussed the relationship between Edwards Said’s ‘Traveling Theory’ and the reproduction of artwork. In sum up, it is obvious that new reproduction technologies increased booming mass through cinema, television or even through the wide world web. Thus, these modern media means helped in the developing the work or art and it makes it available everywhere and at any time.

Keywords: aura; art; authenticity; photography; film; Simulation.

Introduction:

Walter Benjamin’s essay *“The Work of Art in the Age of Technological Reproduction”* first appeared in France in 1936 and then translated into English 1968. It is divided into 19 sections. There are different questions which are aroused what is the concept of aura? What are the relation between Benjamin’s work in mass culture and Jean Baudrillard’s Simulation? What is the relation between traveling theory and the reproduction of work of art? How do the modern reproductive technologies influence on the artwork?

The first artwork in the world was the woodcut. Woodcut appeared in along in history before written language, it first appeared in China in antiquity as a method of printing on textile. In Europe, it was used for old master prints and one of the famous ancient woodcuts on paper in Europe is *“The Fire Madonna”* (C. 1425), which was made by Cathedral of Forli in Italy.

“In the course of the Middle Ages, the woodcut was supplemented by engraving and etching” (Benjamin, 102). Engraving in the middle ages was the practice of incising a design on to a hard which usually used on the flat surface by cutting grooves into it. Coins were manufactured using hand-engraved dies as well as the European goldsmith in the Middle Ages used engraving to decorate and inscribe armor, weapons, jewelry, and other metalwork.

The technique of reproduction through *“lithography”* reached a new stage in the nineteenth century. Lithography which was invented by German actor Alois Senefelder as a cheap method of publishing theatrical works. It was a method of printing originally based on the immiscibility of oil and water. The printing was from a stone (lithographic limestone) or a metal plate with a smooth surface. Benjamin clarifies that the importance of lithography for the market

at that period that the “*first made it possible for graphic art to market its products not only in large numbers, as previously, but in daily changing variations. Lithography enabled graphic art to provide an illustrated accompaniment to everyday life. It began to keep pace with movable-type printing*” (Benjamin, 102).

Photography and Film:

Then Benjamin transformed into a new stage of development of the technique of reproduction which was “Photography” at the beginning of the 20th century. With this new stage, there was shifting in perception and sense from hand to eyes, the technique which was hidden in the lithography. So the visual way which we look to the work of art has a strong effect on our sense and perception. Not only photography but also film connects to this movement, particularly, when they mix visual with sound at the same time. Therefore, Walter Benjamin points out that

- “*Photography freed the hand from the most important artistic tasks in the process of pictorial reproduction- tasks that now devolved upon the eye alone. And since the eye perceives more swiftly than the hand can draw, the process of pictorial reproduction was enormously accelerated, so that it could now keep pace with speech. Just as the illustrated newspaper virtually lay hidden within lithography, so the sound film was latent in photography. The technological reproduction of sound was tackled at the end of the last century*” (Benjamin, 102).

In his essay, Benjamin focuses on photography and film because they were new means of technological reproduction at the time of writing his essay. Most of the Photographs were in black and white as well as films were in black and white with subtitles for the dialogue. These means of technological reproduction represented something new as well as were faster than painting. For instance, taking a snapshot in the camera is much faster than using the hand for painting. Photography and films help up the process of copying and pictorially reproducing the traditional arts, therefore, they can have the ef-

fect of making art much more available to the public everywhere and at any time.

As I mentioned in the previous paragraph to the positive points of new means of technological reproduction. Here I will point out the negative points as are mentioned by Walter Benjamin in his essay *The Work of Art in the Age of Technological Reproduction*, where he describes an original work of art as having ‘authenticity’. Thus, it has a presence in certain time and space, and “*its unique existence in a particular place*” (Benjamin, 103). However, using a reproduction of a work of art, it causes a lack in ‘authenticity’ because it is impossible to establish the exact conditions in which the original artwork is created when we reproduce the work of art. Benjamin clarifies that

- “*The whole sphere of authenticity eludes technological-and of course not only technological-reproduction. But whereas the authentic work retains its full authority in the face of a reproduction made by hand, which it generally brands a forgery, this is not the case with technological reproduction. The reason is twofold. First, technological reproduction is more independent of the original than is the manual reproduction. Second, technological reproduction can place the copy of the original in situations which the original itself cannot attain. Above all, it enables the original to meet the recipient halfway, whether in the form of a photograph or in that of a gramophone record*” (Benjamin, 103).

The Concept of ‘Aura’

Benjamin points out to the aspects of work of art through the concept of ‘aura’. The ‘aura’ represents the authority which is kept by the unique ‘original work’. According to Benjamin, ‘aura’ loses its unique of existence when it substitutes with modern technological reproduction. Benjamin clarifies his point when he says that

- “*What withers in the age of the technological reproducibility of the work of art is the latter’s aura. This process is symptomatic; its significance extends far beyond the realm of art. It*

might be stated as a general formula that the technology of reproduction detaches the reproduced object from the sphere of tradition. By replicating the work many times over, it substitutes a mass existence for a unique existence. And in permitting the reproduction to reach the recipient in his or her own situation, it actualizes that which is reproduced" (Benjamin, 104).

The authenticity and reproduction lead Benjamin to the traditional theory of Plato and his followers about 'Mimesis' in order to distinguish between the reproduced work and the original work. Plato's 'Mimesis' means the representation of nature. "According to Plato, all artistic creation is a form of imitation that really exists in the world of ideas". (*Encyclopedia Britannica, Mimesis Art*). The factors that help Benjamin to go in developing his idea about 'aura'; "the aesthetic presence of art and religious experience" which are lost by the reproduction of technologies of artwork, particularly photography and films.

- "The earliest art works originated in the service of rituals—first magical, then religious. And it is highly significant that the artwork's auratic mode of existence is never entirely severed from its ritual function. In other words: the unique value of the "authentic" work of art always has its basis in ritual. This ritualistic basis, however, mediated it may be, is still recognizable as the secularized ritual in even the most profane forms of the cult of beauty. The secular worship of beauty, which developed during the Renaissance and prevailed for three centuries, clearly displayed that ritualistic basis in its subsequent decline and in the first severe crisis which befell it. For when, with the advent of the first truly revolutionary means of reproduction (namely photography, which emerged at the same time as socialism), art felt the approach of that crisis which a century later has become unmistakable, it reacted with the doctrine of 'art pour art'—that is, with a theology of art. This, in turn, gave rise to a negative theology, in the form of an idea of "pure" art, which rejects not only any social

function but any definition in terms of a representational content" (Benjamin, 106).

Aura represents the model of a certain kind of intersubjective experience, in the experience of an object gazing back at one. Therefore, Benjamin refers to both approaches; aesthetics and ethics to what mass media means as the grounds for a revolutionary politics. Miriam Hansen, a German scholar of cinema, clarifies that "the tension in Benjamin between the liberatory potential of mass media and the vulgarity it represents is never fully resolved" (Hansen, 187). The aura refers to a work issue from being situated squarely in a particular space and having a certain history, 'its authenticity'. Benjamin mentions to this point that "Even the most perfect reproduction of a work of art is lacking in one element: its presence in time and space, its unique existence at the place where it happens to be" (Benjamin, 104–5).

The relation between Benjamin's work in mass culture and Jean Baudrillard's Simulation

Jean Baudrillard mentions in his article 'Simulacra and Simulation' that the "simulation is no longer that of a territory, a referential being, or a substance. It is the generation by models of a real without origin or reality: a hyperreal" (Baudrillard 1). If we compare Baudrillard's notion to Benjamin's view, we observe that Benjamin asserts the original in the technological reproduction while in Baudrillard, the origin ceases and never mentions it, even in the point of reference. According to Benjamin, aura represents the relation between the object and spectator which is recognized by distance as he mentions that aura as "the unique eye while resting on a summer afternoon—a mountain range on the horizon or a branch that casts its shadow on the beholder is to breathe the aura of those mountains, of that branch" (Benjamin, 105). Benjamin invites contemplating because he believes that it implies a certain kind of distance and a certain kind of subjectivity.

The authenticity of Painting

Benjamin clarifies the reasons that make the painting is more authentic than a new technologi-

cal reproduction of work of art by photography or film. The reason is the painting picture has the original touch and the spirit of the painter, while in photography or film will not carry all its authenticity because it is an image of an image which it can be copied more than one times, therefore, its aura will be missed. Ginal mentions in his *"Introduction to the Frankfurt School"* (2008) that *"the aura for Benjamin represents the originality and authenticity of a work of art that has not been reproduced. A painting has an aura whilst a photograph does not; the photograph is an image of an image while the painting remains utterly original"* (Ginal, 1).

Benjamin points out that the original picture which is painted by the artist, it has the presence and personality in a certain time and place. So it helps to create a piece of art which is providing it with its aura. Actually, the artist is the only person who has the choice of a specific moment to produce his/her piece of art while the pictorial reproduction of the same piece has a chance to produce it in conditions which they may be not suitable to the origin. As well, the photographer when takes a photo of an original piece of art, will bring his/her own influence on that piece which may another photographer have different influence and all these photos will have different taste or interpretation of the original one. Walter Benjamin explains that

- *"Every day the urge grows stronger to get hold of an object at close range in an image [Bild], or, better, in a facsimile [Abbild], a reproduction. And the reproduction [Reproduktion], as offered by illustrated magazines and newsreels, differs unmistakably from the image. Uniqueness and permanence are as closely entwined in the latter as are transitoriness and repeatability in the former. The stripping of the veil from the object, the destruction of the aura, is the signature of a perception whose "sense for sameness in the world" has so increased that, by means of reproduction, it extracts sameness even from what is unique"* (Benjamin, 105).

If we take the famous piece of art in the world 'Mona Lisa' that is painted by the famous artist Leonardo da Vinci in 1503, it was painted for a small wealthy elite. The original piece of Mona Lisa in the Louvre Museum in Paris. People, who have an interesting in art, travel all over the world in order to able to see/ look the experience its aura and its unique existence. If we make a comparison between looking the original piece of Mona Lisa in the Louvre Museum, and the photo of Mona Lisa which is taken by a photographer. We will get a sense that this reproduction contributes to the destruction of the ritual value of art since the photographer takes it from the relative obscurity of having a limited audience of the rich elite, and makes it available to a mass audience of the common people. John Berger points out in his book *"Ways of Seeing: Based on the BBC Television Series"* that

- *"The uniqueness of every painting was once part of the uniqueness of the place where it resided. Sometimes the painting was transportable. But it could never be seen in two places at the same time. When the camera reproduces a painting, it destroys the uniqueness of its image. As a result, its meaning changes. Or, more exactly, its meaning multiplies and fragments into many meanings"* (Berger, 19).

Traveling Theory:

Edward W. Said in his book *"The World, the Text, and the Critic"* mentions what he calls the 'Travelling Theory' that

- *"Ideas and theories travel – from person to person, from situation to situation, from one period to another. Cultural and intellectual life are usually nourished and often sustained by this circulation of ideas, and whether it takes the form of acknowledged or unconscious influence, creative borrowing, or wholesale appropriation, the movement of ideas and theories from one place to another is both a fact of life and a usefully enabling condition of intellectual activity"* (Said, 226).

Thus, if we take Said's theory on the reproduction of work of art and apply it to the works which are taken from the original location and transfer to another location by photography, film or even modern social media, of course, this will have an influence on our perception and the way of receiving it. Even if these means have advantages or disadvantages but I think when it makes original art available, it increases an interested people in arts and develops the public taste of art. Thus, this impact increases the market value of art.

Film Value:

Walter Benjamin clarifies that reproduction of work of art through film carries the original piece of art from its main place and reproduce it in film or Television's program with an addition of the sounds effects which transmit the piece from its original location to a new one. Therefore, it enables the spectators to look at it in a different way and gives them an opportunity for discussions because spectators look at things based on their own experience and contexts. John Berger points out that John Berger points out that

- *"At the same time, the camera can take an only certain detail of a whole painting and transforming it into the completely different meaning and usage. The painting then lends its authority to the film-maker. This is because a film unfolds in time and a painting does not. It is there with all its elements to be seen and examined thoroughly by the spectator that is how it maintains its own authority"* (Berger, 25–26).

According to Benjamin that the film is noteworthy for two reasons. First, the producing of the film depends on technology, with the performance of film actors mediated by a series of machines (camera, editor, and projector). Second, the film best accommodates the distracted perception of the Flâneur. At the cinema, spectators sit back to watch a film, they do not have to discipline themselves to pay attention: *"The public is an examiner, but an absent-minded one."* (Benjamin, 19)

In spite of Benjamin's argument is true in somehow, particularly in the ideological, which usually serve certain ideology or policy, but this is not always the case nowadays, there are kinds of films which were not present when he wrote his article, for instance, education, medical or nature films. Benjamin observes on the capabilities that the new technique reproduction methods have on human creativity. He points out to lenses that can catch details which are never easy to see by the human eye. Thus, with modern cameras, there are features which become available everywhere as they can capture different pictures from different angles with slow motion or even with moveable bodies, as well as captures underwater.

CDs and DVDs Modern Reproduction Technologies

As well, I want to pay attention to one of the modern technologies at the present time, the using of CDs or DVDs, which relate to the reproduction of art. Walter Benjamin does not mention the new kind of technology in his article *"The Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility."* This technique uses when produces films or music but it is not used for one time, it is easy to make a hundred copies of the same version of CD or DVD. As I observed that, this reproduction is a big threat to the producing of film or music as well as the producers. The prevalence of copied CDs or DVDs means that spectators or listeners become passive consumers so that it will take us to the result that people will miss the taste of listening to live music or even watching live plays. I thought almost spectators agree that the experience of live music or play is far superior to listen or watch a copy of it. It is obvious when spectators see the actors or musicians on the stage, they will get feeling and emotions which contribute to an aura that all will be absent in the copy version.

Exhibition Value:

Benjamin clarifies that *"once a work of art loses the aura and the ritual value, it is forced to find meaning through its exhibition value"* (Benjamin, 6). Thus, the meaning of art can be reproduced and shifted

into the arena of product. This notion can be used as a political manipulation. So Benjamin addresses this notion when he writes that valuing the art of exhibition instead of ritual means that *“it begins to be based on another practice-politics”* (Benjamin, 6). The notion of creating art originates in the service of rituals and these rituals give art its initial worth. However, after the secular art floats over the surface, the ritual value becomes over by the aura. Benjamin believes that

- *“Fascism, expecting from war, as Marinetti admits, the artistic gratification of a sense perception altered by technology. This is evidently the consummation of ‘art pour’ art. Humankind, which once, in Homer, was an object of contemplation for the Olympian gods, has now become one for itself. Its self-alienation has reached the point where it can experience its own annihilation as a supreme aesthetic pleasure. Such is the aestheticizing of politics, as practiced by fascism. Communism replies by politicizing art”* (Benjamin, 122).

Conclusion:

Benjamin in his essay concentrates on the future of art. According to him, art in the future will lose the positive value through the new technological reproduction means and that will lose their aura. Benjamin aroused a question that whether photography or film is an art so he says that

- *“Though commentators had earlier expended much fruitless ingenuity on the question of whether photography was an art-without asking the more fundamental question of whether the invention of photography had not transformed the entire character of art-film theorists quickly adopted the same ill-considered standpoint”* (Benjamin, 109).

I have to mention to an important point when Benjamin wrote his article in 1936, it was just three years from the Second World War. At that period, photography was at the early stages so Benjamin would not expect that new reproduction technolo-

gies would increase booming mass through cinema, television or even through the wide world web. Thus, these modern media means help in the developing the work of art and it makes it available everywhere and at any time. They could make a communication bridge between different cultures and communities through the work of art.

Not only Walter Benjamin discussed the notions which relate to art, but also the thinkers of Frankfurt school Theodor Adorno and Max Horkheimer gave advance judgments. All of them belong to the same school. They point out in *“The Culture Industry: Enlightenment as Mass Deception”* that

- *“Movies and radio need no longer pretend to be art. The truth that they are just business is made into an ideology in order to justify the rubbish they deliberately produce. They call themselves industries; and when their directors’ incomes are published, any doubt about the social utility of the finished products is removed”* (Theodor Adorno and Max Horkheimer, 1944).

It is obvious that there are ideological films but at the same time, there are producers of films focus on financial gain more. Nowadays the modern devices that are available over the world, participate in construct our new and make the world a small village. With satellite and internet, they broadcast events and news through seconds and available free. As well, in recent years mobile phones enter the technological world to help spread knowledge widen the perception of audiences. So that these modern technologies would not be found if there were not the foundation of photography and films.

The other contemporary thinker that I want to mention to his view about media is Stuart Hall. Hall points out in his lecture *“Representation and the Media”* that the representation is a part of the event itself which reflects through media communications, he says that

- *“Representation is the way in which meaning is given to the things depicted through the images or whatever it is on screens or worlds published front pages. He assumes that the media*

is representing us these days to a certain extent”
(Hall, 1997).

Therefore, there are many art exhibitions
around the world as well as there are competi-

tions for photography and movies, which happens
in several countries so that they give them more
importance.

References:

1. Adorno Theodor. Frankfurt School: The Culture Industry: Enlightenment as Mass Deception. Accessed March 28, 2018. URL: <https://www.marxists.org/reference/archive/adorno/1944/culture-industry.htm>
2. Baudrillard Jean. Simulations. New York City, N.Y., U.S.A.: Semiotext(e), Inc. 1983.
3. Benjamin Walter. The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction. 2005.
4. Berger John. Ways of seeing: based on the BBC television series with John Berger. London: British Broadcasting Corp. 2012.
5. Davis Jonathan. Questioning “The work of art in the age of mechanical reproduction” a stroll around the Louvre after reading Benjamin. Contemporary Aesthetics. 2008.
6. Ferreira Maria Aline Salgueiro Seabra. I am the other: literary negotiations of human cloning. Westport, Conn: Praeger. 2005.
7. Golden Leon. “Plato’s Concept Of Mimesis”. The British Journal of Aesthetics. 15 (2): 1975: 118–131.
8. Jennings Walter Benjamin; Howard Eiland; Michael William. “The Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility.” In Walter Benjamin Selected Writing, 462. London: Cambridge, Mass. 2006.
9. Karl Coulthard; University of Guelph. Looking for the Band: Walter Benjamin and the Mechanical Reproduction of Jazz. Critical Studies in Improvisation / Études Critiques En Improvisation; – Vol 3. – No 1. 2007. University of Guelph. College of Arts. URL: <http://www.criticalimprov.com/article/view/82>

Section 6. Linguistics

*Martashvili Ketevan Elberdievna,
doctor of philology
Ilia State University, Tbilisi, Georgia
E-mail: Ketevan.martashvili@iliauni.edu.ge*

INFORMATIVE POTENTIAL OF BIBLICAL ALLUSIONS

Abstract: Language units potentially carry a certain amount of information hereby contributing to the formation of an information category of the text. Stylistic devices, allusion among them, are characterized with high information potential thanks to their nature of creating artistic images, through which they can expand vertical, in-depth information without linear expansion of the text.

Keywords: Allusion, informativeness, informative potential, contextual information, associative information, stylistic context, subtext, liguo-pragmatic phenomenon.

Informativeness of a language unit is the entire sum of the grammatical and lexical meanings of a unit that implies the meanings fixed in the dictionary as well as revealed under the influence of a certain context. In stylistics informativeness implies existence of additional information beyond logical information, characteristic to a language unit and the Informativeness of the SDs – the existence in them emotional, expressive and evaluative connotation characteristic of a person, object or an event under description, related to an expressed idea and providing the desired reaction on the reader [5, 47–48]. Stylistic devices thanks to their nature are capable of expanding vertical, in-depth information without linear expansion of the text. Allusion as an SD, related to associations and the creation of a subtext is distinguished with extremely high information potential that is demonstrated within and with the help of a stylistic context, providing that presuppositions exist [4, 76–77; 6, 73–77;].

The present article is devoted to demonstration of the informative potential of allusion by considering it within the stylistic context, in order to com-

pletely uncover its informative potential. For a thorough examination of the above SD we chose the context, taken from “Forsythe Saga”, “To Let” by John Galthworthy, where three biblical allusions function. The Contextual information is as follows: a Slav, a sculptor, Strumolovski by name, occupies the June Forsythe studio in Chiswick. He is moneyless, selfish, and fresh from America where he failed to sell his “masterpieces” and became the object of persecution. In his opinion America is a heartless country.

We encounter the first allusion, the mixed type BA-comparison, in description of the sculptor’s appearance and personal features, where along with other characteristic details he is also described by *Christ-like silence* – “*with his aloof and rather Christ-like silence*” the phrase says. The expression, “Christ-like silence”, has semantically powerful connotation with all these components in its semantic structure: calm, wise, condescending, omniscient, elevated, sublime. In the context, there are two details that lead to some reduction in the above capacity – adverb “rather” and adjective “aloof”. The latter being in tandem with “silence” as an epithet (aloof silence),

creates a fairly clear image if taking into consideration the meanings of the adjective “aloof”: – 1. at a distance, removed (i.e. remote, distant, unconnected from); 2. distant in sympathy, interest, etc.; 3. Reserved and cool [2, 41]. Thus, “aloof silence” means remote, distant, unrelated to human problems and, consequently, abstract and calm silence. In the linguistic surrounding with “Christ-like”, the adjective “aloof” acquires additional, occasional connotation, namely, “sublime, **elevated** from earthly concerns to spirituality and therefore – distant”. In its turn, out of the semantic components of the compound word “Christ-like” it activates the seme “**sublime**”, though the other semes do not become dumb either. Despite the aforementioned neutralization, the phrase does not lose its vividness. Various contextual elements give rise to exacerbation of the impression that the sublime connotation of the phrase “Christ-like silence” acquires after the above consideration. For example, the explicit resemblance of Strumolovsky’s hair style to that of a girl’s – “banged like a girl’s”. The “girl” implies the semes: tender, delicate, helpless, innocent, naïve, inexperienced, i.e. the exact opposite of what we get from “Christ-like silence”. The collision of two radically polar meanings of these two linguistic units generates the subtext: Strumolovsky is ridiculous and piteous.

The second biblical allusion is given later in the context where the author introduces us to June’s attitude towards Strumolovsky as to the artist and creator. The image, the author suggests is expressed by a prolonged allusive metaphor: “... Star of the East which had strayed into an unappreciative west”. The “Star of the East” with capital letters is connected with the biblical associations the semantic structure of which implies the following meanings: “the Star of Bethlehem, “the beginning of a New Era”, “the child Christ”, “Christ the Saviour”, “Christ the leader to the truth and heaven”. The prolonged allusive metaphor here can be deciphered by simultaneous understanding of the two parallel images, biblical and the contextual. The ironic subtext, produced as an effect reads:

“the genius” has been disfavoured. The ironic effect is intensified by different lexical elements at the beginning of the context – the Indefinite pronoun followed by the attributive subordinate clause – “One who was a sculptor, a Slav...” – instead of a very simple “a sculptor, a Slav...”, the more so, that an indefinite article “a” also has an ironic effect. Then the high-flown, laconic and ironic characteristics follow, describing Strumolovsky in all respects – “an egoist and impecunious” and the parenthesis that is used to introduce us to his creations: “- several of whose works were on show there because they were as yet too advanced to be on show anywhere else – ...” that along with new information it suggests, namely: 1. Strumolovsky is avant-gardist, 2. so far only June’s gallery provides exhibitions for such innovations, sounds like antiphrasis and information provided as if randomly, becomes a very important basis for irony. All these influence our attitude towards Strumolovsky as of a superficial and frivolous “sculptor-creator”, after which the grandiloquent phrases, describing him: “the principal embodiment of genius, hope of the future”, sound sarcastic. In general, the whole convergence of the stylistic devices in the context serves to actualize the stylistic effect of irony i.e. the opposite meaning of the said. As a result we can read the subtext: Strumolovsky is a mediocre, dull (star of the East, principal embodiment of genius, hope of the future) inexperienced and vain (Christ-like silence, like a girl’s) sculptor; pusillanimous and indigent who is inclined to blame others for ignorance and inconsideration (unappreciative West) in his failure (... as yet too advanced). Below we see yet another allusion “... *the United States, whose dust he had just shaken from off his feet*” connected **with** the biblical association of how Christ sent His Disciples to cure people spiritually and physically – “And whoever shall not receive you, non hear you words, when ye depart out of that house or city, shake off the dust of your feet» [B., Matt.,10:14].

“To shake off the dust from one’s feet”, as a phraseological unit, has the meaning “to leave in anger or

contempt” [3, 230], that suggests that Strumolovsky has been driven out, banned. The word “dust” with the biblical metaphorical meaning is a man himself with his soul pure or sinful, turned into earthly dust after his death. “dust you art and into dust shalt you return” [B., Gen., 3:19]. Therefore, the dust on the feet of the disciples meant taking responsibility for the people and blessing them, shaking off the dust from the feet – declining the responsibility and refusing their blessing that would inevitably mean death and destruction: “... notwithstanding be ye sure of this that the kingdom of God is come nigh unto you. But I say unto you, that it shall be more tolerable in that day for Sodom, than for that city.” [B., Luke, 10:11].

On the basis of the said above the subtext will read: “Strumolovsky has refused America in blessing and when this country is destroyed like Sodom and Gomorrah, and this will definitely happen, he will do nothing to save it.” Sarcasm turns into grotesque. The irony begins with the very first word, shows itself in almost every line and reaches its culmination when we come to touch the biblical allusion. In the context under consideration within the frames

of about fifteen lines we encounter three BAs. First there appears the compound word “Christ-like” – allusion-comparison describing sculptor’s personal features, then there comes the phrase – “Star of the East” – allusion-metaphor describing his artistic and creative features and at last the sentence – “whose dust he had just shaken from off his feet” – allusion-periphrasis describing his stance. Sarcasm, satire, grotesque, this is the set of effects that along with additional information we get. As if this “unappreciated genius” resembles Christ, is the “Star of the East” in his profession, and is persecuted like Christ and His Disciples. The dimensional comparison of two radically opposite phenomena – grandiose and trifling – makes his personality a nonentity. The effect Gradation is based on allusion. The fragment although small, is highly informative and implies important implicit information provided by allusion. Informative potential of allusion as a liguo-pragmatic phenomenon implies the realization of two aspects. On the one hand, this is an author’s subjective *modus* and on the other – the expressive power oriented to the reader to provoke an adequate reaction.

References:

1. Bible Authorized King James version 1978. The Southwestern Company.
2. Webster’s New World Dictionary of the American Language, College Edition, World, (WP).
3. Kunin A. V. English-Russian Phraseological Dictionary, – М., “Russkii yazik”, 1984.
4. Колшанский Г. В. Контекстная Семантика. – М. 1980. – С. 76–77.
5. Арнольд И. В. Стилистика Современного Английского Языка, – М., Просвещение 1981. – С. 47–48;
6. Martashvili K. E. Algorithm of Cognitive Perception of the Stylistic Device of Allusion in Literary Texts. *Philology // Proceedings of the 2nd International Congress on Social Sciences and Humanities*. Premier Publishing s.r.o., Accent Graphics Communications LLC, Vancouver. 2018. – P. 73–77.
7. Galsworthy J. *The Forsyte Saga, To Let*, – М., “Progress” 1975.

*Tsertsvadze Mzia Ciclaevna,
associate professor, doctor of philology,
Akaki Tsereteli State University
E-mail: mzia.cercvadze@yandex.ru*

ONE OF THE WAYS OF SEMANTIZATION OF FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY IN BUSINESS WRITING TEXTS IN THE EARLY OF XVIII CENTURY

Abstract: The article devoted to semantization of foreign innovations represented into the different types of glosses / The main trend of this process are included into the global process of change of the cultural and h time paradigms and are illustrated by the poorly explored material of the business correspondence of the quarter of XVIII century. Emphasizes, that glosses played an exceptional positive role in the crucial moment of massive cultural borrowing in the history of the Russian language, greatly enriching its vocabulary.

Keywords: new words, sementization, language units, text, borrowing, literary language.

*Церцвадзе Мзия Гиглаевна,
ассоциированный профессор, доктор филологии,
Кутаисский государственный университет им. А. Церетели
г. Кутаиси, Грузия
E-mail: mzia.cercvadze@yandex.ru*

ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ СЕМАНТИЗАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТАХ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НАЧАЛА XVIII в.

Аннотация: В статье рассматривается один из способов семантизации иноязычной лексики (глоссирование) в деловой письменности первой четверти XVIIIв. Подчеркивается, что глоссы сыграли исключительную положительную роль в решающий момент массового культурного заимствования в истории русского языка, значительно обогатив его словарный запас.

Ключевые слова: новые слова, семантизация, языковые единицы, текст, заимствование, литературный язык.

Проблема семантизации языковых единиц в текстах донационального и национального периода истории русского литературного языка не является новой для исторической русистики. Данному феномену в истории русской письменности было уделено достаточно внимания. Основной формой и способом подобной семантизации изначально выступили так называемые глоссы

[8; 6, 150]. Как уникальный способ семантизации глосса возникла в качестве реакции на формирование литературной письменной формы русского языка, с научной же точки зрения она непосредственно связана с изучением текстовой продукции прошлого [4].

Если учесть мнение известного филолога XX столетия Ю. М. Лотмана, что культура, совре-

менная и прошлая, – «это своеобразная знаковая система, знаковое явление, в основе которого лежит определение об адекватном обмене информацией между адресатом и адресантом» (№ 195), то можно с определенностью говорить о том, что глоссы сыграли огромную роль в процессе формирования, прежде всего, лексической составляющей литературного языка на протяжении столетий, а потому, обращение к ним представляется вполне закономерным и актуальным и в наши дни, так как связано с расширением представления об этом явлении в исторической русистике.

Актуальность данного исследования видится нам и в том, что многие материалы письменности прошлого в подобном аспекте специально не рассматривались или лишь фрагментами отражены в известной научной литературе.

В статье рассматривается глоссирование в деловой письменности первой четверти XVIII в., а именно в таких, как «Книга Устав Воинский» издания 1716 г. (УВ) и «Устав морской» 1720 г. (УМ). Издание данных документов связано непосредственно с участием Петра Великого-реформатора государственной и языковой политики своего времени.

Участие Петра Первого в составлении данных основополагающих документов его эпохи выступает авторитетным показателем происходивших в тот период изменений как в устройство молодого Российского государства, так и в русском языке. Одним из сигналов такой новизны, как известно, выступили активные заимствования, многие из которых представляли абсолютные инновации в виде культурных заимствований, в большинстве своем нуждавшихся в толковании с целью более быстрого и последовательного их введения в речевой оборот носителей русского языка. В этом отношении деловая письменность особенно была ориентирована на массового реципиента, поскольку в подобную массу входили не только образованные члены общества, но и низшие слои русского населения

в лице солдат и матросов, которые принимали непосредственное участие в военных действиях на море и на суше. Им как никому другому важно было понимание новых слов и выражений, потоком хлынувших в русский язык. Вот почему в документах такого рода, как УВ и УМ, процесс семантизации в форме толкования лексических инноваций в тексте становится основным, а в качестве основного способа семантизации выступает глоссирование.

Само понятие «глосса», представляющее «добавление переводчика, сделанное им в объяснение отдельных слов [5, 203], перевод или толкование непонятого слова или выражения в древних текстах [6, 198], введено в научный оборот в XX столетии для характеристики специфического способа и формы семантизации неизвестного или малоизвестного наименования на первых этапах развития письменности. В дальнейшей истории русского литературного языка она стала естественным способом репрезентации, закодированной в текстах прошлого информации. Причем, несомненно, чем дальше в глубь веков уходят интересы современного носителя языка, тем больше препятствий выявляется при расшифровке, закодировании письменных источников прошлого.

Успешное осуществление такого рода коммуникативного акта определяется нередко тем, что «в посредничестве между говорящим и адресатом участвует понятный им обоим язык, между ними существует тот или иной вид контекста, в условиях которого передается конкретное сообщение [1, 365]. В этом отношении поясняющая часть глоссы уравнивает апперцепционные базы контактёров в акте коммуникации (адресанта, создателя текста прошлого, и адресата-синхронного адресата-1 и диахронического (адресат-2) в лице носителя современного русского языка). Именно это и подтверждают примеры глосс, довольно широко применявшиеся в рассматриваемых деловых текстах УВ 1716 г. и УМ 1720 г.

С позиции диахронического адресата (адресат-2) в лице носителя современного русского языка они представляют лингвистическую ценность для восстановления в целом динамических, эволюционных в своей основе процессов, происходивших на диахронической оси истории русского литературного языка. С позиций же ретроспективно-синхронного носителя русского языка (адресат-1) они представляют тот мостик к пониманию текстов своего времени, который уравнивал интерцепции создателей указанных уставов, по которым проходила военная и морская служба и велись военные действия, непосредственными участниками которых были эти носители языка.

С лингвистической точки зрения глоссированные конструкции, зафиксированные в УВ и УМ, как и в целом в письменных источниках этого времени, представлены двумя группами, которые можно рассматривать как с точки зрения структуры пояснения (глосса-одно слово, глосса – словосочетание, глосса – развернутое описание, толкование иноязычного слова), так и с точки зрения способа ввода такого пояснения (с помощью союзов, без союза в скобках; с помощью лексически однозначных слов).

Наиболее распространенным способом семантизации лексических инноваций иноязычного генезиса в текстах исследуемых уставов, представляют **соответствия – однословы**, свойственные не только деловой сфере письменности, но и частной переписке, и другим бумагам этого времени, переводам книг, лексикографической практике Средневековья и т.п. Однако весьма важной и специфической их особенностью является то, что такой способ толкования неизвестного слова достигает своей цели лишь тогда, когда в русском языке исследуемого периода (в нашем случае в Петровскую эпоху) имело место межъязыковая синонимия, при которой пишущий (адресант) мог найти наиболее близкий лексический эквивалент, помогающий носителю языка понять новацию нерусского предложения, и пополнить свой словарный запас.

Примеры из УВ 1716: Палатки *бараки* (или шалаши) имѣють такожде порядочно в нѣкоторыя рады и разстояній поставлены быть (с. 189. Глава 56); В походѣ маршируетъ опредѣленные къ тому карауль на передѣ, потомъ піоніры (или работніки) и плотники с топорами (с. 14);

Таковому чловѣку надлежитъ наипаче быть доброму эконому (домоуправители) (с. 93. Глава 27); О сборѣ комисарѣ; но и доброго кондувита (сирѣчьвской годности). которого бы хвалитеты (или качества) съ добродѣянїемъ благочестївою справедливостїю связаны были (с. 29–30. Глава 32); О генералѣ Вагень мейстерѣ, или обозномъ (с. 104. Глава 67)) и многие другие.

Тот же принцип семантизации с помощью односложных глосс находим и в УМ 1720 г. (хотя он и менее представлен): А понеже Флотъ Морскїи къ полезнымъ походамъ и дѣствїями своими требуетъ регуламента или **устава**, безъ которого и вѣтры, и кормчїи всеу, того ради премудрїиши Монархъ, и къ сему дѣлу приложїль труды своя, собралъ... .. сеи регулы (с. 30–33. Предисловіе къ Читателю); Ему (генералу адмиралу.-Н.Г.) подобать быть храбру и доброго кондуїта (сирѣчь всякія годности), которого квалитеты (или качества) с добродѣянїемъ были связаны (с. 11–12); И былъ бы в такої дистанціи (расстоянїи) отъ него да бы во всемъ флотѣ его видѣть, мочно было (с. 29); А ежели то повторїть, то наказанїе умножено быть имѣть... .. а въ... .. третью аркібузїрованъ (розстрелянь) быть имѣть (с. 231).

Правда, недостатком однословных пояснений-глосс этого времени является то, что в ряде случаев он содержит не совсем точные семантические эквиваленты, поскольку включают в себя либо квазисиноним исконного происхождения, либо неологизм иноязычного происхождения, который так же мало доступен в смысловом отношении ретроспективно – синхроническому носителю русского языка того времени, как и пояснимое слово, например; генералъ гевалдігер (**илирумор мейстеръ**) (УВ 1716, с. 123) и некоторые другие.

Более семантически информативными выступают глоссы в форме словосочетаний, в которых атрибутивный элемент конкретизирует денотативную часть лексического значения поясняемого слова, указывая на его дифференциальный существенный признак: Ему (генералу адмиралу-Н.Г.) подобает быть храбре и доброг кондуйта (сіречь всякія годности) (УМ 1726, с. 11–12, Глава пятая надесять).

Близок по значимости к информативной ценности к глоссам- словосочетаниям описательный способ с эллипсисом родового наименования, к которому относится видовая лексическая номинация. Это конструкции типа: **Подшхипорь учіненъ для вспоможенія шхіпорь** (УМ 1721, с. 210).

Описанный способ семантизации языковых единиц в деловой письменности петровской эпохи представляется ступенью и к более совершенным дефинитивным глоссам, которые в максимальной степени выражают семантику поясняемого слова

и могут служить своеобразной базой для лексикографирования соответствующего литературного материала. Как правило, они вводят необходимую семантическую информацию к иноязычному слову с помощью слов-связок «есть», «называется» и т.п. Ср.: Дивизия есть часть воіска въ котором нѣсколко брегадь надложить быть под управлением одного генерала (УВ 1716, с. 22).; Генерал Адмирал или Аншйфтъ есть командующіи, есть **репрезентація своего Государя, которому должны быть всѣ послушны** (УМ 1729, с. 17).

Таким образом, глоссирование как способ семантизации неологизмов в текстах петровского времени сыграло свою исключительную позитивную роль в самый ответственный момент массовых культурных заимствований в истории русского языка, существенно обогатив его словарный состав. Деловая же письменность, рассчитанная на такого же массового читателя и пользователя, стала основным полигоном для подобных процессов.

Список литературы:

1. Арютюнова Н. Д. Функции языка // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1978. – С. 385–386.
2. Акимова П. Н. Очерки по синтаксису языка М. В. Ломоносова // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: Очерки. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. – С. 13–292.
3. Гайнуллина Н. И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века. Историко-лингвистический аспект. Монография. – Алматы: Казах. университет, 1995. – 276 с.
4. Гайнуллина Н. И. Очерки по истории русской грамматической мысли. (XI–XVIII вв. (Материалы к элективному курсу: уч. пособие для докторантуры Ph.) – Алматы: Казах. университет, 2012. – 410 с.
5. Истрин Е. М. Хроника Георгия Амартала в древнем славяно-русском переводе. Текст: Исследование и словарь. В 3-х томах: Том 2. Пг., 1922.
6. Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. – М.: Эксмо: 2008. – 864 с.
7. Лотман Ю. М. Знаковый механизм культуры // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту: Тартуский университет.
8. Шаймерденова Н. Ж. Глоссы как феномен текста. – Алматы: БОРКИ, 1997. – 156 с. 1973.

Shakaman Yrysgul' Bektemirkyzy,
candidate of philology, professor,
Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)
E-mail: raya-s7@mail.ru

Kenzhetayeva Gulzira Kabayevna,
candidate of philology, professor,
Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)
E-mail: gulken_kz@mail.ru,

SCIENTIFIC IDENTIFICATION (COGNITIVE) FEATURES OF THE PERSONAL ENDINGS IN THE KAZAKH LANGUAGE

Abstract: The goal is to show additional categories of linguistics of the Kazakh language, including personal ending that helps to uncover the national Outlook, analysis of the specificity, the importance of the language image. Research method based on research of the Kazakh scientists made analysis, synthesis personal endings of the Kazakh language, from the point of view of national features of speech, worldview, culture, methodology. The results of the research and novelty: the article deals with the functional features of the personal endings of employees for the formation of forms. Practical significance: the importance of personal endings for the formation of a national outlook is shown. Consequently, the study shows that the personal ending can fulfill the role of a philosophical solution and has a special place in the linguistic picture of the world.

Keywords: World outlook, additional personal endings, a predicate, a kind of joining a personal ending, a full, short type, a kind, an imperative mood, being (a stereotype), a category of the world, a language picture of the world, cognition of cultural, national specifics, totemism.

1. Introduction

Personal endings in the Kazakh language, adding the words purely grammatical meaning serve to link words in a sentence, they are the fourth kind of endings. It is necessary to clarify the actual scientific definition of this type of affix.

Personal ending is the grammar indicator (type of affix) that, by joining certain words, forms predicate denotes a certain face and forms a kind of communication "coordination".

In works (school, teaching aids, scientific) as one of the affix types only the general properties of personal endings are explained, is not given the value of scientific and cognitive features, their categorical features are not considered. For example, in school it is often said that these endings are inherent only in the verb.

In teaching aids, scientific and school works as one of the affix types only the general properties of personal endings are explained, no importance is given to scientific and cognitive features, their categorical features are not considered. For example, in school it is often said that these endings are inherent only in the verb.

In this regard, although these endings are simple affixes, they became necessary to identify their scientific and identification features. This reveals from the methodological point of view the importance of understanding the infrastructural, philosophical, stereotypical, cultural and speech characteristics, as well as teaching the language of other nationalities.

Whichever language is considered, the affix Personal endings brings the structure of the sentence to

the end. In Kazakh, personal endings also form the basis of the sentence. Therefore, we call them, on the other hand, predictable endings. By forming the basis of the sentence, they demonstrate their inherent functional characteristics. Functional features are revealed through scientific analysis, the method of selection. These grammatical (functional) features, features are a specific functional task of personal endings.

Personal endings are added to the noun, adjective, numeral, pronoun, referring to the person, modal words, verbal forms – participles, gerunds, verbs indicating the state, the forms of inclination of the verb, to words in the local and initial case, to some auxiliary Postpositions (interrogative, amplifying (da/de, -ak).

Personal endings are a transforming (form-building) affix. The most important sign of personal endings is grammatical function and postpositional character, stability of use in certain spheres. Their grammatical function is the completion of the structure of the sentence, the transformation of the adjoined words into a predicate. This feature is a functional feature of personal endings, inherent only to them. If we take the stability of use, then this is manifested only in words related to man.

With the help of scientific methodological analysis, in addition to the sign of the functional task of personal endings in the structure of the language (word structure), the specific features of the affix are determined:

The first feature: personal endings do not directly attach to the roots of verbs; Join only after certain forms of the affix (a specific form in the form of a transforming suffix, like participle, gerundive, zero form).

The second feature: personal endings are directly attached to the nominal parts of speech, including those relating to a person.

In the analysis and selection of linguistic facts, we were given the opportunity to disclose the scientific implication, our own reasons for the two types of attaching personal endings to words related to a person.

2. Literature Review

Scientists and specialists of the Kazakh language differently represent the features of these two types of joining personal endings, but we can not say that they have found a solution to this problem. On the contrary, there was no opinion on this at all. Also we do not meet such an opinion in the review of scientific works. Only in the works of the famous scientist in the field of the Kazakh language, S. M. Isaev, one can find judgments about two types of features of personal endings. The linguist gives the following explanation: "... it must be assumed that this quality of personal endings has arisen from the features of functional properties, syntactic functions, that is, they complete the sentence structure with a predicative function. Predictive function can perform not only verbs, but also nominal parts of speech" [2, 111].

This explanation of the scientist is expressed in the form of a description of the functional sign of personal endings, but this is not yet a concrete answer: he does not solve the problem of attaching two types of endings to parts of speech.

In essence, especially the direct addition-non-addition of personal endings to words, the predicative function of words is not the main factor, since the predicative function of words denoting a person is realized only in the case of attaching personal endings.

Selecting through the consideration of linguistic facts, the general structure of speaking, letters relating to a person's nominal and verbal parts of speech with personal endings, we establish the main factor of their accession. This basic factor is based on the designation of non-identification of the temporal value of the nominal parts of speech and verbs related to man.

To be more precise, in order for personal endings to join words related to a person, they must first stand in a certain form of the category of time (temporal meaning). In this connection, the problem of the indirect attachment of personal endings to the verb is solved, since the verbs in non-derivative form (read, write, or form the infinitive (read, write) have

no temporal meaning. Therefore, personal endings do not join directly. In the Kazakh language, affixes with a temporal value include suffixes of the participle, the gerund and the apparently past tense. For example, the suffixes of the sacrament in the Kazakh language have 4 types, and each of them has a characteristic shade of past, future time:

- 1) -ған/-ген, -қан/-кен (-gan/gen, -kan/-ken) – pluperfect;
- 2) -атын/-етін, -йтын/-йтін (-atyn/-etin, -ityn/-itin) – Transitional elapsed time;
- 3) -мақ/-мек, -бақ/-бек, -пақ/-пек (-mak/mek, -bak/-bek, -pak/-pek) – Targeted future time;
- 4) -ар/-ер, -р (-ar/-er, -r) – an estimated future time.

For example: Мен үйге жиі келетінмін (Men үйге zhiі keletinmın.). We see that in the sentence the personal ending indirectly joins the verb (do not speak kelmin), because in this case the meaning of the sentence is unclear, one time concept appears. Hence the emergence of these forms: kelgmenin, kelmekpin, kelermin.

We see the same feature in the suffixes of the verbal participles:

- 1) -а / -е, -й – general (transitional) present time;
- 2) - ыр / -іп, -р – long-past time;
- 3) -ғалы/-гелі, -калы/-келі + auxiliary verb-target future time

For example: үйге ертең келемін; хатты досым жазыпты (uyge yerten kelemın; khatty dosym zhazypty;) In the sentences there are personal endings – -min, -ty.

When joining the verbs of the suffixes of participles and gerunds, personal endings of the first kind are also added to them.

The verb, which took the form of the 3rd kind of gerund, does not conjugate at all (you can not say: men bargalymyn). Therefore, such vertexes are the main verbs in complex verbs, they are combined with the auxiliary verb, after which they take the necessary form of personal endings: bargaly zhurmın, bargaly zhursın, bargaly zhursız, bargaly zhurØ.

In the Kazakh language, the suffixes of the verbs of the past are obviously -dy/-ді, -ty/-ті. Suffixes are added to personal suffixes of two types: Men uygekeldim. and others (in Kazakh the personal endings are divided into 3 types, this will be discussed later).

We tried to find the second proof of the direct joining of personal endings to the nominal parts of speech that are relevant to man. At first glance it seems that personal endings directly join them. For example: Мен оқытушымын, сен студентсің, сіз профессорсыз, ол – директорØ. (Men okytushymyn, senstudentsin, siz professorsyz, ol – direktorØ.) In view of the fact that the sign “personal endings are directly attached to the nominal parts of speech” is not exactly disclosed, we temporarily explain it with this form.

We conclude that this problem was not considered in the works of scientists in the field of the Kazakh language.

3. Methodology and data

At one time, one of the scientists who studied the history of the language of scientists M. Tomanov, pointing to “the fact that the nouns began to be conjoined directly,” expressed the following opinion: “In ancient Turkic languages, the predicate dropped out of the sentence, and personal endings began to join the nominal parts of speech – The lexical center of the combination of words. Only in this way can the history of conjugation of nouns be explained” [3, 98].

Personal endings are directly attached to the nominal parts of speech relating to a person: a noun, an adjective and a numerative, some nominal forms, verbs denoting a state, modal words.

The direct attachment of personal endings to these words is associated with a constant stay in this root position, the designation of a common present time, a totemic concept. More precisely, the nominal parts of speech that relate to the person and answer the question “Who?”, As well as modal words, are the result of the cognizance of the occurring life events and circumstances, therefore these words, related to the general period, time, without taking temporary

suffixes, immediately take Personal endings and directly conjugated.

For example: *Мен оқытушымын, сіз профессорсыз, мен сенімдімін, сіз үлкенсіз, мен жоқпын, біз көппіз, сендер керексіңдер, біз қажетпіз, сендер алтаусыңдар, сіздер біріншісіздер* (Men okytushymyn, сіz professorsyz, men senımdımın, сіz ulkensız, men zhokpyn, біz koppız, sender kereksınder, біz kazhetpız, sender altausyıdar, сіzder bırıńshısızder), and in other sentences each word refers to words denoting cognitive phenomena with the meaning of the common present tense (Always happening).

The direct attachment of personal endings is also characteristic of the verbs denoting the state (position of someone) – “otyru, turu, zatu (jatyр), zuru”, since the verbs denoting the state *отыру, тұру, жату (жатыр), жүру», (отыр(у), тұр(у), жатыр(у), жүр(у))* (otyru, turu, zhatu (zhatyr), zhuru», verbs with meaning of competing (otyr(u), tur(u), zhatyr(u), zhur (u)) are verbs that denote a specific present time in non-derivative form. They are still perceived as non-derivative verbs. After all, other verbs like *айт(у), кел(у), бар(у)* («ayt(u), kel(u), bar(u)») are in non-derivative form, why then do they cause a logical question about the fact that they are not directly conjugated? It can be answered as follows: in comparison with the verbs denoting the state, other verbs in non-derivative form do not designate any temporal value.

They, taking the suffixes of participles, gerunds, apparently past verb tense, having only a corresponding temporal meaning, conjugate at the designation of any time. Verbs denoting a state, defining a specific present time in non-derivative form, conjugate directly.

We consider it necessary to explain the manifestation of a specific present time in a non-derivative form, presenting the opinion of the scientist S. M. Isaev: “This makes it clear that these four verbs are not unproductive verbs, but are certain grammatical forms of the verb” [2, 111]. He says that “in the examples of олтұр – олтұрар – олтұрыштұр (oltur – olturar – olturyptur) (present tense – future time),

various sound changes occurred in the initial form” [2, 112]. Turning our attention to the formation of these verbs, specifies: “Since these features of the verbs denoting the state appeared because of their non-derivative form, ... when they were formed on the basis of one of the verb forms, the grammatical properties remained unchanged. The use of the form of “жат (jat)” of the verb “жатыр (jatyр)” proves that it is non-derivative. It is also clear that the verb “отыр (otyr)” was formed from the forms “ол тұр – олтұрар (oltur – olturar)”. Although the final affixes -ur, -yr in the forms “... жүрар, тұрар (jurur, turur)” have fallen out, as a result of preserving its grammatical properties, the verbs denoting the state have the above-named features” [2, 159].

4. Empirical Results

From the above, we can conclude:

1. *Personal endings are added only to words denoting a specific time, and to words that do not have a time concept, to verbs in non-derivative form (without a suffix with a time value) is not attached. Personal endings can be attached to the verbs (except for the verbs denoting the state), in the event that they acquire a temporary function.*

2. *Due to the fact that the nominal parts of speech relating to man are at the totemistic level (constantly in this time form), without needing any suffix, conjugate directly.*

All the above refers to the mandatory function and application of personal endings. Therefore, their accession is closely connected with finding a word in a certain time, which in the sentence can go into the predicate.

3rd feature: since words with personal endings denote a certain time and a person, they have an indicative mood. To enlighten the word, it is necessary to designate the time to reveal the time, it is necessary to conjugate it. Thus, from their unity an indicative mood is formed. This is also an individual characteristic, the property of using personal endings. For example: *Жазық далада салт атты зулап келеді* (Zhazykdalada salt attyzulapkeledi (M. Auezov). The verb “zulapkeledi”, which is in the form of the third person of the present tense (the personal

ending of the “di”), denotes an indicative mood. The formation of an indicative mood is connected with the meaning of a personal ending. If there was no personal form, the indicative mood was not defined.

The fourth feature is the multi-functional personal ending. Personal endings in one use have several grammatical meanings. For example: in the sentence *Дәрpic бас гимаратта өтеди* (*Daris bas gimaratta otedi*) – “The lecture will be held in the main building” – the personal ending “-di”, first, it means the 3rd person; Second, has a single or multiple meanings; Thirdly, has the value of inclination.

The scientist K. Akhanov explains this function of personal endings (he points only to the category of the person, one-and many-valued words) as a polysemy. Expressing the idea that “an affix having several grammatical meanings in a word is called a multi-valued affix” [1, 289], he calls endings and among them personal endings.

In our opinion, the formation of several grammatical meanings with one use of the affix does not apply to polysemy. If several categorical grammatical meanings manifest themselves with the same use of the affix, then it will be called multifunctional. Along with this, two or three values of the affix, which are manifested in one use, have another meaning in the next use. For example, there is no doubt that the meaning of the 1st person of the possessive or personal ending is manifested only in the 1st person, the 2nd person – only in the 2nd person.

It should be said that the concept of polysemy is associated with the semantic, lexical meaning of the word. Along with this, the basic initial meaning of a multivalued word, formed from the core value, is related to the remaining values. For example, in the phrase «ДОМБЫРАНЫҢ ШЕГІ» (“domyranyn shegi»), the word “shek” is multivalued, its initial pivotal meaning is one of the internal organs of the animal, the second meaning is one of the parts of the musical instrument. This secondary musical meaning does not completely exclude the initial meaning of the word, only there are a few tinged (polysemantic meaning), functional discrepancies. However, the common meaning for both of them, drawing them closer, is a basic concept that fulfills the basic function.

Several grammatical meanings of personal endings appear one by one in one use. Multiple values can only be within one sentence. Therefore, the 4th feature is multifunctional. In many-valued words, their one semantic meaning is in one use, and the second semantic meaning is in the following context.

The fifth feature is the division into types of values (group – classification) associated with the heterogeneity of the nominal parts of speech related to the person, verbal forms, to which the personal ending joins. The personal ending in the named words, the forms of words, in connection with the unequal nature of the final sounds and temporal suffixes, is divided into three forms: the full form, the short form and the form of the imperative mood.

1. Full form of personal ending

Singular	Plural
1	2
I. -мын/-мін,-бын/-бін,-пын/-пін (- <i>myн/-min,-byn/-bin,-pyn/-pin</i>)	I. -мыз/-міз,-быз/-біз,-пыз/-піз (- <i>myз/-miz,-byз/-biz,-pyз/-piz</i>)
II. -сың/сің (- <i>syn/-sin</i>) – сыз/-сіз (- <i>syз/-siz</i>)	II. -сыңдар/-сіңдер,-сыздар/-сіздер (- <i>syndar/-sinder,-syzdar/-sizder</i>)
III. -ды/-ді,-ты/ті; \emptyset (- <i>dy/-di,-ty/-ti; \emptyset</i>)	III. -ды/-ді,-ты/ті; \emptyset (- <i>dy/-di,-ty/-ti; \emptyset</i>)
Example: I. Мен отырмын, отырыпмын (<i>menotyrmyн, otyrupmyн</i>)	I. Біз отырмыз, отырыппыз (<i>Biz otyrmyз, otyruppyз</i>)

1

II. Сен отырсың, отырыпсың (Sen otysyn, otyrapsyn)

Сіз отырсыз, отырыпсыз (Siz otysyz, otyrapsyz)

III. Ол отыр **Ø**; отырып**ты** (Olotyr**Ø**; otyrapt**ty**)

2

II. Сендер отырсыңдар; отырыпсыздар (Sender otysyndar; otyrapsyndar)

Сіздер отырсыздар; отырыпсыздар (Sizder otysyzdar; otyrapsyzdar)

III. Олар отыр **Ø**; отырып**ты** (Olar otyr**Ø**; otyrapt**ty**)

The full form of personal endings is attached to the noun's name, which relates to a person, an adjective, a numerator, a participle, a gerund, verbs indicating a state, modal words. Here the form of the third person of the personal ending – -dy/-di, -ty/

-ti – is only in the gerunds, and the third person is the complete form of the personal ending of nouns, adjectives, numerals, participles, verbs denoting the state, modal Words is in the zero form.

2. Short form of personal ending

Singular

I. -м (-m)

II. -ң, (-ŋ)

– ңыз/-ііз (-nyz /-iz)

III. **Ø**

Plural

I. -к/-к (-k/-k)

II. -ңдар/-ңдер,-ңыздар/-ііздер (-**ndar** /-**nder**, -**nyzdar** /-**izder**)

III. **Ø**

A short form of personal endings is added only after the forms of the conditional inclination (–ca /

–ce) and the apparently past tense (–dy / -di, -ty / ti) of the verb. Here the third person has a zero form.

3. Personal ending with the meaning of the imperative mood

Singular

I. -айын/-ейін,-йын/-йін
(-aiyn /eiyn, -iyn/ -iyin)

II. **Ø**

– ыңыз/-іііз,-ңыз/-ііз(-**nyz**/**-iz**,**-nyz**/**-iz**)

III. -сын/-сін(-syn/-sin)

Plural

I. -айық/-ейік,-йық/-йік(-**aiyk**/**-eiyk**, **iyk**/**-eiyk**)

II. -ыңдар/-іңдер,-ңдар/-ңдер(-**nydar**/**-nyder**,
-nydar/**-nder**)

ыңыздар/-іііздер,-ңыздар/-ііздер(-**nyzdar**/**-izder**,
nyzdar/**-izder**)

III. -сын/-сін(-syn/-sin)

The form of the imperative mood of personal endings is added only to the basic and derived verbs: **мен барайын; сен бар; сіз барыңыз; ол барсын**, etc. (men baraiyn; sen bar; siz barynyz; ol barsyn)

Personal endings of the imperative mood complement the meaning of the imperative mood of the verbs; the second person in the singular is in the zero form.

6th feature: verbs in the conditional mood do not designate any specific time (the verbs of conditional mood take the II kind of personal ending). In this case,

this raises the second question: "What is the reason for the adoption of such verbs personal endings without the designation of time?". There is also an answer to this. To denote the verbs with the help of suffixes of participles, gerunds, obviously past tense, taking a personal ending, with the help of this unity designate an indicative mood. If so, the conjugation of the verbs also depends on the inclination. Verbs that are in a conditional mood (in the form -sa/-se) designate the assumption of any time, that is, there is at least a slight temporal value. Therefore, verbs in

the form -sa / -se are conjugated without attaching temporal suffixes, since in the inclination there is a tinge of the supposed future tense.

So, in order for words to conjugate, the category of time should be in the first place.

7th feature: the third kind of personal endings – personal endings of the imperative mood – join the verbs (to the root of the verbs) without temporary suffixes. It is also closely related to the above problems: they determine the inclination and in the future are directed to a state of exceeding or not exceeding the action. Therefore, the direct attachment of these endings to verbs that do not have a form of time can mean the inclination of this form of ending, the supposed future time. That is, the personal endings of verbs in the imperative mood contain the grammatical meaning of both the inclination and the time (presumably the future), in connection with which they directly join the verbs.

Nevertheless, the problems of direct attachment of personal endings of imperative mood to verbs

and the specifics of personal endings in other forms still require an in-depth study. The specifics of personal endings of an imperative mood can be caused by other reasons.

5. Conclusion

So, we came to the following conclusions:

The addition of personal endings to certain words is due to the fact that these words can denote the grammatical meaning of time and inclination. If words do not manifest the importance of neither time nor inclination, personal endings do not join them. Only if the group accepts the words of the indicators of the value of time and inclination, personal endings are added, or it is necessary that the personal endings have the named quality.

Personal endings are a multifunctional grammatical category that has a specific morphological system, joins words according to a certain grammatical rule, forms several grammatical meanings at one use.

References:

1. Akhanov K. Тіл білімінің негіздері (Fundamentals of Linguistics). – Almaty, Sanat. 1993.– 496 p.
2. Isaev S. M. Қазақ тіліндегі сөздердің грамматикалық сипаты (Grammatical features of words in the Kazakh language). – Almaty: “Рауан”, 1998.– 304 p.
3. Тomanov M. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы (Historical grammar of the Kazakh language). – Almaty: “Мектеп”. 1988.– 364 p.

Section 7. Pedagogy

*Altayeva Umit Azibarbaevna,
English teacher of the 1st category,
master of foreign languages (English and German)
The Pedagogical College named after Zh. Dosmukhamedov,
Uralsk, Republic of Kazakhstan
E-mail: u.altayeva@mail.ru*

THE FORMATION OF THE LINGUISTIC ASPECT AND LINGUASTUDY COMPETENCY OF THE FOREIGN LANGUAGE TEACHER (REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

Abstract: In this article the author considers and tries to analyze the existed approaches applied in modern Foreign language Methodology and suggests the formation of the Linguistic aspect and the Linguastudy Competency through the word-stock of the foreign language, linking the realms and the culture of the foreign language.

Keywords: approach, lexical units, aspect, formation of the linguistic aspect, Linguastudy competence, realms.

*Алтаева Умит Азирбаевна,
преподаватель английского языка 1 категории,
магистр иностранных языков (английский и немецкий языки)
Педагогический колледж им Ж. Досмухамедова,
г. Уральск, Республика Казахстан
E-mail: u.altayeva@mail.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АСПЕКТА ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация: В данной статье была предпринята попытка рассмотреть и проанализировать существующие подходы в современном преподавании иностранных языков, а также необходимость формирования лингвистического аспекта лингвострановедческой компетенции с точки зрения существующих лексических единиц изучаемого языка, связывая в единое целое культуру, существующие реалии страны изучаемого языка.

Ключевые слова: подход, лексические единицы, аспект, формирование лингвистического аспекта, лингвострановедческая компетенция, реалии.

На сегодняшний день в современной методике преподавания иностранных языков лингвострановедческий подход к преподаванию языка ставит своей обязательной целью параллельное изучение языка и культуры страны изучаемого языка, используя при этом одну из социальных функций языка – кумулятивную. Кумулятивная функция свойственна всем языковым единицам языка, однако наиболее ярко она проявляется на лексическом уровне – в словах, фразеологизмах, афоризмах [2].

Кумулятивная функция языка выступает в роли связующего звена между поколениями, неким языковым фондом и средством передачи, так как язык не только отражает современную культуру языка, но и фиксирует ее предшествующее состояние.

Согласно точке зрения некоторых лингвистов, в семантической структуре языка присутствует экстралингвистическое содержание, непосредственно отражающее национальную культуру [6]. Эта составляющая значение лексем восходящих к истории, географии, этнографии, фольклору, одним словом, к культуре страны изучаемого языка, называется национально-культурным компонентом, а номинативные единицы языка, содержащие такой компонент, классифицируются как лексический состав языка с национально-культурным семантическим компонентом.

Анализируя основные положения лингвострановедческой теории слова можно сделать вывод о том, что для достижения адекватного взаимопонимания между коммуникантами в различных ситуациях межкультурной коммуникации необходим словарный состав языка с национально-культурным семантическим компонентом. Однако, в учебных целях необходимо выделить лингвистический компонент лингвострановедческой компетенции, который соотносится с лексическими единицами, наиболее ярко отражающими культуру страны изучаемого языка, а также предложить классификацию таких единиц.

Отбор и классификация лексики страноведческого характера как правило тесно связаны с понятием реалии. Термин «реалия» используется в различных областях знаний: лингвистике, литературоведении, философии, истории, лингвострановедении и др. Несмотря на столь широкое применение данного понятия, в исследовательской литературе еще не дается четких критериев в его дефиниции. Согласно «Лингвистическому словарю» Реалии – от средневекового лат. *realis* – вещественный предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова [3]. Существует двоякое понимание данного понятия: 1) реалия-предмет; 2) реалия-слово – языковая единица.

Определенный интерес представляет вопрос о распознавании реалий в контексте, который важен с практической точки зрения. Умение распознать инореалии в условиях межкультурной коммуникации является неотъемлемой частью лингвострановедческой компетенции учащегося.

По мнению ряда лингвистов-исследователей, отличительной чертой реалий является тесная связь референта (обозначаемого реалией предмета) с тем или иным этносом и определенным историческим отрезком. Отсюда возникает присущий реалиям национальный и временной колорит. Существует много точек зрения ученых о существующем о национальном колорите. Показатель типа «наше» / «не наше» также помогает отличить реалию от других единиц. Такая точка зрения созвучна с разрабатываемой в современной этнолингвистике теории лакуарности [5].

Предлагаемый в рамках этой теории метод установления лакун используется как один из способов установления специфики определенной лингвокультурной общности. Этот метод интерпретируется следующим образом: воспринимая текст, реципиент использует набор правил, присущих только его языку и культуре. Предложенные ему правила другого языка и культуры, реализованные в некотором речевом или текстовом

произведении, как правило, расцениваются им как непонятные и/или ошибочные, и, часто, неприемлемыми для своей культуры и языка. Все получаемые данные, истолковываются реципиентом как непонятные, ошибочные, странные и зачастую являются неким специфическим сигналом присутствия в изучаемом тексте языковых феноменов и/или внеязыковых коррелятов, соотнесенных с понятийной структурой и психическим типом, являющимися неидентичными характеристикам реципиента [7].

Формирование умения распознать реалии в системе межкультурной коммуникации предполагает также привить умение отличать их от терминов, с которыми их сближает характер референтов, а также от диалектизмов, профессионализмов, жаргонизмов, сленга. Языковые единицы, относящиеся к данным лексическим группам языка, в отличие от реалий, принадлежащих к национальному литературному языку, входят в языковую периферию, считаются нелитературными и отличаются от реалий в стилистическом отношении.

Гораздо труднее установить отличие реалий от некоторых терминов. В научной литературе предлагается несколько критериев такого отличия: сфера применения, пути распространения, этимология, эмоционально-стилистическая окрашенность и др. Наиболее убедительными средствами отличия реалий и терминов следует считать национальный и временной колорит, присущий лишь реалиям, жанрово-стилистическую специфику текстов (художественные / научно-публицистические), их контекстуальные особенности.

Проблема изучения реалий весьма активно развивается исследователями в области теории и практики перевода в связи с поиском наиболее адекватных приемов и способов их передачи, характерных для одной лингвокультурной общности, средствами другого языка, с учетом максимального сохранения национального своеобразия как отдельного факта, так и всего текста подлинника в целом. В этой области знаний к реалиям относят слова, номинативные словосочетания и сокращения [1].

В данный момент в современной методике преподавания иностранного языка прослеживается более широкий подход, а именно: к реалиям относят слова, словосочетания, сокращения, предложения, называющие события политической, экономической, культурной жизни, общественные организации, учреждения, предметы домашнего быта и обихода, географические объекты, явления природы, произведения искусства, имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, художников, композиторов, актеров, известных спортсменов, персонажей художественных произведений, а также множество других всевозможных фактов, не поддающихся классификации [4].

По мнению многих ученых-лингвистов такой подход к реалиям видится наиболее целесообразным, так как в процессе формирования лингвистического аспекта лингвострановедческой компетенции студентов средних специальных учебных заведений важным представляется использование любой возможности для их подробного знакомства с иноязычной культурой.

Список литературы:

1. Вайсбурд М. Л. Реалии как элемент страноведения // Рус. яз. за рубежом. 1972. – № 3. – С. 98–100.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1990.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высш. шк., 1986. – 55 с.
4. Конецкая В. П. Введение в сопоставительную лексикологию германских языков. – М., 1993.
5. Муравьев В. П. Проблемы возникновения этнографических лакун. – Владимир, 1980.

6. Словарь лингвистических терминов / Сост. О. С. Ахманова. – М., 1996. – 234 с.
7. Сорокин Ю. А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения: Сб. науч. тр. – М.: Наука, 1977. – С. 120–136.
8. Texto Logia. Электронная версия «Словаря лингвистических терминов».

*Nureyeva Alesia Radievna,
assistant of the department of theory
and methodology preschool and primary
education of the Elabuga Institute of the Kazan Federal University
E-mail: nurieva-alesya@mail.ru*

*Ibragimova Alsu Zufarovna,
student of the Faculty of Philology and History
of the Elabuga Institute of the Kazan Federal University
E-mail: ialsushka@mail.ru*

*Gaffarova Alsu Almazovna,
student of the Faculty of Philology and History
of the Elabuga Institute of the Kazan Federal University,
E-mail: Gaffarovaalsu179@mail.ru*

WORK OF THE MODERN TEACHER WITH PARENTS OF STUDENTS

Abstract: The article examines the problems and conditions of the teacher's work with the parents of students. The modern teacher is very busy with matters, sometimes not related to the issues of education and upbringing. He is a secretary, he is a methodologist, he is a mother, he is a dad, he is a watchman, security guard, etc. Today the problem of the relationship between the school and the family has ripened. Parents self-eliminated teamwork. But, the teacher remains a teacher, educator. And he should be able to organize work with parents.

Keywords: mutual relations, family, parents, partners, cooperation, mutual understanding, teacher, joint activity, cooperation.

*Нуриева Алеся Радиевна,
ассистент кафедры теории и методики
дошкольного и начального образования Елабужского института
Казанского федерального университета
E-mail: nurieva-alesya@mail.ru*

*Ибрагимова Алсу Zufarovna,
студент факультета филологии и истории
Елабужского института Казанского федерального университета
E-mail: ialsushka@mail.ru*

*Гаффарова Алсу Алмазовна,
студент факультета филологии и истории
Елабужского института Казанского федерального университета
E-mail: Gaffarovaalsu179@mail.ru*

РАБОТА СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ С РОДИТЕЛЯМИ УЧАЩИХСЯ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, условия работы учителя с родителями учащихся. Современный учитель сильно загружен делами, иногда не относящимися к вопросам обучения

и воспитания. Он – секретарь, он – методист, он – мама, он – папа, он – сторож, охранник и т.п. Сегодня назрела проблема взаимоотношений школы и семьи. Родители самоотстранены совместной работы. Но, учитель остается учителем, воспитателем. И он должен уметь организовать работу с родителями.

Ключевые слова: взаимоотношения, семья, родители, партнеры, сотрудничество, взаимопонимание, педагог, совместная деятельность, сотрудничество.

Учитель школы должен быть в постоянном взаимодействии с родителями. С целью определения исходного уровня педагогической готовности учителей к работе с родителями, нами было проведена опытно-экспериментальная работа в сельских школах Елабужского района, г. Елабуги. На 1-м этапе работы был изучен исходный уровень готовности учителей к работе с родителями, а на 2-м этапе – участие родителей в жизнедеятельности школы.

Обращаясь к специалистам, преподавателям Елабужского института КФУ, опытным педагогам школ города, района мы получили квалифицированное мнение, основанное на богатом опыте и практических знаниях по целому ряду вопросов, связанных со специфическими особенностями подготовки учителей к совместной деятельности с родителями, с апробированием критериев, которые мы выдвигали и т.д. На втором этапе предусматривалось осуществление ряда организационных мероприятий, из которых наиболее важными является установление творческого сотрудничества со школами, организация сбора материалов. По существу этот этап явился экспериментальной проверкой основной гипотезы исследования о предполагаемой управляемости процессом подготовки учителя к работе с родителями. На третьем этапе проводилась регистрация и обработка собранных материалов. В связи с динамичностью развития учителя мы считаем, что возможна различная степень проявления готовности учителя к совместной деятельности с родителями, которая проявляется в различных ее уровнях.

Нами выделены 3 уровня учителя к совместной деятельности с родителями: 1-уровень полная готовность (высший); 2-уровень частичная

готовность (средний); 3-уровень недостаточная готовность (низкий).

Уровни готовности учителя к совместной деятельности с родителями до эксперимента: высокий уровень – 8%, средний уровень 72%. низкий уровень – 20%. Данные свидетельствуют о том, что в начале формирующего эксперимента подавляющее большинство учителей имели средний и низкий уровни готовности. Учителя знают общие задачи и содержание учителя к совместной деятельности с родителями. Но, видимо, плохо знакомы с особенностями учителя к совместной деятельности с родителями. Это объясняется с одной стороны, слабыми знаниями теории и методики воспитания, с другой неумением применять знания в конкретной практической деятельности. На подготовительном этапе экспериментальной работы больше внимания было уделено выработке объективных критериев оценки уровня готовности учителей к этой деятельности. Проблема критериев готовности учителей к любому виду деятельности с родителями относятся к числу наиболее сложных проблем, и является предметом острых споров в современной социологической и психолого-педагогической литературе.

Важно найти внешние, объективные показатели готовности учителя к совместной деятельности с родителями; показатели проявления этой готовности; убедиться в социальной направленности данного состояния; постараться измерить учителя к совместной деятельности с родителями. Критерии, с помощью которых можно было бы с наибольшей степенью вероятности определить уровни сформированности умений у учителей проводить работу с родителями, должны отражать количественные и качественные показатели этих действий. При разработке критериев мы

исходили как из общих задач школы, так и тех конкретных условий, в которых работают учебно-воспитательные учреждения республики Татарстан. В итоге, в качестве критериев готовности учителя к совместной деятельности с родителями являются:

1. Знание педагогики, психологии, философии; умение применять это знание к конкретным условиям деятельности школы: знание закономерностей совместной деятельности школы и семьи; понимание влияния на процесс воспитания; умение видеть проявление специфики совместной деятельности школы и семьи, не преуменьшая и не преувеличивая их, видеть и предупреждать, преодолевать в своей работе проявления трудностей; понимание диалектического единства общего и особенного, в основных компонентах воспитательной системы личности воспитанников и воспитателей, воспитательных средствах, умение анализировать влияние условий совместной деятельности школы и семьи на развитие и воспитание школьников, умение использовать результаты этого анализа в воспитательной практике, учитывая состав школы и окружение, ее социально-экономические условия.

На основе данных об изучении учителей по критерию готовности к совместной деятельности с родителями, нами выделены три уровня готовности учителей к совместной деятельности с родителями.

Высокий уровень готовности. Эти учителя очень глубоко понимают сущность проблемы и значение ее своеобразия и проявления в различных условиях. Хорошо понимают влияние на совместную деятельность. Умеют анализировать влияние социально-экономических и политических условий на воспитание школьников, учитывать все это в совместной деятельности школы и семьи.

Средний уровень готовности. Знания этой группы о научных дисциплинах особенного неглубоки, не систематизированы, недействительны.

Влияние на процесс воспитания слабое. В анализе влияния социально-экономических условий на практику воспитания смотрят поверхностно.

Низкий уровень готовности. Анализировать влияние социально-экономических условий на воспитание школьников, учитывать все это в совместной деятельности с родителями не умеют и не могут.

2. Знание духовных богатств народа, умение использовать их в практике: знание народных традиций, историю родного края, владение богатствами народной педагогики, знание различных видов фольклора; владение национальным содержанием современной культуры народа, знание его национальной литературы, других видов искусства; глубокие знания родного и русского языков как государственные языки; наличие умений использовать богатства родной культуры в воспитании школьников; умение использовать в совместной деятельности с родителями опыт, педагогическую практику.

Высокий уровень готовности. Имеют глубокие знания государственных языков, понимают их значение. Хорошо знают, и умело используют богатства народной культуры, прогрессивные народные традиции, передовой опыт в воспитании школьников, учитывают особенности семьи. Средний уровень готовности. Недостаточно, слабо подготовлены, менее знакомы опытом работы семьи и школы, могут использовать свои знания по этой проблеме лишь в отдельных случаях. Низкий уровень готовности. Плохо знают педагогику, особенности семьи в воспитании учащихся, возможностей совместной деятельности школы и семьи в воспитании детей.

Выделенные нами критерии готовности учителя к совместной деятельности с родителями школы тесно связаны между собой, будучи органическими компонентами готовности. В результате мы определили, проверили педагогические условия эффективной деятельности учителя с родителями; выявили зависимость между

целенаправленной поэтапной подготовки к этой работе. Была разработана программа деятельности школьного учителя с родителями учащихся. Мы обратили внимание на то, как организована эта деятельность в школах района и города, как учитываются специфические условия работы школы, семьи учащихся.

Для нас важно было знать, что должен знать, уметь учитель, чтобы совместно вести работу с родителями: учить родителей изучать личности ребенка, условий, быта; организовать работу с учащимися и с родителями исходя из особенностей семьи; строить здоровое взаимоотношение с родителями; умение использовать ФГОС, учебные программы в целях формирования у школьников научного мировоззрения; организация и проведение разнообразных форм воспитательных мероприятий, совместных с родителями. По программе были проведены семинары с классны-

ми руководителями, мастер – классы. Результат положительный.

Естественно, усиливая общие силы, можно добиться положительных результатов. Но есть очень серьезная проблема, учителя загружены общественной работой. Отчетов, проверок много. Времени для работы с детьми не остается. В основном упреки. Родители на собрания не ходят, дневники не проверяют. Ждут, когда учитель сам позвонит. Если не звонят из школы, значит проблемы нет.

Все это подсказывает, что надо вплотную заниматься с родителями. Не только школа должна требовать. И со стороны государства должны быть определены правила, требования, обязательства к этой проблеме. Важно добиться того, чтобы родители тоже поняли, что несут ответственность. Не только школа и учителя, а в первую очередь сами родители.

Список литературы:

1. Коджаспирова Г. М. Педагогика. – М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС, 2003. – 352 с.
2. Лупоядова Л. Ю., Мельникова Н. А., Якимович И. Г. Родительские собрания. 8–9 классы; Учитель – Москва, 2008. – 120 с.
3. Майорова Н. П. Жизненно-важные навыки. Практический курс для подростков и родителей. Интеллект-Центр – Москва, 2010. – 272 с.

Section 8. Political science

*Bashkim Rrahmani,
Ass. Prof. Dr.,
College AAB Prishtina
E-mail: bashkim.rrahmani@universitetiaab.com*

POLITICAL AND SOCIAL IMPACT OF CONSTITUTIONAL COURT DECISIONS IN KOSOVO

Abstract: Kosovo Constitutional Court was one of the most engaged institutions whose decisions had a very big political and social impact. Its decisions covered various fields of Kosovo life, whereas some of them became subject of very many discussions in political and academic life of Kosovo. Two times Kosovo Presidents were removed from their positions by the decisions of Kosovo Constitutional Court, while the definition of the parliamentary majority continues to be criticized as politically very influenced decision.

Author with this paper using the combined methodology with the methods of: political analysis, systemic analysis, historical analysis, legal analysis, comparison, etc., will describe the legal basis of court decision and the court work and will make an analysis of some of the most discussed decision which had a political and social impact in Kosovo. Conclusions and recommendations are expected to serve the further debate regarding courts and the nature of its decisions.

Keywords: court, constitutional, decision, nature, legal.

Introduction

Constitutional Court of Kosovo is an independent and constitutional institution that was created after Kosovo Independence. It was established in 2009 based on the Kosovo Constitution whereas this was not the first time that Kosovo had such an institution. Kosovo Constitution was adopted by the Kosovo Parliament in April 2008 and it entered into force in June 15, 2008. Based in the 1974 Constitution of former federation of Yugoslavia Kosovo similarly to the other former federal units had its constitutional court. During the International Civil Administration – UNMIK in Kosovo the Constitutional Court was not constituted. Based on the 2008 Kosovo Constitution, Constitutional Court is the final authority in the Re-

public of Kosovo to interpret constitution and compliance of laws with the constitution [4]. Legal basis of organization of the Constitutional court are Kosovo Constitution, The Law on the Constitutional Court, Regulation on the work of the Constitutional Court. According to the Kosovo Constitution the authorized parties to initiate and raise cases in the constitutional court are: President of the state, a determined number of MPs, Government, and the Kosovo Ombudsperson [4]. But in addition there are also other subjects which can initiate or raise the issues to the constitutional court where the following is worth to be mentioned: "individuals are authorized to raise issue of the violation of the individual rights and freedoms guaranteed by the constitution, and this is possible only when all

determined legal means were used” [4]. Kosovo has a centralized system of constitutional review because with this type of review there is only one institution and that is the constitutional court. Various types of procedures and various types of verdicts depending on them can be taken by the constitutional court. This paper is not going to cover all of these and it is not going to explain when these decisions have the so called *erga omnes* effect and when and in which cases these decisions are going to be of *inter partes* effects. In this paper there will not be explained what we consider abstract review and what is incidental review, or what is the procedure of preventive control or when the court reviews the international agreements. From all forms of control and from the very overloaded agenda of the constitutional court the aim of this paper is presentation of two cases raised in the constitutional court whose results were: two presidents were removed from their positions. How they were removed, who raised the case and what was the political impact.

Case 1

No.KO 47/10 – based on which, President Fatmir Sejdiu was removed from his position. Naim Rrustemi et.al. initiated the procedure (type of referral – KO, referral from state organization) which ended up with the court judgment-violation of constitutional rights as per article 88, incompatibility. Applicants, 32 deputies of the Assembly of Republic of Kosovo, submitted a referral to the Constitutional Court alleging that the President committed and continues to commit a serious violation of Article 88,2 of the Constitution, by holding the Office of the President of the Republic and, according to them, the Office of Chairman/President of Democratic League of Kosovo [2]. After the submission of the referral, three deputies/signatories had withdrawn their signatures, and this was used as one of the arguments by president’s representatives in order to convince court to consider referral inadmissible. According to them the very important condition to be fulfilled for initiating cases to the court for this type of procedure was not fulfilled--the needed signatures of

deputies cannot be less than 30. Thus, if three deputies withdrew their signatures then there is no case, they claim. In addition to this, the opposing party in its reply also stated that deputies did not submit their request within the deadline required under the Constitution and ultimately, that President did not “exercise” his function in the stated political party but that he had “frozen” that function [2]. But, according to Kosovo Constitution “After election, the President cannot exercise any political party functions” [4]. This clearly and precisely obliges President not to exercise any political party functions. The fact that president had “frozen” his position in the political party (LDK) is not a legal term by which president was allowed to freeze his political position within his political party. “Frozen” may be analyzed and discussed politically and maybe academically, but when it is raised in the court, judges have their means of interpretation, and indeed they are obliged to interpret legal terms and norms. The following is further explanation of the court with its judgment.

The Constitutional Court decided to declare the referral admissible with the reasoning that the matter is “referred [to the Court] in a legal manner by the authorized party” and the moment of referring the matter is the moment when it is decided if applicant is an authorized party. Furthermore, the Court recalled that even after a party withdraws, the Court could choose to decide on the referral, Regarding the deadline of 30 days from the violation as foreseen under the Constitution, the Court considered that the alleged violation of the President presents a continuing situation since the President continues to hold those two offices even at the time when referral is submitted. Court decided that there was a violation of Article 88,2 of the Constitution in holding of the two above mentioned functions, with reasoning that it is not possible to “freeze” a party function.

Furthermore, the Court decided that since the above mentioned President and party “benefit from their association with one another”, means that this party function was “exercised” [2].

After the judgment was taken, the judgment produced political consequences. President's political party (LDK) who was in the coalition with PDK decided to leave the coalition and this imposed the new elections. Instead of opening debate within political party about "frozen" position, this political party disrupted coalition, by which it presented anger and on the other side and in other form verified the fact that president was actually holding the position of the leader of the party.

Case 2.

No.KO 29/11, by which President Behgjet Pacolli was removed from his position. Mr. Behgjet Pacolli was elected by the Kosovo Parliament by the majority, and that majority raised a lots of political debates and objections which raised the case to the Constitutional Court. But were these debates justified or were they only of political nature? The Constitution gives the following "the President of the Republic of Kosovo shall be elected by a two thirds ($\frac{2}{3}$) majority of all deputies of the Assembly" [4]. The constitution here is very clear, it says two thirds of all deputies, and it goes further with

If a two thirds ($\frac{2}{3}$) majority is not reached by any candidate in the first two ballots, a third ballot takes place between the two candidates who received the highest number of votes in the second ballot, and the candidate who receives the majority of all deputies of the Assembly shall be elected as President of the Republic of Kosovo [4].

On May 01, 2011 34 MPs of Kosovo Parliament raised the case against Parliament decision of February 22, 2011 on electing the Kosovo President. What was the procedure based on which Parliament decided to elect President Mr. Pacolli?

In the session there was only one candidate whereas during the voting the opposition did not take part and as the consequence there were present 67 MPs. Thus 54 out of 67 voted for Mr. Pacolli as the only candidate. Based on this the second round of voting was organized and 58 out of 67 present voted for the only candidate (Mr. Pacolli). The Speaker of the Par-

liament announced organizing of the third round of voting but on the request of the Kosovo Democratic Party a pause was requested and after the pause the third round of votes was organized where 62 MPs voted PRO Mr. Pacolli as the only candidate and after this round he was declared as the elected President of Kosovo elected by Parliament. Constitutional court judgment [3] has been taken based on the analysis of the above mentioned constitutional articles and other, as it is seen form the judgment.

Legal evaluation of the request and the court decision

Constitutional Court explained that Kosovo Constitution requires two candidates, referring the article 86.5 of the Constitution which goes with "If none of the candidates..." and this means that there could not be voting if there were no more than one candidates. Further court, evaluated that 67 MPs present in the session doesn't fulfill obligation of $\frac{2}{3}$ of votes therefore two rounds organized contain violation of the article 86 and thus election of the President was against the Constitution. The Constitutional Court had to answer the issue of the needed quorum in order to have the Parliament proceed with the election. Court based on the article 86 found that there was a violation of the article 86. This because 67 deputies present in the extraordinary meeting did not fulfill the two third of all deputies [Parliament is consisted of 120 deputies], therefore development of two rounds of ballots contain the violation [1, 355]. If there was no quorum of requested $\frac{2}{3}$ then the result of ballots cannot be valuable. Court took the judgment by which decided to repeal the parliament decision of the election of Mr. Pacolli as the president and the judgment had a retroactive effect. Two international judges had the opposite opinion on the court decision, but their opinions had no impact in the final judgment [1, 352–356].

President Pacolli whose election was repealed imposed political undertakings. Country entered into the so called Presidential crises. Three leaders of political parties after this met and achieved an agreement on

election a contemporary consensual president. Actually this agreement appeared in the public when there were three leaders and the USA Ambassador. The new candidate was made public and this is the case known as the “envelope president”. She was a police officer, not active politically. This case was also afterwards among the others, the issue that raised legal and political debates. But as a summary Ms. Jahjaga (mentioned and the short term president) she ended the mandate as it is foreseen with the constitution, 5 years mandate. Debate was simply empty debate without any important impact. Clarifications were as follows “the envelope president” was a result of a political agreement between leaders of three political parties. These leaders reached an agreement to elect a president in order to overcome the political crisis. In their minds (when they agreed for this) they had an election of a president who would be serving for a determined period of time. But they did not realize that the president is not a subject of political agreements. President is a constitutional category elected by the parliament vote and that parliament vote cannot elect short term or temporary presidents. If/when a president is elected he/she will serve the full mandate which according to the constitution is 5 years mandate. Thus Ms. Jahjaga (the envelope president) was elected with the vote of the parliament whereas the agreement between political leaders for her had no legal obligations. It was a political act that actually was politically debated, but indeed Ms. Jahjaga finished her 5 years mandate very successfully.

Conclusions and recommendations

Constitutional Court of Kosovo has shown to be an important institution. Its importance has shown to be playing an important role in especially the phase

of state building process of Kosovo. Its role has had strong political impact and some of the decisions determined unforeseen political actions. Based on the first case, when President Sejdiu, after the Constitutional Court Judgment, left the position of the President, country went with the new parliamentary elections. Elections were more as a consequence of rancor and the existing political culture and less as the consequence of disagreement with the judgment from the Constitutional Court. Small differences can be found also for the second case when President Pacolli was forced to leave the office. The second case produced a political agreement between political leaders who agreed to propose a new president that is known as the case of the “envelope president”, as described above. There were also other constitutional court decision which produced political debates, polarization, up to the loss of the confidence in the constitutional court and its decisions/judgments. For example the last court decision on the government raise of the salaries, is being still discussed in various political and non political forums. This important institution has not still achieved to be built on the sound independent foundations. The procedure of electing judges has not a strong public trust, no matter of the transparent election process of judges. They go under a complicated election process but public is not convinced as needed on their independent integrity. Exactly while this paper is being submitted the court is not in a situation to take any decision, since some judge’s mandates have expired whereas the process of electing new ones is still difficult to be foreseen. Nonetheless the existence of court is crucial and investments on its independency should further continue.

References:

1. Bajrami Arsim. Sistemi Kushtetues i Republikës së Kosovës, Artini, Prishtinë 2011.
2. Judgement, Case No.KO 47/10, Prishtina 2010.
3. Judgment, Case No.KO 29/11, 2011.
4. Kosovo Constitution, 2018 available at: URL: <http://www.kryeministri-ks.net/repository/docs/Constitution1Kosovo.pdf>

*Telyatnik Tatiana Evgenievna,
PhD., in Political Science,
Kuban State University, lecturer,
Political Science and Political
Management Subdepartment
E-mail: neptuneus@yandex.ru*

FORMATION OF MODERNIST PARADIGMS AND POLITICAL MODERNIZATION IN RUSSIA

Abstract: The article deals with the periods of formation of modernist paradigms. Provides several definitions of modernization, characteristics and conditions of political modernization. Examines some aspects of political modernization in Russia in the context of the past and present.

Keywords: modernization, political modernization, paradigm, model, types of society, modernity.

*Телятник Татьяна Евгеньевна,
кандидат политических наук,
Кубанский государственный университет,
доцент кафедры политологии и политического управления
E-mail: neptuneus@yandex.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ МОДЕРНИСТСКИХ ПАРАДИГМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ

Аннотация: В статье рассматриваются периоды становления модернистских парадигм. Приводится несколько определений модернизации, признаки и условия политической модернизации. Анализируются некоторые аспекты политической модернизации в России в контексте прошлого и современности.

Ключевые слова: модернизация, политическая модернизация, парадигма, модель, типы общества, современность.

Идеи теории модернизации, относительно четко оформившиеся к 50-м-60-м годам XX века, берут начало от развития европейской цивилизации в направлении от традиционного общества к современному. Такая тенденция объяснялась проявлениями рационализации в поведении и образе жизни каждого гражданина.

Создатели теории политической модернизации, опираясь на теоретическое наследие Ф. Тенниса и Э. Дюркгейма, объяснили эволюцию обществ на основе разделения труда, секуляризации,

построения гражданского общества, капитализма и других универсальных идей западной цивилизации [1]. Но эта тенденция прослеживалась на протяжении первой половины XXв. В некоторой степени, такому явлению способствовала колониальная система, движущей силой которой была идея уникальности западных ценностей и господство их в общественно-политической сфере. Но уже в 70-х гг XX в. застойные явления в большинстве стран и срывы модернизации натолкнули исследователей на необходимость пересмотра

универсальных моделей модернизации и применение сравнительного анализа к изучению процессов развития в странах Запада и Востока.

Сама модернизация представлялась как некий процесс поступательного развития, как качественный переход от одного типа общества к другому, на порядок более организованному и сложному [2].

Ускорение социальной и пространственной мобильности, качественное повышение уровня жизни, рационализация общественных отношений, способствующая формированию «современного открытого общества» в противоположность «традиционному закрытому», а также вся совокупность процессов урбанизации, индустриализации, секуляризации, ускоренного развития образования и науки и многих других процессов, представляют основные общественно-политические признаки такого явления как модернизация.

Чаще всего теории модернизации описываются с помощью совокупности различных схем и моделей анализа, которые позволяют отслеживать и раскрывать динамику преодоления отсталости традиционных государств.

Можно выделить несколько основных характеристик критериев и индексов классификации «традиционализма» и «современности», которые в чем-то и различаются у отдельных исследователей, но в основном сводятся к общим показателям. Предполагается, что модернизацию как многогранный процесс трансформации социума характеризуют по нескольким параметрам: от человека как части природы, не творца, к человеку-изобретателю; от простой социальной структуры к усложненной; от внеэкономического характера общественной интеграции к экономическому; от высокой степени социальной однородности к высокой степени неоднородности; от этатизма к рыночной экономике; от унифицированных форм сознания к плюрализму; от феноменальной устойчивости к постоянной изменчивости; от тоталитаризма и авторитаризма к демократии.

Большинство исследователей объясняли модернизационные процессы с позиции технологического детерминизма [3]. Научно-технический прогресс и как следствие – «осовременивание» общества путем перехода от традиционных ценностей и общественных структур к современным, рациональным ценностям и структурам – вот то, что, по мнению группы ученых, объясняет прогресс в экономике и технологиях, повышение жизненного уровня и эффективное решение социальных проблем. Кроме того, в исследованиях также встречаются выводы, указывающие на прямую связь модернизации с вестернизацией. Так, А. А. Нагальян пишет, что с точки зрения линейной модели соотношения современного и традиционного, вестернизация является закономерным следствием догоняющей модернизации типологически незападных обществ [5].

Важно отметить, что существующая специфика взглядов исследователей на содержание политической модернизации как части общего процесса «осовременивания» остается наиболее распространенной в научной среде. На первом этапе развития теорий политической модернизации выделяют следующее:

- 1) демократизация развивающихся стран по западному образцу (образование или усиление национальных государств, создание представительных органов власти, разделение властей, введение института выборов);
- 2) изменение системы ценностей (развитие индивидуальных ценностей) и способов легитимации власти (традиционные способы должны вытесняться современными).

Политическую модернизацию можно определить как формирование, развитие и распространение современных политических институтов, практик, а также современной политической структуры. При этом под современными политическими институтами и практиками следует понимать не слепок с политических институтов стран развитой демократии, а те политические институты и практики,

которые в наибольшей степени способны обеспечивать адекватное реагирование и приспособление политической системы к изменяющимся условиям, к вызовам современности. Эти институты и практики могут соответствовать моделям современных демократических институтов или отличаться в различной степени: от отвержения «чужих» образцов до принятия формы при ее наполнении изначально несвойственным ей содержанием. При этом объективно необходимо, с одной стороны, сохранять политическую стабильность как важнейшее условие общественного развития в целом, а с другой – расширять возможности и формы политического участия, массовую базу реформ [4].

В конце 60-х – начале 70-х гг XX в. переосмысление теории модернизации шло двумя путями: 1) критики самой идеи модернизации; 2) преодоления внутренней ограниченности собственно модернизаторских концепций. Очевидно, что процессы модернизации незападных обществ на протяжении всего XX века проходили через преодоление противоречий, кризисных состояний и возвратных процессов. Это, в свою очередь, породило разнообразие реальных форм хозяйственного развития в соотношении с социокультурными типами. Такие процессы привели к переосмыслению ранних незрелых теорий модернизации, основанных на представлении об универсальности пути развития разных обществ.

Главным показателем развития политической системы является стабильность и устойчивость перед внешними и внутренними колебаниями, поэтому для модернизируемых государств необходим «крепкий» политический режим с легитимной правящей партией, способной сдерживать тенденцию к разбалансированию власти.

О политической модернизации в России, как отмечают исследователи, можно говорить с пе-

тровских времен. Это пример наиболее ярких масштабных преобразований не только в области политической жизни России, но и в деятельности каждого гражданина.

Модернизацию в России относят к модернизации в обществах «позднего старта». В таких типах общества отмечалась неоформленная независимость агентов модернизации от институтов политической власти. Также характерной чертой таких обществ было то, что именно государство брало на себя основную ответственность за приспособление хозяйственной и политических систем к инновационным тенденциям, возможно заимствованным у стран-пионеров в области модернизации. Но, все же, как пишут исследователи, общества «позднего старта» продемонстрировали в целом успешное осуществление модернизационного проекта, что решительно отличило их от современных переходных обществ, в которых весьма сложно обстоит вопросы по поводу социально-политических проблем ввиду мирового экономического кризиса [5].

Политическую модернизацию в России причисляют также к поздней индустриализации, где особенности социально-исторического опыта и нациестроительства не способствовали скорому развитию демократических начал в политической культуре, а так называемое оборонное сознание не позволяло сформироваться личности как базовому субъекту политического процесса. Говорится и о том, что модернизация в России имела закрытый характер.

Исследование проблемы модернизации России, выработка основных представлений об этом процессе, несомненно, может способствовать формированию более широкого взгляда на политическое развитие современной России [1, 7].

References:

1. Матвеев Ю. И. Политическая модернизация как фактор консолидации современного российского общества: дисс. д-ра полит. наук. – Москва. 2002. – 367 с.

2. Семенов А. В. Политическая модернизация: теоретические модели и опыт России: автореф. дисс. канд.полит. наук. – Москва, 2005. – 182 с.
3. Гаджалыев Эльнур Бейбала Оглу Политическое развитие и политическая модернизация // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-razvitie-i-politicheskaya-modernizatsiya> (дата обращения: 24.07.2018).
4. Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России. Материалы научного семинара. Выпуск № 5 (14). М.: Научный эксперт, 2008. – 224 с.
5. Награльян А. А. К вопросу о модернизации и вестернизации: взаимосвязи и соотношение/ URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-o-modernizatsii-i-vesternizatsii-vzaimosvyazi-i-sootnoshenie>

Section 9. Psychology

*Aryayev Leonid Nikolajewitsch,
Stationsarzt in der Thüringen Klinik für Psychiatrie,
Psychotherapie und psychosomatische Medizin
in Saalfeld Deutschland
E-mail: l.aryayev@rambler.ru*

ROGNEDA POLOTSKAYA: HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL SOURCES OF THE LEGENDS

Abstrakt: Die Legende aus Nestorchronik über Rogneda von Polozk wird in Rahmen von psychoanalytischer Hermeneutik interpretiert. Es wird gezeigt, dass Legende aus unterschiedliche Quellen stammt und zu ihrer Grundlage „ödipale Geschichte“ und „Urszene“ liegen. Diese Archetypen wurden durch den Kampf zwischen den Nachfolgen von Jaroslaw der Weise und Vseslav von Polozk ausgelöst.

Schlüsselworte: Rogneda von Polozk, Wladimir der Grosse, Isjaslaw von Polozk, Jaroslaw der Weise, Ödipuskomplex, Urszene.

*Аряев Леонид Николаевич,
Врач-психиатр, старший ординатор,
Тюрингской клиники психиатрии,
психотерапии и психосоматической медицины
в г. Заальфельд, Германия, магистр психиатрии
Одесского Государственного Медицинского Университета
E-mail: l.aryayev@rambler.ru*

РОГНЕДА ПОЛОЦКАЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЛЕГЕНДЫ

Аннотация: Летописная легенда о Рогнеде Полоцкой рассматривается в свете психоаналитической герменевтики. Показано, что, будучи скомпонована из разнородных летописных и эпических сюжетов, легенда в своей основе содержит «эдипову историю» и «первосцену». Актуализации этих архетипов способствовали события, связанные с междоусобной борьбой потомков Ярослава Мудрого и Всеслава Полоцкого.

Ключевые слова: Рогнеда Полоцкая, Владимир Святой, Изяслав Владимирович, Ярослав Мудрый, Полоцк, Эдипов комплекс, первосцена, архетип.

1. Рогнеда, Горислава, Анастасия

Легенда о полоцкой княжне Рогнеде, насильно взятой в жены Владимиром Святым и попытавшийся отомстить ему за гибель своих родных и за пренебрежение к ней, является одним из самых драматичных рассказов русского летописания. Неспроста это предание издавна привлекало внимание не только историков и филологов, но и писателей, художников и режиссеров. Повествование о Рогнеде никого не оставляет равнодушным. Эмоциональная вовлеченность каждого, кто впервые знакомится с этой историей, обусловлена не только ее литературными достоинствами (которые несомненны) и не только историко-событийным контекстом (который, безусловно, интересен и драматичен), но и ее неявными психологическими аллюзиями и намеками, отсылающими

читателя к самым глубинным слоям душевной жизни. Данная работа представляет собой опыт рассмотрения психологических (в тесной связи с историческими) истоков легенды о Рогнеде.

История Рогнеды широко представлена в летописании. Первый из рассказов о ней, помещенный в «Повести временных лет» (ПВЛ) и повествующий о временах Владимира Святого, содержит известия о «женитьбе» Владимира на Рогнеде, о ее дальнейшей судьбе (жизнь в будущем Предславино на берегу Лыбеди), о рожденных ею от Владимира детях и, наконец, о ее смерти в 1000 году. Второй рассказ, помещенный в Лаврентьевской, Радзивилловской и некоторых других летописях под 1128 годом, повторяет (с некоторыми добавлениями) известие о Полоцкой свадьбе, а затем сообщает о попытке Рогнеды отомстить.

Рисунок 1 Полоцкое сватовство. Справа: Рогволд спрашивает Рогнеду о ее выборе. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Ключевым является эпизод, который можно условно назвать «полоцкой свадьбой», вплетенный в рассказ о противостоянии двух братьев –

Ярополка Киевского и Владимира Новгородского. Согласно Лаврентьевской летописи [1, 75–76] в 980 году Владимир, бежавший за два года перед

тем «за море», вернулся в Новгород в сопровождении варяжского отряда, выгнал посадников Ярополка и передал через них брату объявление войны. Сев в Новгороде, Владимир отправил посолов к Рогволоду Полоцкому, прося его дочь Рогнеду себе в жены. Рогволд предложил дочери выбор, и та ответила, что не хочет разувать «робичича», а хочет за Ярополка. Рогволд, поясняет летописец, пришел из-за моря и держал власть

в Полоцке, а Тур держал власть в Турове, от него прозвались туровцы. Услышав от посолов такой ответ, Владимир собрал войско из варягов, словен, чуди и кривичей и пошел на Полоцк, где уже завершались приготовления к отъезду Рогнеды в Киев к Ярополку. Владимир захватил Полоцк, убил Рогволда и его двух сыновей, а Рогнеду взял себе в жены, после чего отправился дальше на юг, на войну с Ярополком.

Рисунок 2. Взятие Полоцка. Миниатюра из Лицевого Свода

Под тем же 980 годом, сразу за повествованием о предательском убийстве Ярополка, рассказывается о женолюбии Владимира, о том, что Рогнеду он поселил на реке Лыбеди, где «ныне» стоит Предславино и что Рогнеда родила ему двух дочерей и 4 сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода. [1, 79–80]. Наконец, под 1000 годом, вслед за сообщением о смерти загадочной Малфреды, говорится, что преставилась Рогнеда, мать Ярослава [1, 129].

Все эти эпизоды, которые можно было бы обозначать как «полоцкая свадьба», «дети Рогнеды», «смерть Рогнеды», помимо Лаврен-

тьевской, представлены и во множестве других летописей. Различия заключаются в мелочах, которые, однако же, не лишены интереса. Так, представленный в Ипатьевской летописи [2, 63] ответ Рогнеды («не хочу разувать Владимира» вместо «не хочу разувать робичича») представляет собой попытку смягчить оскорбительность отказа. Такое же смягчение видим в Густынской летописи [3, 38]. Русский хронограф 1512 года сообщает о реакции Рогнеды совсем кратко – «она же не захотела» [4, 364]. В некоторых летописях опущены отдельные подробности и даже целые эпизоды: во 2-й Псковской

летописи [5, 2] не упомянуто заморское происхождение Рогволда, нет сведений о Туре; Рогожский летописец [6, 16] ограничивается упоминанием о смерти Рогнеды; в Никаноровском летописце [7, 22] в описании «полоцкой свадьбы» выпущены сватовское посольство и ответ Рогнеды; в «Синописе» [8] полоцкий эпизод приведен очень кратко, при этом Рогнеда именуется иногда Рахмидой. Вообще ее имя варьирует у позднейших переписчиков, так что можно наткнуться в Густынской летописи [9, 47] на Ярогнеду, в Дубровском списке – на Гогниду [10, 31], в «Степенной книге» – на Разгнеду [11, 69]. Иногда разнится число убитых сыновей Рогволда: «Русский хронограф» [4, 364] знает только 1 убитого сына Рогволда, как и Уваровский список [12; 13], а во Владимирском летописце [13, 23] и во Львовской летописи [14, 64] дано имя этого сына – Давид. Незначительно варьируют имена и количество сыновей Рогнеды: в 4 Новгородской летописи [15, 56] их трое, но при поименном перечислении дается вся четверка; в Уваровском списке верно указано число сыновей Рогнеды (четыре), при перечислении «забыт» князь Ярослав [12, 115]. Мазуринский летописец «уточняет» количество приведенных с собой Владимиром варягов, называя явно неправдоподобное 70000. В том же Мазуринском летописце происходит любопытное «раздвоение» Рогнеды, и наряду с Рогнедой Полоцкой на сцену выходит Рогнеда Псковская. У полоцкой и псковской княжон совпадают не только имена, но и жизненные пути (обоих Владимир насильно берет в жены). Детей Владимиру, однако, рождает только «псковская» Рогнеда [16, 41–42, 46, 49].

Несмотря на разночтения, можно не сомневаться, что все эти известия восходят к соответствующим местам ПВЛ. Описанные события довольно драматичны, но это еще не легенда. Само предание дано в другом корпусе известий, гораздо скромнее представленном в русском летописании.

Эта самая легенда о неудавшейся мести Рогнеды помещена в летописях не во времена Владимира княжения, как можно было бы ожидать, а гораздо позже, в правление его праправнука Мстислава Владимировича Великого. В Лаврентьевской летописи [17, 299–301] в статье о 1128 годе, вслед за сообщениями о смерти полоцкого князя Бориса, о большом наводнении, о неправильном переименовании церкви и о заложении Мстиславом каменной церкви св. Федора неожиданно вставляется рассказ «о сих же Всеславичах», призванный, как это ясно из его концовки, объяснить вражду между двумя ветвями Рюриковой династии. Первая часть легенды повторяет знакомый по ПВЛ эпизод полоцкой свадьбы, но с некоторыми дополнительными подробностями. Большое влияние приписано дяде Владимира Добрыне. Именно Добрыня отправляет сватов, это Добрыня приходит в негодование от ответа Рогнеды (называя Владимира «робичичем», княжна оскорбляла его мать, сестру Добрыни). При нападении на Полоцк сперва происходит бой под стенами города, проигравший Рогволд пытается укрыться в городе, который, однако же, берется приступом. Взяв в плен Рогволда, его жену, сына и дочь, Добрыня нарекает Рогнеду рабою, велит Владимиру изнасиловать ее на глазах родителей, после чего убивает Рогволда. Владимир берет Рогнеду в жены и переименовывает в Гориславу. От нее у него рождается сын Изяслав.

Вторая часть рассказа посвящена попытке Рогнеды отомстить, причем причиной для мести указаны не убийство родных и публичное надругательство, а увлечение Владимира другими женами. Однажды, когда во время посещения Рогнеды Владимир уснул, она попыталась зарезать его ножом. Князь внезапно проснулся и схватил ее за руку. Рогнеда стала жаловаться, что он убил ее отца и полонил ради нее его землю, а теперь не любит ни ее, ни ее младенца. Владимир велел Рогнеде одеться во всю «царскую» одежду, которая

была ней в день свадьбы, сесть на постели в светлой «храмине» и ждать, когда он придет и убьет ее. Рогнеда дала сыну Изяславу в руку обнаженный меч и велела, когда войдет отец, выйти и сказать: «отче, еда един мшися ходя?» Увидев сына и услышав его слова, Владимир ответил: «а кто те мнел сде» и бросил меч. Затем он созвал бояр

и рассказал о случившемся. Бояре посоветовали ради ребенка не убивать Рогнеду, а восстановить ее отчину и отдать ей вместе с сыном. Владимир построил город Изяславдь (совр. Заславль) который отдал супруге и Изяславу. «Оттоле, – заключает легенда, – меч взымают Рогволдовы внуки против Ярославовых внуков».

Рисунок 3. Мечь Рогнеды. Миниатюра Радзивилловской летописи

В тексте легенды указано второе имя Рогнеды – Горислава, данное ей Владимиром после насильственной женитьбы. Весь рассказ о неудавшейся мести Рогнеды, помещенный под 1128 годом Лаврентьевской летописи, можно условно обозначить как «рассказ о Гориславе», поскольку в корпусе известий ПВЛ Рогнеда этим именем ни разу не названа.

История Гориславы не представлена в других древнейших летописях – ни в Ипатьевской ни в 1-й новгородской. Если следовать схеме Приселкова, то запись легенды нужно связать с деятельностью епископского летописца Переславля Русского (Южного), чьи известия о событиях в Южной Руси были широко использованы при составлении Владимирского свода 1177 года, во-

шедшего потом в Лаврентьевскую летопись [18, 112–113]. Насонов так же полагал, что южнорусские известия попали в Лаврентьевскую летопись через летописец Переславля-Русского [19, 97]. Еще ранее к схожему выводу пришел Шахматов [20, 25].

Помимо Лаврентьевской летописи, легенда о Рогнеде присутствует в близкой в лаврентьевской Радзивилловской летописи [20, 38–39, 57, 107], прославленной своими миниатюрами. А поскольку история о мести Рогнеды была помещена и в иллюстрированный Лицевой свод Ивана Грозного, то легенда о полоцкой княжне стала одним из самых богатых на иллюстрации эпизодов русских летописей. Практически неизменно по сравнению с Лаврентьевской читается история

о Гориславе в летописи Типографской [22, 74–75]. В Никоновской летописи повествователь счел нужным дополнить слова Изяслава (так, как он их понял): Изяслав не хочет видеть смерти матери и просит отца, прежде чем убивать мать, вонзить меч в него самого. Владимир в Никоновской летописи выглядит сентиментальнее, нежели в других редакциях, ласково обращается к сыну, льет слезы [23, 155–156]. В Воскресенской летописи

рассказ о Гориславе дополнен известиями, что Рогволд пришел в Полоцк во времена Святослава Игоревича, что в ходе расправы в Полоцке убили не только отца, но и мать Рогнеды [24, 28]. В трех летописях – Ермолинской [25, 13], Львовской [14, 65] и Холмогорской [26, 24] – рассказ сжат до простого упоминания, что Рогнеда хотела зарезать Владимира ножом и вставлен в известие о детях Владимира от Рогнеды.

Рисунок 4. Владимир велит Рогнеде готовиться к казни. Рогнеда вручает меч Изяславу. Миниатюра из Лицевого свода

Наконец, в двух летописных рассказах Рогнеда является уже с третьим именем – Анастасия, которое она получает после пострижения в монастырь. В Тверской летописи рассказ о Рогнеде-Анастасии дан как продолжение истории о принятии Владимиром христианства. Владимир объявляет Рогнеде, что после крещения ему

подобает иметь одну жену, и такую он уже нашел среди христианок (Анну). Рогнеде предлагается замужество с любым из выбранных ею вельмож. Рогнеда упрекает Владимира, что он один хочет себе блага и в настоящей жизни и в будущей; заявляет, что, быв царицей, не хочет становится рабой земному царю или князю, но хочет стать невестой

Христа и воспринять ангельский образ. Тут появляется сын Рогнеды, но не Изяслав, а Ярослав (будущий Ярослав Мудрый). Услышав слова матери, он плачет от благочестивого восторга, называет мать царицею цариц и госпожой господам, поскольку она не променяла славу будущего века на славу нынешнего, не ступила с высоты вниз, «тем же блаженна еси в женах». В награду за благочестивые слова Ярослав исцеляется от врожденной болезни и начинает ходить, «а прежде бо бе не ходил». Рогнеда постригается в мнишеский образ и получает имя Анастасия [27, 112–113]. Немного другими словами, но в том же смысле рассказ об Анастасии дан в Густынской летописи [9, 45]. В благочестивом восторге авторы истории об Анастасии как будто забывают, что исцеление Ярослава оказалось не полным: ниже, говоря о борьбе со Святополком Окаянным, они сами воспроизводят восходящее к ПВЛ известие о его хромоте. Примечательно, однако же, полная смена духа легенды о Рогнеде. Бурные страсти варяжского периода русской истории сменяет показное благочестие московской эпохи. Вместо взрывной скандинавки перед нами внешне покорная, но сильная духом боярыня, предпочитающая ножу монашеский клобук. Неудивительно, конечно, что Владимиру, как сказано в Густынской летописи, такая смена «люба бысть». Уход жены в монастырь был в Московской Руси одним из способов развода, к которому прибегали и Василий III, и Петр Великий. Тем не менее, в экзальтированно религиозной Анастасии интуитивно угадывается все та же неукротимая полоцкая княжна.

2. В поисках сюжетных соответствий.

г. Погодин: Характер Рогнеды чисто норманнский.

г. Костомаров: и в Литве, и везде найду я такие же твердые характеры... (Публичный диспут 19 марта 1860 г. о начале Руси).

Явная легендарность (и даже своего рода «литературность») рассказа о Гориславе давно побудила исследователей к поискам параллелей

и соответствий этой легенде как в русском, так и в иностранном эпосе.

Про женитьбу князя Владимира (при активном участии Добрыни) повествуется в первой части былины о Дунае Ивановиче. Вместе с Добрыней Никитичем Дунай отправляется к литовскому королю, чтобы попросить у него дочь Евпраксию в жены князю Владимиру. Король (а иногда и сама Евпраксия) отвергают предложение, ссылаясь на недостаточную знатность жениха (его именуют «ярыжником», «конюхом последним», вором, плутом, разбойником, мошенником, «ночным полунощником» [28, 146]). Тогда Дунай с Добрыней вступают в бой, одолевают литовцев (вар.: татар) и насильно увозят невесту в Киев. Базанов [29, 92] не сомневался в генетической связи летописного предания о Рогнеде с этой былиной. Того же мнения придерживался Рыбаков [30, 86–87], уверенно датировавший создание былины 980 годом. Миллер проводил параллели с былинами о Хотене Блудовиче и Иване Гоудиновиче, в которых воспроизводится сюжет о сватовстве, оскорбительном отказе невесты и мести со стороны претендента [31, 369, 370, 372–373, 378–379]. На основании их сходства с легендой о Гориславе он считал сюжеты этих былин варяжскими по происхождению. Пропп скептически относился к прямым сопоставлениям летописей с былинами, в частности, к идентификации былинного Добрыни Никитича с летописным Добрыней Малычем [28, 576].

В «Корсунской легенде», реконструированной Шахматовым с использованием Жития Владимира особого состава (Плигинский сборник) [32, 105–122] полоцкое сватовство повторено по отношению к Херсонесу: предложение, оскорбительный отказ, взятие города, надругательство над «невестой» на глазах у обоих родителей, которых потом убивают. Грушевский предполагал, что рассказы о Рогнеде, о дочери «корсуньского князя» и былины о сватовстве Владимира являются частью обширного круга легенд, призванных подчеркнуть похотливость и жестокость Владимира

до его крещения [33, 504–505]. Так или иначе, в былинах и в «Корсунской легенде» проглядывает только полоцкий эпизод, рассказ же о мести Рогнеды и последующих событиях в русском эпосе не представлен никак.

Соколов усматривал в Рогнеде отражение образа девы-воина из древнегерманского эпоса. Рыдзевская [34] справедливо посчитала подобное сопоставление слишком натянутым, но отметила важный вклад Соколова в изучение легенды: так, он продемонстрировал композиционную связь различных частей легенды (рассказов о Рогнеде, о Гориславе и об Анастасии) и довольно убедительно реконструировал изначальную песенную форму рассказа о полоцком сватовстве [35, 97].

Хотя ни разу ни в одной из летописей Рогволд и Рогнеда не названы варягами, их норманнское происхождение редко вызывало сомнения (исключения: Довнар-Запольский [36, 70], Голубовский, [37, 67], Костомаров, [38, 177]). Во-первых, четко указывается, что Рогволд пришел в Полоцк из-за моря; во-вторых, в именах князя и его дочери легко угадываются скандинавские исходники: Рогволд = др.-шв. Ragnvald, др.-дат. Regnwald, др.-сев. Rögvaldr [39, 407], Рогнеда = Ragnheiðr [39, 471]. Любопытно, что сообщение о заморском происхождении Рогволда в ПВЛ идет сразу за ответом Рогнеды, в качестве объяснения резкого отказа «робичичу», – очевидно, варяжское происхождение считалось в Древней Руси почетным. Естественно было искать схожие сюжеты в скандинавском эпосе.

Рыдзевская указывала на значимое соответствие рассказа о Гориславе с историей о свадьбе Олава Трюгвассона с Гудрун в Тронхейме. Как и в полоцком эпизоде, свадьбе предшествует война жениха с родней невесты; как и Рогнеда, Гудрун пытается зарезать спящего мужа ножом; как и Владимир, Олав вовремя просыпается и отражает удар; после случившегося и Владимир и Олав спешат рассказать о случившемся своим вельможам. Еще Рыдзевская указывает на тот рассказ из

«Саги об Инглингах», в котором конунг Гудред сватается к дочери конунга Харальда, Асе; получив отказ, претендент убивает отца и брата Асы, а ее насильно берет в жены. Аса рождает от Гудреда сына. Через пару лет Аса подсылает мужу своего слугу, который закалывает Гудреда копьем. [34, 194–202, 209–217]. Исследовательница заключила, что легенда о Рогнеде зародилась в княжеско-дружинной среде и что образ Рогнеды – мстительницы за своих родичей – родственен героиням саг и «Эдды». В ее поведении проявляются установки родового строя, при котором женщина занимает высокое положение и может выступать в качестве мстительницы за своих родичей. Со «скандинавской идеологией» Рыдзевская связывает появление Изяслава, – сцену, аналога которой нет в русских литературных и фольклорных памятниках; по ее мнению, Изяслав с мечом в руке выполняет функцию мстителя за мать и своих родичей по материнской линии. Эта догадка проигрывает в правдоподобии, если вспомнить, что и Владимир, как ни крути, тоже приходился Изяславу родней. Однако уникальность и даже неясность появления Изяслава отмечены совершенно справедливо. Еще Рыдзевская интуитивно улавливает связь сцены с Изяславом в рассказе о Гориславе с появлением Ярослава в агиографически выдержанном рассказе об Анастасии, однако не раскрывает эту важную тему до конца.

Рыдзевская склонялась к выводу, что именно предание о Рогнеде повлияло на скандинавский эпос, отразившись в вышеназванных рассказах о Гудрун и Асе. Никольский возражал, что мотив мести женщины за своих родичей широко представлен в скандинавских легендах и обратил внимание, что попытки мести в подобных рассказах никогда не бывают успешными, если женщина действует в одиночку; это соответствует правовым понятиям Скандинавии и Руси того времени, согласно которым женщина не фигурировала в качестве мстительницы или истца по делам об убийстве [40].

Литвина и Успенский [41, 335–354] считают летописную легенду неоднородной по составу: если рассказ о Рогнеде и первая часть рассказа о Гориславе (полоцкое сватовство и свадьба) опирается на реальные факты, то повествование о неудачной мести Гориславы имеет чисто литературное происхождение. Мотивом внесения этого рассказа по 1128 годом является попытка летописца объяснить вражду потомков Ярослава с «рогволдовыми внуками». Справедливо указывая на видимую несообразность объяснения (Ярослав тоже был сыном Рогнеды, и его потомки были такими же «рогволдовыми внуками», как и Изяславичи), авторы сурово обвиняют летописца: якобы на его совести один из первых на Руси случаев переписывания истории в идеологических целях. Приговор выглядит слишком поспешным; ниже мы постараемся объяснить, что летописец все-таки дает довольно убедительный ответ о причинах вражды двух ветвей Рюрикова дома.

Литвина и Успенский увязывают появление в летописи под 1128 годом легенды о Рогнеде с очередной волной скандинавского культурного влияния на Русь, имевшей место при Мстиславе Великом, сыне английской принцессы Гиты, супруге шведской принцессы Кристины и деде Вольдемара Великого. У самого Мстислава имелось варяжское имя Харальд, одну из его дочерей звали Рогнеда, а шурина – Рогволдом [42].

Рассказ о Гориславе стоит особняком в русских летописях и вообще в древнерусской словесности, не касающейся частных семейных отношений и не поднимающей таких тем, как измена, ревность и проч. В этом обстоятельстве Литвина и Успенский видят дополнительный аргумент в пользу чисто литературного характера предания и указывают на мотивы, отраженные в предании и имеющие распространение не только в скандинавской, но и в мировой литературе (например, гибель Атиллы от руки женщины, мстящей за своих родичей). Особо выделяют они мотив публичного надругательства, указывая на параллели

ему в польской хронике Галла Анонима, в которой Болеслав Великий, получив унижительный отказ при сватовстве к сестре Ярослава Мудрого Предславе, идет походом на Киев, побеждает Ярослава и делает Предславу своей наложницей, о чем он не забывает публично заявить. Возможно, что Предслава была дочерью Рогнеды (ср. село Предславино на Лыбеди, где жила Рогнеда), что делает контаминацию сюжетов особо вероятной.

Михеев дополнил список историй из «Круга земного» Снорри Стурлусона, имеющих параллели с легендой о Рогнеде [43]: 1) история о конунге Ванланди, покинувшем свою жену Дриву и погубленном при помощи колдовства; 2) о сыне Ванланди Висбуре, которого сжигают собственные сыновья за отказ вернуть их матери (которую Висбур бросил) ее вено; 3) о конунге Агни, убившем конунга финнов и хотевшего жениться на его дочери Скьяльв, которая, однако, убивает Агни. Помимо этого, Михеев приводит древнегерманскую легенду о Хейдрике, Хледе и Ангантюре, в которой происходит борьба между единокровными братьями, действует воспитатель конунга (аналог Добрыни), и, наконец, конунга называют «сыном рабыни». Эту легенду Михеев считает «наиболее значимой» параллелью с легендой о Рогнеде. Однако представляется, что она не более значима и ее сюжетные соответствия не более наглядны, чем во всех других перечисленных выше легендах. Там, как мы видели, есть множество совпадений с рассказом о Гориславе даже в мелочах, – но именно и только в мелочах. Есть много историй, похожих на истории о Рогнеде-Гориславе-Анастасии, но нет ни одной, совпадающей полностью. Можно без конца перечислять совпадающие мотивы: сватовство, отказ, оскорбление претендента, публичное бесчестие, убийство родителей невесты, рождение сына, месть жены за убитых родичей и т.д. и т.п., но все это не отменит того важного обстоятельства, что только в легенде о Рогнеде все эти мотивы объединены сюжетно и составляют органическое художественное целое.

Взаимное влияние русского и скандинавского эпосов в формирование легенды о Рогнеде не подлежит сомнению (хотя вопрос о том, кто на кого в данном случае повлиял, едва ли поддается однозначному решению). Однако данная легенда – не просто собрание неких мотивов и сюжетов. В ней есть глубинная внутренняя основа, переплавляющая разнородные сюжеты в монолитное повествование большой художественной ценности.

3. Между Кроносом и Гамлетом.

Уникальной особенностью легенды о Рогнеде является сцена с появлением Изяслава. Действительно, даже в тех легендах, где имеется мотив мести сыновей за обиду матери (Висбур), нет ничего похожего на ту ситуацию, что возникает во второй части рассказа о Гориславе. В этом отношении русское летописное предание стоит особняком. Но, с другой стороны, если абстрагироваться от всех других аспектов предания и сосредоточить внимание только на троице Рогнеда-Изяслав-Владимир, то окажется, что перед нами история совершенно типическая.

Каким представляется итог всей этой драматической истории, если посмотреть на нее глазами юного Изяслава? Он одерживает победу над отцом, остается наедине со своей матерью и вместе с ней отправляется в Полоцкую землю. Иными словами, речь идет о том самом «Эдиповом треугольнике», который описал Фрейд. Владимир предстает страшной карающей и при этом всеведущей фигурой (он просыпается именно в тот момент, когда над ним уже занесен нож), как это и положено для инфантильного фантазма в понимании психоаналитиков. Тем не менее, маленький Изяслав выступает против отца и даже добивается победы: удаляя жену с сыном в Изяславль, Владимир тем самым исполняет бессознательное желание ребенка стать единственным «обладателем» матери.

Концепция Эдипова комплекса, созданная изначально в рамках психопатологии и психотерапии, широко использовалась Фрейдом в изучении

вопросов антропологии, культурологии и истории. Его обращение к материалам гуманитарных наук, помимо прочего, было призвано продемонстрировать универсальность Эдиповой парадигмы для всего человечества; это был своего рода ответ тем скептикам, которые либо вообще отрицали реальность Эдипова комплекса, либо считали его частным и нетипичным случаем. На обширном и разнородном материале (мифология, этнография, литература) Фрейд стремился показать, что сюжеты, восходящие к эдиповой истории, широко представлены в культуре и различаются только степенью маскировки классического конфликта ребенок-мать-отец. В самой истории об Эдипе уже имеет место определенное смягчение кровосмесительного фантазма: Эдип совершает свое преступление неумышленно, не узнавая своих родителей и выполняя, к тому же, волю богов. Более откровенен миф о Кроносе, кастрировавшем своего отца Урана и вступившего в связь с собственной матерью Геей. Очень сложно разглядеть Эдиповы мотивы в нерешительности Гамлета, однако же Фрейд настаивал на их значимости в понимании этой великой трагедии [44, 270–272].

В качестве полемического приема такого рода историко-культурологические очерки Фрейда не принесли ему особой пользы. Среди медиков экскурсы Фрейда в такие туманные области, как мифология и психология первобытных народов, только способствовали укреплению за психоанализом репутации псевдонаучной дисциплины. В свою очередь, историки, антропологи и литературоведы с недоверием отнеслись к неординарным психоаналитическим концепциям. Фрейду и его последователям справедливо ставили в вину то, что, увлеченные такими своими гипотезами, как Эдипов комплекс, они склонны были отыскивать его везде и всюду, прибегая порой к чудовищным натяжкам.

Однако же история о Гориславе и Изяславе к таким случаям не относится, и не требуется большой фантазии и изобретательности, чтобы

разглядеть в ней классический эдипов треугольник мать-отец-ребенок. Что же до «маскировки» сюжета, то в этом отношении история Изяслава занимает промежуточное положение между недвусмысленной откровенностью мифа о Кроносе и до предела «искаженной» внутренней цензурой трагедией о принце Датском.

В самом деле, Изяслав выступает против отца не по собственной инициативе, а по наущению ма-

тери. Он берет в руки меч, однако так не пускает его в ход. Необходимое для торжества ребенка отцеубийство не показано, а его неудачная попытка приписана не сыну, а матери. Рогнеда, дающая Изяславу меч, сходна с Геей, дающей серп Кроносу, но Изяслав берет в руки меч не для кастрации отца, а для умиловствования. Удаление отца переворачивается в изгнание Рогнеды и Изяслава в Полоцкую землю.

Рисунок 5. Древнерусский Эдипов треугольник: Изяслав, Рогнеда и Владимир. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Для ребенка имелось еще одно оправдание: отец после взятия Полоцка вел себя ничуть не лучше. Надругавшись над Рогнедой в присутствии ее отца, которого потом убил, Владимир совершил чудовищный по меркам любого века поступок. Родители жены нередко воспринимаются как заместители своих собственных; Владимир, таким образом, сам оказывается нарушителем кровосмесительного запрета, хотя и в «смягченном», «символическом» его варианте.

В свете такого рода соображений по-новому смотрится сцена приготовления к казни. Почему Владимир, задумав убить жену, выбирает такую

необычную церемонию казни: князь принимает роль палача, он решает совершить казнь прямо в спальне, он велит Рогнеде одеться в свадебную одежду и ждать его, сидя на постели? Если в этом месте понимать летописный рассказ буквально, то все выглядит нелогично, причудливо и непонятно. Но если связать все эти ритуалы с воспоминанием о полоцкой свадьбе Владимира и Рогнеды (на что недвусмысленно указывают свадебные одежды, ожидание на кровати) то тогда вся эта сцена начинает походиться на повторение насилия, учиненного Владимиром над Рогнедой в 980 году.

Рисунок 6. Свадьба Владимира и убийство Рогволда. Миниатюра Лицевого свода

Любопытна в этом отношении иллюстрация из Лицевого свода, изображающая полоцкий эпизод (рис. 6). Слева видны *сидящие на постели Владимир и Рогнеда*, справа – родители Рогнеды и указывающий им на «новобрачных» Добрыня. Ниже один из княжеских дружинников убивает Рогволда мечом, в то время как Владимир и Рогнеда сидят за свадебным столом. Брачная церемония, которая, согласно летописным рассказам, имела *насильственный* характер, показана иллюстратором как через пир, так и через *сидение на кровати*.

Можно ли предположить, что требование Владимира к Рогнеде – ждать его в свадебной одежде и на постели – представляет собой воспроизведе-

ние полоцкой свадьбы? С одной стороны, этому противоречит то обстоятельство, что в рассказе о Гориславе Владимир собирается не насиловать, а убивать Рогнеду. Тут агрессия явно превалирует над сексуальностью. С другой стороны, согласно Фрейду, ребенок нередко истолковывает интимные отношения родителей как акт агрессии со стороны отца.

Допустимо выдвинуть гипотезу, что все произошедшее после покушения является тем, что в психоанализе называется «первосценой», т.е. сценой сексуальных отношений между родителями, наблюдаемой или *воображаемой* ребенком на основе каких-либо признаков [45, 333]. Если это так, то слова, с которыми Изяслав обращает-

ся к отцу, приобретают новый смысл. Эти слова вообще не совсем понятны из контекста рассказа, и неспроста некоторые позднейшие историки (Татищев, Карамзин) добавляли к ним от себя пару слов «для ясности» [46, 239; 47, примеч. 439]. Если же толковать все происходившее как «первосцену», то слова княжича можно понять либо как требование соблюдать пристойность («ты не один»), либо как заявление о своих правах («ты не один, поделись со мной»).

Таким образом, рассказ о Гориславе в свете психоаналитической гипотезы представляется воспроизведением эдипова инфантильного фантазма ребенка о том, как он защищает мать, прогоняет страшного и жестокого отца и получает, в качестве награды, возможность остаться одному рядом с матерью.

Вопрос о том, насколько описанное в рассказе соответствует реальности, тесно связан с вопросом о реальности «первосцены» как таковой. Изначально Фрейд считал «первосцену» воспоминанием о реальном коитусе, увиденным ребенком. Позже, во многом под влиянием критических замечаний К.-Г. Юнга, он признал, что проблема не столь проста. Человек может истолковывать старые воспоминания в свете нового опыта, полученного уже во взрослой жизни; в этом случае он будет интерпретировать какие-то из своих воспоминаний как «первосцену» даже если сами воспоминания будут иметь совершенно невинный характер [48, 210–220]. В случае с легендой о Рогнеде можно с определенной долей вероятности предположить, какие именно события могли способствовать складыванию этого предания и его истолкованию в рамках «первосцены».

4. «Рогволдовы внуки»

Что появление в Лаврентьевской летописи легенды о Рогнеде-Гориславе связано с обострением «полоцкого вопроса», – на то недвусмысленно указывал уже сам летописец, вставивший этот рассказ посреди записей о княжении

Мстислава Великого. Вражда между потомками Ярослава Мудрого (владевшими совокупно почти всеми древнерусскими землями) и потомками Изяслава (чьи владения ограничивались Полоцкой землей), вспыхивала уже в середине XI века, когда внук Изяслава Всеслав был вероломно захвачен в плен сыновьями Ярослава Мудрого, а затем возведен на киевский престол восставшим народом. В конце XII века автор «Слова о полку Игореве» все еще призывает к прекращению усобиц «ярославовых» и «всеславовых» внуков. В правление Мстислава Великого натиск Руси на полоцкие княжества был особенно силен. Мстислав организует несколько походов против полоцких князей, наносит им ряд поражений и в конце концов добивается прямого подчинения их земель Киеву. Полоцкие князья с женами и детьми в 1129 г. были высланы в Византию, на полоцкий престол был посажен сын киевского князя. Такая радикальная расправа необычна для Древней Руси, где князя, конечно, могли и убить, и заточить в поруб, и покалечить, ни никогда не бывало такого, чтобы своих наследственных волостей лишалась целая ветвь Рюрикова дома. Даже за князьями-изгоями признавалось право на уделы, пусть и периферийные. Столь радикальное изменение во внутрикняжеских отношениях требовало обоснований. И вот перед сообщением о высылке полоцких князей появляется рассказ, призванный это объяснить.

Рассказ о Гориславе лаврентьевский летописец начинает с упоминания о Всеславичах, что совершенно правомерно и понятно: антитеза Ярославичи-Всеславичи была общеизвестна, неспроста ей пользовался и автор «Слова о Полку Игореве». Но завершает он свой рассказ словами о вражде Рогволдовых внуков с внуками Ярослава, как будто забывая, что не только Всеслав, но и Ярослав является потомком Рогволда. А в самом рассказе из полоцких князей, помимо Рогволда, действует только малолетний Изяслав – князь рано умерший и малоизвестный.

Рисунок 7. Изгнание полоцких князей. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Примечательно, что при буквальном чтении предания оно вызывает скорее сочувствие Изяславу, нежели осуждение его. Казалось бы, оно уместнее смотрелось бы в каких-нибудь гипотетических полоцких летописях, нежели в Лаврентьевской. Но, возможно, и сам летописец и его читатели бессознательно уловили внутренний смысл сцены с появлением Изяслава и угадали в нем древнерусского Эдипа, вознамерившегося отнять мать у отца? Такое желание, безусловно, было достойно осуждения, и тогда вполне закономерными выглядели и отстранение потомков Изяслава от лестничной очереди на киевский престол, и появление в их роду князя-оборотня Всеслава, носившего повязку на голове (уж не для того ли, чтобы скрыть печать родового проклятия?!), и все несправедливости, творимые Ярославичами по отношению к полоцким князьям.

Была ли описанная в легенде сцена реальностью – ответить невозможно. Однако известно, что из всех сыновей Владимира Святого не Изяслав, а именно Ярослав выступил против родителя: незадолго до смерти отца он перестал выплачивать в Киев дань, нанял за морем варягов, и только смерть Владимира отвратила неминуемую войну

отца с сыном. В последующей междоусобице не раз возникали моменты, когда Ярослав мог считать себя побежденным и считать это карой за бунт против отца. Может быть, именно тогда из глубин его воспоминаний выплыла «первосцена», сопровождаемая фантазией о победе над отцом. Приписывая же (при помощи защитного механизма «смещения») эту сцену Изяславу, Ярослав избавлялся от тяжелого чувства вины, заодно навязывая его Изяславу и его потомкам.

Приведенные выше соображения, конечно, чисто спекулятивны, однако вряд ли можно сомневаться, что складывание этой легенды в семействе Ярославичей началось довольно рано. В отличие от летописца, потомки Ярослава никогда не забывали, что они «Рогволдовы внуки» и что страшная, невиданная по накалу жестокости и цинизма «полоцкая свадьба» – это часть их семейной истории, наследственная психотравма, которую нужно каким-то образом изживать. И одним из способов спастись от травмирующих переживаний было стремление дистанцироваться от Рогнеды и Рогволда, «изолировать» их исключительно в истории полоцкой ветви. И когда летописец противопоставлял Ярославичей «Рог-

волдовым внукам», он не «выполнял заказ» и не «переписывал» историю, – он, судя по всему, стал жертвой «симптоматической ошибки», бессознательно выразив желание Ярославичей не иметь никаких общих корней с несчастным Рогволодом.

В Ипатьевской летописи имелось другое, более простое оправдание жесткой политики по отношению к Всеславичам: когда Мстислав Великий звал их на войну с половцами, они ответили насмешливым отказом [2, 303]. В Лаврентьевской летописи этого известия нет, в этой летописи «оправдательным документом» служит рассказ о Гориславе. В этом рассказе есть еще один момент, явно приуроченный к актуальным для эпохи Мстислава Великого событиям: решив сослать Рогнеду и сына, Владимир вместо Полоцка, как следовало бы ожидать, отправляет их в Изяславль. Чем мотивирована смена удела? И почему нигде больше не говорится, что Изяславль был князем не полоцким, а изяславльским? Или перенос удельного стола произошел позже, но когда именно? И зачем было строить новый город, если уже имелся Полоцк, где не так давно княжил дед Изяслава? Более того, в той же Лаврентьевской летописи указано, что Владимир посадил Изяслава именно в Полоцке [1, 121].

Что до Изяславля, то этот город в летописях упоминается впервые опять-таки во времена Мстислава Великого. В 1127 году, во время организованного Мстиславом большого антиполоцкого похода, братья Мстислав Вячеслав и Андрей вместе с его сыном Изяславом пообещали осажденному ими Изяславу пощаду в случае добровольной сдачи. Однако князья то ли не захотели, то ли не смогли сдержать клятвы, и сдавшийся город подвергся разграблению. Это не самое приятное для чести «Ярославовых внуков» событие могло отразиться в легенде о Рогнеде, в которой Владимир отдает супруге и Изяславу не Полоцк, а Изяславль. Тем самым жители Изяславля как бы принимали на себе отголоски проклятия, постигшего Изяслава за приписываемые ему эди-

повы устремления, и тогда клятвопреступление в отношении жителей Изяславля выглядело не так вопиюще. Иначе замену Полоцка на Изяславль трудно объяснить.

5. Тождество Рогнеды.

Высказанная выше догадка о том, что на начальных этапах складывания легенды на месте Изяслава был Ярослав Мудрый, косвенно подтверждается появлением Ярослава в позднейших вариантах рассказа о Рогнеде.

«Возвращение» его стало возможным благодаря еще более выраженному «ретушированию» эпизода и потерей им актуальности. Вражда Ярославичей со Всеславичами стала достоянием далекого прошлого, и потому в Тверской летописи рассказ о Рогнеде излагается в рамках княжения Владимира, сразу за рассказом о крещении Руси. Эдипов конфликт в Тверской и Густынской летописях убран полностью. Против Владимира выступает не Ярослав, а Рогнеда. Но и Рогнеда уже не пытается убить неверного супруга, а только отказывается выходить замуж за другого, предпочитая стать монахиней. Таким образом, она все равно ослушивается Владимира, но делает это так, что Владимир остается доволен. Не менее доволен и Ярослав, произносящий прочувствованный панегирик матери и одобряющий ее решение. За свой отказ от инфантильного стремления к обладанию матерью Ярослав, согласно новой версии легенды, немедленно получает исцеление от хромоты.

Эдипов конфликт разрешился через религиозный аскетизм, через отказ от неприемлемых инцестуозных и агрессивных стремлений. Показательно, что в той же Тверской летописи несколькими страницами раньше о Рогнеде сказано, что она пыталась зарезать Владимира ножом [27, 73]. Неизвестно, стало ли это следствием невнимательности одного из составителей летописи или было сделано с умыслом, но общий рассказ получил дополнительный оттенок назидательности: пытаюсь мстить, Рогнеда терпит поражение, через отказ же от мести и принятия пострига она

одерживает над мужем моральную победу и вместо понижения статуса (женитьба на ком-то из подданных Владимира) становится невестой самого Небесного Царя.

Маловероятно, что историческая Рогнеда окончила свой жизненный путь в монастыре. Однако для легендарно-литературного персонажа путь от гордой княжны к мстительной Гориславе и от Гориславы к смиренной, но внутренне твердой Анастасии представляется вполне достоверным с художественной точки зрения.

6. Первосцены, первофантазмы и архетипы.

Из вышеизложенного видно, что сцена с попыткой убийства и последующим вмешательством Изяслава менее всего походит на описание реального события: это – конструкт, восходящий к эдипальному конфликту и разросшийся в легенду под влиянием актуальных внешних событий (борьба киевских князей с полоцкими). Насколько фигурирующие в нем эдипова история и гипотетическая «первосцена» проистекают из каких-то реальных детских переживаний или воспоминаний и насколько они сконструированы «задним числом», – решить невозможно. Сам Фрейд с течением времени стал относить «первосцену» к числу гипотетических детских переживаний (соблазнение, кастрация, внутриутробная жизнь), которые он называл «первофантазиями». Эти события никогда не происходили, однако фантазии о них влияли, согласно Фрейду, на развитие человека также, как если бы они были реальностью. Основатель психоанализа дошел даже до совершенно антинаучного взгляда, что первофантазмы являются событиями, произошедшими много тысяч лет назад, воспоминания о которых передаются по наследству [45, 335–337].

Фрейдовским «первофантазиям» по смыслу и звучанию близки юнговские «первообразы», более известные как «архетипы» [49]. Терминологически слово «архетипы» (несмотря на свою многозначность, а может, и благодаря ей) выглядит предпочтительней. Так, понятие «архетипа»

не требует веры в наследование прижизненных психических впечатлений. Архетипы – это врожденные ментальные структуры, упорядочивающие приобретенный психический опыт в ряд общих образов, понятий, идей. Архетип есть как бы кристаллическая решетка, по которой распределяются элементы психического опыта.

Эдипов комплекс Юнг трактовал символически и считал инцестуозные фантазмы «активацией архетипа инцеста, играющего столь важную роль в истории человеческой души» [50, 116]. Конфликты в треугольнике мать-отец-ребенок, один из которых репрезентирован в легенде о Рогнеде Полоцкой, при всех различиях во временах, эпохах и особенностях сюжета, обнаруживают структурную идентичность основного мотива и в этом смысле являются архетипическими.

7. Заключение.

Исходя из вышеизложенного, можно предложить следующую реконструкцию историко-психологического генезиса легенды о Рогнеде.

Истоком легенды послужили известия о насильственном браке Владимира с Рогнедой. Архетипы Эдипова комплекса и первосцены были запущены бунтом Ярослава накануне смерти Владимира. Драматические события 20-х гг. XII века (обострение борьбы Ярославичей со Всеславичами, многочисленные походы по полоцкие города, изгнание полоцких князей из родовых вотчин и попытка установления прямого контроля киевских князей над Полоцком) актуализировали у потомков Ярослава Мудрого тягостные семейные воспоминания (о кровавой свадьбе с Рогнедой, о выступлении Ярослава против отца, о вероломстве сыновей Ярослава по отношению к Всеславу Полоцкому) и активизировали архетип борьбы сына с отцом за обладание матерью. Вызванное воспоминаниями и «фантазиями» чувство вины компенсировалось защитными психологическими механизмами: заменой Ярослава на Изяслава, приписывание матери инициативы в противостоянии отцу, удаление отцеубийства, замена из-

гнания отца на изгнание сына с матерью, реминисценции полоцкой свадьбы как оправдания для сына). В это время и произошла кристаллизация легенды, испытавшей на себе (через династические связи Мстислава Великого) влияние скандинавского эпоса и, в свою очередь, на скандинавский эпос повлиявшей. В более поздние времена, когда потеряли остроту и актуальность былые конфликты, легенда была переработана в духе религиозной аскезы и смирения; полное отречение от эдиповых фантазмов позволило «вернуть» Ярослава в число действующих лиц.

Истолкование Рогнеды в психоаналитическом духе может показаться праздной игрой ума. Подобного рода игрой часто тешились последователи Фрейда, отыскивая все новые соответствия эдиповому треугольнику. Нередко при этом приходилось прибегать к натяжкам. Но главным недостатком фрейдистской культурологии было то, что успех ее в лучшем случае ограничивался констатацией сходства каких-либо мифов или легенд с историей Эдипа. Ни к какому дальнейшему развитию знания это не вело.

В случае же с легендой о Рогнеде применение психоаналитической герменевтики позволяет прояснить ряд особенностей легенды, которые при ином рассмотрении остаются непонятными:

внезапное появление Изяслава, его обращенные к отцу слова, странный ритуал задуманной Владимиром казни, ошибка летописца касательно «внуков Рогволда», привлекательность легенды для киевских князей, ее увязка с изгнанием полоцких князей в Византию, назначение в удел Изяславля вместо Полоцка.

Выискивать эдипову историю там, где увидеть ее можно только гипотетически и прибегая к различного рода натяжкам и вспомогательным гипотезам, – занятие бесперспективное и бесполезное. Но если в каком-либо тексте эдипова история видна, что называется, невооруженным глазом, то представляется уместным проработать этот текст с помощью психоаналитической герменевтики. Психоаналитическое истолкование не самоцель, а всего лишь один из многочисленных методов. Использование этого метода не означает принятие ни всей системы психоанализа целиком, ни даже одного только Эдипова комплекса как универсальной структуры, присущей любому человеку во все времена. Но даже если Эдипов комплекс существовал только в воображении психоаналитиков, описанные психоаналитической герменевтикой закономерности сохраняют свое значение, требуя уже новой интерпретации.

Список литературы:

1. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), – т. I вып. 1 – Л.: 1926.
2. ПСРЛ, т. II – СПб.: Типография Александрова, 1908.
3. ПСРЛ, т. XL – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003.
4. ПСРЛ, т. XXII – СПб.: Типография Александрова, 1911.
5. ПСРЛ т. V – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851.
6. ПСРЛ, т. XV – Петроград: Типография Александрова, 1922.
7. ПСРЛ, т. XXVII – М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1962.
8. Жиленко І. В. Синопис Київський. Лаврський альманах. – К.: ВІПОЛ, 2002.
9. ПСРЛ, т. XL – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003.
10. ПСРЛ, т. LVIII – М.: Языки славянской культуры, 2004
11. ПСРЛ, т. XXI – СПб.: Типография Александрова, 1908.
12. ПСРЛ т. XVII – СПб.: Типография Александрова, 1907.
13. ПСРЛ, т. XXX – М.: Наука 1965.

14. ПСРА., т. XX, – СПб.: Типография Александрова, 1910.
15. ПСРА, т. IV, Петроград: Типография Большаков и компания, 1915.
16. ПСРА, т. XXXI, – М.: Наука, 1968.
17. ПСРА, т. I вып. 2 – Л.: Издание Академии Наук СССР, 1929.
18. Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. – СПб.: 1996.
19. Насонов Н. А. История русского летописания XI – начала XVIII века. – М.: Наука, 1969.
20. Шахматов А. А. История русского летописания. Том II. Обзорение летописей и летописных сводов XI–XVI вв. – СПб.: Наука, 2011.
21. ПСРА, т. XXXVIII, – Л.: Наука, 1989.
22. ПСРА, т. XXIV, – Петроград, 2 государственная типография, 1921.
23. ПСРА, т. IX, – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1862.
24. ПСРА, т. VII, – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1856.
25. ПСРА, т. XXIII, – СПб.: Типография Александрова, 1910.
26. ПСРА т. XXXIII, – Л.: Наука 1977.
27. ПСРА т. XV, – СПб.: Типография Леонида Демиса 1863.
28. Пропп В. Я. Русский героический эпос. – М.: ГИХЛ, 1958.
29. Базанов В. Г. Народная словесность Карелии, Гос. изд. К.-Ф. ССР, – Петрозаводск, 1947.
30. Рыбаков Б. А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. – М.: Академически проект, 2016.
31. Миллер В. Экскурсы в область русского народного эпоса, I–VIII. – М., 1892.
32. Шахматов А. А. История русского летописания. Том. I. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописях. – СПб.: Наука, 2002.
33. Грушевський Михайло. Історія України-Руси Т. 1. Київ 1913.
34. Рыдзевская Е. А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Древняя Русь и Скандинавия. IX–XIV вв. (Материалы и исследования). – М., 1978. – С. 194–202, 209–217.
35. Соколов Б. М. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира (Германо-русские отношения в области эпоса). – «Ученые записки Саратовского гос. университета», 1923. – т. I, вып. 3.
36. Довнар – Запольский. Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII в. – Киев. 1891.
37. Голубовский П. Несколько соображений к вопросу о князе Туре, – «Киевская старина», 1891.
38. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования, – т. XIII. СПб., 1881.
39. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Перевод Д. С. Лихачева. – СПб.: Вита Нова, 2012.
40. Никольский С. Л. О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) // Древнейшие государства Восточной Европы – М.: «Восточная литература» РАН, 2001.
41. Литвина Успенский 2002 – Литвина А. Ф. Успенский Ф. Б. Два рассказа о Рогнеде, дочери Рогволода Полоцкого / Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династические истории сквозь призму антропонимики. – М.: Индрик 2006. – С. 335–354.
42. Успенский Ф. Б. Скандинавы-варяги-русь. Историко-филологические очерки. – М. 2002.
43. Михеев С. М. Легенда о Владимире и Рогнеде и скандинавская традиция (к параллели с легендой о сыновьях Хейдрек) // Именослов. История языка. История культуры. – СПб. 2010. (Труды Центра славяно-германских исследований. I.) – С. 169–179.
44. Фрейд З. Толкование сновидений. – Мн.: Попурри, 1997.

45. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу.– М.: Высшая школа, 1996.
46. Татищев В. Н. История российская.– Т. 2 – М., 1773.
47. Карамзин Н. М. История государства Российского.– Т. 1.– СПб., 1842.
48. Фрейд З. Психоаналитические этюды.– Мн.: Попурри, 2006.
49. Юнг К. Г. и соавт. Человек и его символы.– М.: Серебряные нити, 2017.
50. Юнг К.-Г. Психология переноса. Статьи.– М.: Ваклер. Рефл-Бук, 1997.

Section 10. Philosophie

*Sadikova Asila,
assistant of professor
Andizhan State University,
Andizhan, Uzbekistan
E-mail: naumenko06@mail.ru*

SOME ASPECTS OF HEALTHY LIFESTYLE INTERPRETATION IN PHILOSOPHICAL LITERATURE

Abstract: In this article some experience and experts' points of view on healthy lifestyle are considered.

Keywords: health, healthy lifestyle, valeology, social activity, spiritual activity.

The joining of the Republic of Uzbekistan to the world community also requires participation in solving internal problems as well as the world problems.

The importance of a healthy lifestyle in interethnic socio-cultural relationships is increasing in the context of the integration processes between countries and regions, and the unity of the international community, which is composed of different cultures, nations and ethnicities.

There is also an unusual approach to the mass media in today's world. In other words, they are a powerful tool that promotes interethnic relations. At the same time, they are also factors that stimulate the ethnic and national identity of the population and form a new world outlook. Indeed, as our First President I. A. Karimov wrote, "... as a person understands himself and deeply understands his offspring, his love for the Motherland is rooted in the heart" [1, 90]. This is a sign that its political culture and mentality are developing.

Indeed, the social problems created by the impact of man-made civilizations help to preserve the confidence of the people in the place and importance of their lifestyle. Therefore, one of the stages of the for-

mation of a new image of a lifestyle is the inclusion of moral targets. Modernization and democratization of society and its social consequences are largely dependent on the level of healthy lifestyle. That is why the XXI century is characterized by a healthy lifestyle and national self-consciousness, as a century when ideological struggle is essentially more than any other moral and ethical value. At the same time, the focus is on national self-consciousness, primarily the political mentality, its formation and development process.

Indeed, the phenomenon of human evolution in the process of evolution of the organic world has become a subject of research in many natural sciences (biology, genetics, anthropology, chemistry, etc.) and social sciences (history, philosophy, sociology, psychology, economics, etc.). However, human beings have yet to answer many questions that are relevant not only to their essence, but also to their existence. This is also one of the most important aspects of human life and activity – health. At the same time, the idea of health has been of particular importance due to the deterioration of human health in recent years. Due to the lack of methodology for health, experts face difficulties in solving this prob-

lem. It is not surprising, because the science of health itself has not existed yet.

The famous scientist I. I. Brechman drew attention to the need to establish the foundations of the science of human health in the new era, and in 1980 he introduced the term “valeology” (Latin term “health”, “healthy”). Since then, this term has become a well-known term, and valeology is widely used as a science and a science curriculum all over the world.

A healthy lifestyle and its general meaning and content are reflected in the following definitions:

Valeology that promotes a healthy lifestyle is the interdisciplinary course of knowledge about the ways of ensuring, forming and maintaining health in concrete conditions of life. As a science curriculum, he describes a set of knowledge about human health and healthy lifestyle (E. N. Weiner).

The main problem of valeology is the upbringing of a culture of health in the process of individual health care and personal development. The national ideology, defined by the First President of our country, I. A. Karimov, serves as the unifying factor of all social strata and groups of the society. It is the basis of a new healthy lifestyle. Improving healthy lifestyle promotes the development of free thinking people who can protect their ideas.

The relevance of the chosen subject is further determined by the fact that educating a person who has the ability to exercise consciousness in social and political life, to defend his beliefs, and to have an impact on the social development of development necessitates a healthy lifestyle.

Within the framework of the philosophy schools and trends involved in the analysis of society, it is important to study the fundamentals of consciousness, including a healthy lifestyle.

The humanistic trends in human health are reflected in the works of Al-Khwarizmi, Abu Nasr Farabi, Abu Rayhan Beruni, Abu Ali ibn Sino, Galileo, F. Bacon, R. Descartes, B. Spinoza and other thinkers.

In the present-day study of a healthy lifestyle, works of the “standard of the society standard” play

a particularly important role. In this group of works, a more detailed analysis and refinement of what has been learned about healthy lifestyles has been made. However, these works are characterized by abnormal socio-cultural mechanisms of social development and the formation of a healthy lifestyle in specific historical conditions. In them, a healthy lifestyle is interpreted as an activity that is abstractly understood and is free from any peculiarities. Among such works are the works of scientists such as B. Russell, R. Carnap, K. Popper, and watered by neopositivists. Contents of the concept of healthy lifestyle I. I. Brechman’s character is unique. This definition emphasizes the forms, levels and types of healthy lifestyles, and the spiritual activity that occurs in everyday life, as well as the scientific activity [2, 67].

Many works of scientists such as V. Bibler, I. B. Novik, V. Talosin, V. S. Alekseev, A. S. Gorohova, I. V. Apostolova, S. Neretin, N. K. Vahtomin, E. K. Korotkov, A. N. Krichevets, M. K. Hodjarov are also devoted to this topic.

For example, I. B. Novik said that a healthy lifestyle is a set of ideas about socially defined methodological aspects and trends in community development [3]. In our opinion, it is absolutely wrong to say that healthy lifestyle and thinking are not meaningful concepts.

Other specialist B. Kuznetsov describes the process of creating and sharing a healthy lifestyle by changing its conceptual apparatus, such as applying new approaches, radical transformation of concepts, and, as a consequence, the logical structure of social development [4, 136–164]. The principle of the cause of change in healthy lifestyle is linked to the change of stages of development.

It is emphasized that one of the important elements of the foundations of a healthy lifestyle in some philosophical – methodological approaches is globalization. It is a separate theoretical form of specific scientific and philosophical-systematization knowledge and synthesis, and acts as a research program at the experimental and theoretical levels during the research.

Scientist V. V. Lapitsky understands a healthy lifestyle, which means “a set of ideas that can give man the creative approach to events” [5, 32]. The world’s view is naturally determined by a healthy lifestyle. One more scientist A. I. Uvarov proposes a comprehensive solution of the problem. A. I. Uvarov considers healthy lifestyle as one of the aspects of social life [6, 102–105]. Famous scientist M. Kagan, on the contrary, considers social life as one of the components of a healthy lifestyle [7, 5].

The problem of healthy lifestyle in Uzbekistan’s is opened by works of native philosophers S. Sh. Shermukhamedov, M. Bekmurodov, Sh. Madayeva, H. Shayhova, K. Nazarov, G. Tillaeva and others.

The peculiarities of a healthy lifestyle are reflected in the works of famous Uzbekistan philosopher Said Shermukhamedov. Particularly in his essay “Spirituality is a Factor of Prosperity”, devoted primarily to the analysis of the problems of national identity. The healthy lifestyle in this game is thoroughly analyzed in the light of national self-esteem. S. Shermukhamedov wrote: “Healthy lifestyle can be a factor of spiritual perfection” [8]. This definition defines the most important aspects of a healthy lifestyle. The scientific and practical significance of S. Shermukhamedov’s definition is not determined by the fact itself, but also provides an opportunity to describe some of the methodological findings that are of importance to practice.

Other famous Uzbekistan philosopher H. Shayhova believes that a healthy lifestyle is related to the spiritual environment in the family, and G. Tillyaeva stresses

that the main factor in a healthy lifestyle is education and upbringing. In our view, these ideas, which have been put forward by different authors, fill one another significantly, thus reflecting the interconnectedness of the world’s processes and healthy lifestyle.

However, it would be a mistake to think that the problem of healthy lifestyle and its transformation has found its clarity. The works of modern philosophers do not cover all aspects of this very complex problem. In particular, the concept of “healthy lifestyle” has not been adequately analyzed and explained in the relevant scientific and philosophical literature. The concept of “healthy lifestyle” is not found in the philosophical dictionary at all. In the Glossary of Foreign Languages and Expressions, the term healthy lifestyle refers to the ideological and artistic unity of ways and styles of illustration of an environment in a particular period of literature and its individual approach to a particular process.

A critical analysis of the concepts of healthy lifestyle suggested by some scientists indicates that the different approaches to the interpretation of their theoretical status, content and significance are not the same. This is due to the lack of a single approach to the concept of a healthy lifestyle in a developing education system. This led to the fact that the dissertation was based on the ideas of modern healthy lifestyle, the involvement of historical and philosophical material, their interdependence and interdependence, and the conceptual basis of a healthy lifestyle with the features of social development principles and thinking styles.

References

1. Karimov I. A. Yuksak ma`naviyat engilmas kuch.– T.: Ma`naviyat, 2008.
2. Brekhman I. I. Zdoroviy obraz zhizni.– M.: Alteya, 1998.
3. Novik I. B. Voprosy zdorovogo obraza zhizni v estestvoznanii.– M., 1995.
4. Kuznetsov B. G. Etyudy ob Eynshteyne.– M.: Nauka, 1965.
5. Lapitsky V. V. O dialektike zdorovogo obraza zhizni. // Voprosy filosofii 1999.– № 4.
6. Uvarov A. I. K voprosu o zdorovom obraze zhizni // Voprosy metodologii v obshchestvennyh naukah. 1992.– № 2.
7. Kagan M. S. O zhizni i o sebe. S-P(b)., 2001.
8. Shermuhamedov S. Ma`naviyat barkamollik omili.– T.: Fan, 2003.

Section 11. Economy

*Kovalchuk Julia,
Research associate,
Market Economy Institute of Russian Academy of Sciences
E-mail: fm-science@inbox.ru*

*Stepnov Igor,
Research associate,
Market Economy Institute of Russian Academy of Sciences
E-mail: stepnoff@inbox.ru*

THE PLATFORM AS A NEW OBJECT IN THE DIGITAL STRATEGIC MANAGEMENT

Abstract: The features of the strategic management formation in the development of digital technologies and platforms of communication and interaction of the digital economy's subjects and objects are considered. The article is prepared within the framework of the state task by MEI RAS, research topic "Scientific and technological development of the economy of sectoral markets".

Keywords: strategic management, digital economy, blockchain, interaction, platform.

The multi-aspect nature of modern economic development is manifested in the overall digitalization of products, processes, complex organizational solutions and the external environment. The development of digital technologies in the modern world has led to significant changes in many industries, which allowed the term "digital economy". Until now, there is no significant definition of "digital economy", therefore, to limit the problem of its identification, we will refer to the digital economy as the part of the economy in which the main business processes have changed under the influence of information and communication technologies. Also a digital economy include all of the economy of the future, realizing that the production, distribution and exchange and consumption of one way or otherwise be associated with digital solutions.

It should be noted that as the external environment, being the leading factor of transformations,

the digital changes affects and the behavior of economic entities changes the nature of communications. Therefore, in the digital environment, the traditional question for economic research is relevant: what determines the development – competition between economic entities (systems) or coordination of their behavior? And to what extent will the digital economy adjust its interpretation of this dilemma? After all, it is the combination of changes in society, a fundamental change in many business processes and the assessment of the future that suggest that there is a significant need for changes in the strategic management decisions preparation methodology.

In strategic management, the following situation is observed: it is still unknown which of the existing solutions will be retained in the future, and which ones will remain an experiment, since modern managers of industrial enterprises avoid the problem of "digitalization" and almost always strive

to use existing methods by adding prefixes “blockchain”, “digital”, “big data”, at best using only the results of such technologies, borrowing them from the solutions of financial and high-tech companies. Currently, it is almost impossible to form criteria for the selection of new management methods [1], but the generalization and dissemination of experience should become the basis of the concepts of the digital strategic management.

A very important component of the ongoing changes is that the changes are based on the convergence of man and machine. And such convergence will shift more and more to machines the adoption and implementation of routine standard solutions. At the same time, the most significant changes will affect the operational management, but also the strategic management will require significant changes. Those industrial enterprises that will be late in this convergence will find themselves in the least competitive position, and the most modern enterprises will begin to form cartels of high-tech enterprises, using the advantages of an oligopolistic model of competition not on an industry or product basis, namely the level of implementation of digital solutions.

First of all, the basis of strategic decisions will be new development scenarios based on the rapid introduction of new solutions. And these solutions are mostly digital representation. The strategies can not ignore these views: already traditional today the Internet, social networks, cloud technology, robotics, cognitive systems provide the formation of new strategic scenarios (from the formation of artificial intelligence to increase life expectancy, from the economy of sharing to absolute automation, from smart home to smart networks, etc.) [2]).

It should be understood that the use of digital solutions, eliminating previously known problems, however, is not free of new ones, such as:

- communication problems in the implementation of data exchange protocols and the development of formal instructions formalizing the decision-making process. Most researchers (except for the devel-

opers) ignore the fact that there is a completely new sphere of communication in the process of control – communication of man and machine, their dialogue, but this dialogue becomes at least the exchange of information between four (even six) systems – the subject and the object of control exist in the form of the actual manager, its digital support, a distributed database;

- reliability and complex of smart contracts. Such properties of smart contracts as reliability, simplicity and inevitability of execution will lead to the fact that there will be a need (and an opportunity) to form a set of combinations of simple smart contracts, and the complexity of such a system will be no less than modern legal structures. Nevertheless, it is obvious that the strategy of a modern enterprise that does not consider smart contracts as the basis of the development concept is not modern and is not relevant;

- centralization / decentralization. With the increasing number and complexity of smart contracts (taking into account the principles of blockchain technology), the management process will need to be divided into blocks, and this division should also be reflected in strategic decisions;

- lack of confidentiality. The problem of confidentiality, despite declarations, has not been fully resolved in the decisions that have been made. For example, it turns out that it is absolutely unacceptable to upload financial information justifying the company’s capitalization as a smart contract open to all investors. Therefore, the scope and content of smart contracts should also be defined in the strategy;

- management of the smart contracts volume. The strategy should take into account the emergence of oligopolistic models, in order to reduce transaction costs, as a small group of large smart contracts to manage less expensive. The problem of oligopoly will also be related to the problem of autonomous groups, where digital confirmation will come from the group rather than from a specific participant.

Significant results in the use of digital technologies were achieved by high – tech companies in the

world through the use of tools that provide digital transformation – it is the digital platforms. They may be both an interface and a specific company, but in essence it is a strategy with new rules in traditional and new markets that bring producers and consumers together in market exchange processes. And this exchange is not only commodity-money, but also ideological and resource. The main assets of the platforms are information and interaction, which together are also a source of value created by them and their competitive advantage. Examples of platforms in the industry are Apple, in the service sector – Alibaba, Uber, Airbnb, and the shares of these companies have increased significantly in price in recent years.

It should be noted that the platforms emergence is rather evolutionary, coupled with the project management methodology and institutional prerequisites [3]. Therefore, the so-called platform principle implemented in certain activities becomes a priority idea of both strategic management and new industrial development in general [4], when pilot projects on the basis of the platform, which makes it possible (after the success of pilot projects) to evolve the economy, become a source of transformation. In our research, we consider not only digital platforms, but also the organizational platform of inter-

action – OPI – as basic [5], which: 1) should be not technological priority, but strategic, organizational and communication character; 2) have as the basis of their formation the subject of market exchange (product, service, information); 3) provide coordination and take into account the peculiarities of competitive behavior of market participants, while fair competition between the platform carriers will be provided; 4) should be focused on the project approach during the period of the platform formation; 5) must not contradict, and to provide for a broad introduction according to the evolutionary development of the economy (including features such as the institutionalism, the cycle, the stability of the economy as a whole). Therefore, the modern organizational platform of the enterprise, focusing on the previously known interaction (production and logistics), takes into account the new – digital interaction in the Internet and with the consumer (in terms of reducing sales channels).

In general, the integration of digital technologies with strategic solutions will largely determine the competitive position of enterprises and will require the development of new tools of strategic management, which ensures the prospects of this area of research.

References:

1. Stepnov I. Strategic challenges of the new industrial production management in the fourth industrial revolution. *Economics and management in mechanical engineering*, 2017.– No. 4.– P. 13–18. (in Russian).
2. Kovalchuk J., Stepnov I. The digital economy: transformation of industrial enterprises. *Innovations in management*, 2017.– No. 11.– P. 32–43. (in Russian).
3. Kovalchuk J., Stepnov I. Design and evolutionary components of new industrial development in a market economy. *Drukerovskij vestnik*, 2017.– No. 2.– P. 5–18. DOI: URL: <http://dx.doi.org/10.17213/2312-6469-2017-2-5-18> (in Russian).
4. Kovalchuk J., Stepnov I. The coordinating effect from the formation of the projects management offices to modernization of the industry. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, Scientific journal, “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 1–2.2017. (January–February),– P. 155–160.
5. Kovalchuk J., Stepnov I. About the New Industrial Production Management Concept as the Company Strategy in the Fourth Industrial Revolution. *SHS Web Conf.*, Volume 35, 2017.– 3rd International Conference on Industrial Engineering (ICIE-2017). DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20173501013>.

*Logutova Tamara,
Dr. of Economic Science, professor,
Head of department of innovations and management
Pryazovskyi State Technical University,
E-mail: logutova_t_g@pstu.edu*

*Poltoratskiy Mykola,
Postgraduate student,
Department of innovations and management,
Deputy Head of Economics State Enterprise
"Ukrainian Sea Ports Authority"
Pryazovskyi State Technical University,
E-mail: n.poltoratsky@gmail.com*

REFORMING OF THE HARBOUR DUES SYSTEM IN UKRAINE

Abstract: Purpose of this scientific article is to analyze the harbour dues system and to offer an author's approach to solve the issue of reforming the harbour dues system in Ukraine under current conditions. The system of port charges in Ukraine is a discussion issue and requires a comprehensive analysis of the multifactor economic processes in the maritime industry.

Keyword: harbour dues, system, vessel, cargoes, port infrastructure, basic rate, investment rate, national economy, foreign trade.

Results of the research. At the present stage of national economy development the Ministry of Infrastructure of Ukraine in cooperation with Ukrainian Sea Ports Authority (hereinafter – the USPA) develops new Methods of harbour dues calculation [1] to improve functioning of the marine branch and efficiency of Ukrainian sea port activities.

Harbour dues are the aggregate of compulsory payments (dues) charged in ports from ships and cargoes. They are calculated according to set and officially published rates. List of harbour dues is established in each country individually, and sometimes in an individual port. Basic dues charged from ships in international ports include: lighthouse, tonnage, navigation, anchorage, groundage, dock, canal, ice, river, lockage, customs and cargo dues. In addition, in the ports such types of special dues can be charged: sanitary, hospital, due for berth cleaning, due in favour of rescue societies, etc.

It should be noted that harbour dues for two key beneficiaries (the state and business) must be

considered in the context of each of them. For business – it is an issue of reducing logistics costs to a competitive level of Black Sea basin countries, and an issue of intake capacity of port infrastructure. For the state – at the present level of marine branch development this issue is considered in two ministries: finance and infrastructure. In view of the Ministry of Finance harbour dues are revenue to the budget, however the Ministry of Infrastructure considers that the dues are an instrument intended to support and develop port infrastructure.

Except for the stated aspects there are initiatives to use the harbour dues for other purposes such as: to develop inland river route of the country. However the issue is disputable, as the harbour dues are charged in sea ports, and in the mentioned case their part will be spent for development of river infrastructure.

It should be mentioned that rates of harbour dues depend on cargo turnover and, accordingly, on a number of vessel calls. The most natural process allowing to decrease rates of the harbour dues

is increase in cargo turnover and vessel calls. But if to analyze dynamics of cargo turnover for the last three years in Ukrainian sea ports, it has no stable growth trend.

On the other side, there are problems with costs for maintenance of port infrastructure. The sphere of state administration is characterized by some special features (bureaucracy, centralization of basic business processes at the high level) that result in a fact that far from always it is possible to incur expenses, in particular capital expenses. For example, if to consider dredging practice, we can see a significant level of inadequate funding. Starting from 2013 performance of planned scopes of operating dredging works made 39% in Ukrainian ports. In his view, serious problems have arisen in Azov area and small-sized ports.

The issue related to costs for development of the sea ports, according to the authors, can be referred to disputable ones. For example, a format of decreasing the harbour dues formulated by World Bank experts for Ukrainian ports can be an incentive for the business to invest in development of port infrastructure. Law of Ukraine "On Ukrainian Sea Ports" includes levers for this purpose.

The issue of a single approach to reforming of the harbour dues system remains to be complex: in the state policy, transport strategy in general and use of international experience in this branch.

With respect to the state policy, it should clearly provide well-balanced development of different regional ports. Law of Ukraine "On Ukrainian Sea Ports" states that port infrastructure must be maintained for the account of harbour dues charged in a particular port. But there is a question: what about ports that charge a small number of dues. There is also a question about establishment of a stabilization fund to re-distribute revenues from large ports to smaller that means a subsidizing vector. At the present moment this approach requires development and discussion both at the level of USPA, and at the level of the Ministry of Infrastructure and other key public authorities. In general, the issue of harbour

dues has not only economic but also social nature of regional development.

It must be mentioned that today only 50% are left from each hryvnia of the harbour dues in the branch. The rest is transferred to the budget in a form of taxes, dividends.

In Europe a situation in the harbour dues system is quite different. As to European ports, a significant part of investments in their development are funded for the account of the European Union. From 2000 to 2013 about Euro 6.8 billion was invested, and for the period of 2014 to 2020 the European Commission planned to invest in transport projects about Euro 6.7 billion more.

Unfortunately, there are no such sources for port development in Ukraine. In addition, in Europe there is access to free and cheap credit resources. In our case, issues of crediting are limited by a status of port infrastructure that has a strategic nature and cannot be provided as a subject of pledge.

It must be stated that in Europe the harbour dues with their intended purpose are not taxable. They are considered not as a way to pump up the budget, but as a compulsory source of maintenance and development of sea ports required to national economy and foreign trade.

According to the new draft methods, rates of the harbour dues are reformed basing on a "cost plus" principle. That means that rate of the dues includes a basic rate ("costs") and an investment component ("plus"). Such approach was initiated in particular by the USPA.

Surely, the investment component must be discussed. The business operating in ports does not always agree with a fact that it must pay the harbour dues, and these funds will be invested in development of a particular business entity.

To balance interests clearly it was offered that the investment component would cover only general development plans, safety of navigation, environment, and national projects.

The latest draft methods are aimed at optimization of the number of dues and simplification of

their administration. The harbour dues provide a certain functional approach and differentiation of rates. Thus, it is stipulated that the tonnage due will be different for different types of vessels. This differentiation depends on design features of a vessel. Taking into account a structure of cargo turnover in our ports where a large number of bulk cargoes is presented, a bulker (type of a dry cargo vessel) as accepted as a basic vessel type, and all other vessels have certain ratios.

According to authors, the functional approach considers special features of each due, purposive character of its use and peculiarities of its application depending on port infrastructure item. First of all, direct expenses are covered for the account of harbour dues. With respect to water area, it is dredging, maintenance and repair of improvement works and water crafts used in maintenance and dredging of these water areas, and associated expenses (measurements, surveys, etc.).

It is authors' opinion that some indirect expenses must be covered by the harbour dues. It is those indirect expenses that at the present moment cannot be recovered by other types of the USPA activities. The methods provide a certain ratio to cut down these expenses in the future.

With respect to structural changes in methods of the harbour dues, it is considered an issue of shifting from ship channels in sea ports, from the anchorage due, so that the tonnage due consolidates all parts of water area.

The tonnage due is provided only for state channels. It is planned to maintain not only ship channels for its account, but also inland waterways (it is considered a possibility of allocating about UAH 100 million for rivers).

The sanitary due will have a single rate for each port (GT per day) in the range of 10 to 30 days. With respect to the groundage, it is planned that there will be a single rate within a sea port. Its basis will an hour of on-berth time.

It should be noted that a share of harbour dues in price of export goods by types of goods makes quite

significant per cents: ore – 3.13%, coal – 1.85%, grain – 0.78%, and vegetable oil – 0.38%. And a share of costs per ton of rolled steel passing through Ukrainian sea port: railway transportation – 62%, services of a port operator – 28%, and harbour dues amount – 8%.

Forming of harbour due rates according to the Draft of new methods and implementation of the basic “cost plus” principle is based on two main components: basic rate and the investment component.

Basic rate:

- sets an ultimate level of harbour due rates;
- provides coverage of operating costs only;
- changes the structure and a level in case of changes in regulations that set a list of activities performed for the account of the harbour dues;
- does not include a source of investment expenditure coverage;
- is applied without any discounts and/or reduction factors to rate level and/or vessel parameters.

Investment rate:

- is a source of capital expenses, sea port modernization programs, development plans that comply with sea port strategy;
- refund of investments in development of port infrastructure;
- general sea port development plans;
- navigation safety projects;
- environmental projects;
- national projects.

Finally, it should be noted that application of new methods to calculation of the harbour dues will allow to find particular constrictive levers of influence on positive development of economy in the marine branch of Ukraine.

Findings:

It has been established that today in Ukraine a new Draft method of the harbour dues is being developed under supervision of the Ministry of Infrastructure with involvement of the Ukrainian Sea Ports Authority, Reform Support Team of the Minis-

try of Infrastructure, and advisers from international financial institutions.

It has been analyzed and found out the harbour dues category must be considered in view of two key beneficiaries (the state and the business) as the harbour dues can be both revenues to the budget, and the instrument to support and develop port infrastructure.

The authors have established that in Europe the harbour dues are not taxable by their intended pur-

pose, they are considered as the compulsory source of maintenance and development of sea port infrastructure required for national economy and foreign trade.

It has been proved that in forming of harbour due rate it is required to use an innovative “cost plus” approach that is based on two main components: the basic rate and the investment component.

References:

1. Law of Ukraine. “On Sea Ports” [electronic source] – Access mode: URL: <http://www.uspa.gov.ua/ru/zakonodatelstvo/dejstvuyushchie-normativno-pravovye-akty/298-zakon-ukraini-o-morskikh-portakh-ukraini>
2. Official website of the USPA [electronic source] – Access mode: URL: <http://www.uspa.gov.ua/ru/>

Pelivani Xhevair,
Phd., student, Faculty of Economy
University of Tirana
E-mail: xhevahirpelivani@yahoo.com

DETERMINANTS OF CUSTOMER LOYALTY IN MICROFINANCE INSTITUTIONS

Abstract: Critical review of conceptual and empirical literature aims to shed light on the importance and complexity of consumer loyalty in the service sector and specifically in the microfinance sector.

Keywords: customer, loyalty, microfinance, determinants.

Introduction

The business world is never static (Brown & Eisenhardt) [5] and one of the challenges facing any organization in this dynamic environment is definitely competition. Competition is a complex phenomenon that appears not only in terms of actors but also in terms of customers, suppliers, potential competitors, and substitute products or services. The concept of marketing means that entrepreneurship is not just a process of product production or service delivery, but the process of creating satisfied customers. In this context, research and analysis of determinants of consumer behavior are a necessity. Marketing has the power to manage the process that identifies, prepares and satisfies clients (Murray *et al.*) [18], so well-defined strategies can help microfinance institutions succeed.

Customer loyalty: definition and importance

It is generally acknowledged that there is a positive relationship between consumer loyalty and profits. According to Reichheld & Sasser [25] when a company retains only five percent more of its clients, profits increase from 25 to 125 percent. Their study drew the attention of various managers and researchers, causing a particular interest in consumer loyalty. Now marketers are looking for information about how consumer loyalty can be created and promoted. For many years consumer satisfaction has been the main goal of many organizations and businesses because, different studies have concluded that it affects customer retention

and performance in the market. Traditionally, it is acknowledged that satisfied customers are less price-sensitive, less affected by competition, buy more products or services, and are more loyal (Zineld, 2000), while customer loyalty is considered as a function of satisfaction (Fecikova) [12]. Consumer satisfaction information helps companies evaluate their skills to effectively meet customer needs and expectations (Zeithaml *et al.*) [31]. Maintaining long-term consumer loyalty seems to be an indispensable task for reducing costs, increasing profits, and creating a viable competitive edge.

The rapid evolution of microfinance has resulted in a commercialization process forcing these institutions to be subject to market principles (Christen & Drake) [8]. The microfinance sector has turned into a highly heterogeneous sector not only in terms of ownership structure, but also in terms of institutional size, current and potential clientele, diversified capital providers.

In terms of the consequences of loyalty, shifting from a strategy oriented only to satisfaction can significantly increase customer retention and reduce marketing costs (Stan *et al.*) [26]. Camarero *et al.*, [6] concluded in their study that consumer loyalty has a positive impact on market performance and economic performance of firms. In general, consumer loyalty is treated as the link between customer attitude, repetitive purchases and financial performance (Heskett *et al.*) [14]. Consumer loyalty can help companies save money in the context of some costs such as promo-

tional costs to attract new clients, the costs of sales efforts to potential customers, the costs of opening new accounts to new customers, the costs of explaining business procedures to new clients.

Recent studies confirmed that companies with loyal customers can perform better than their competitors in terms of lower unit costs and share of the market, whilst it has already been proved that businesses with higher rates the preservation of existing clients have higher financial achievements.

Consumer loyalty relates to the long-term reciprocal dedication of all stakeholders to one another in order to secure a sustainable business relationship (Wilson) [29], while dedication is the result of a positive attitude towards the other actor (Morgan & Hunt) [16]. According to Oliver [20], loyalty is a commitment that results in future purchasing of the desired product or service despite marketing efforts or the impact of the situation.

In the context of behavior, loyalty is defined as a way of behavior, and its indicator serves as a sustainable and repeated acquisition, although various studies conclude that durable and recurring purchases may be resultant of the effect of specific situations (Hartmann & Ibanez) [13]; these repeated purchases may result from such factors as pricing or proximity and not necessarily by loyalty. Ball *et al.*, [3] argue that consumer loyalty can be divided into two dimensions: passive loyalty and active loyalty. Active loyalty is related to the information consumers are spreading to others and their intentions to use their favorite products or services, while passive loyalty means that customers do not share their choice of preferred products or services even in adverse circumstances.

Determinants of customer loyalty: Review of Empirical Literature

In the context of the company, customer retention is defined as the ability of the institution to attract customers (Waterfield) [28], in terms of customers it is defined as the customer's tendency to stay with their service provider (Ranaweera & Prabhu) [24], while

Nirmala [19] concludes that a longer period than five years of relationship with a client is considered a successful customer custody attempt.

Recent studies have concluded that consumer satisfaction is a precursor to consumer loyalty, although the relationship between them can be addressed in different perspectives. There are various links between satisfaction and loyalty according to which satisfaction is considered to be the basis of loyalty, satisfaction is an important component of loyalty, satisfaction is one of the necessary components of loyalty, satisfaction and loyalty are components of ultimate loyalty, or pleasure is the starting point loyalty (Munari *et al.*) [17]. Heskett *et al.* [14] suggest that consumer loyalty should be significantly improved after a certain level of consumer satisfaction.

Much of the studies conclude that there is a positive relationship between quality of service and consumer loyalty, while consumer satisfaction serves as a mediator (Chu *et al.*) [9]. This connection is confirmed in the context of banks by other studies, and over time it becomes stronger (Pan *et al.*) [22].

In the context of the banking and microfinance sector when companies offer almost identical products at almost the same price, despite the improvement in the quality of products offered through services and added value beyond the main ones, opportunities to provide sustainable competitive advantage are limited (Chang *et al.*) [7]. For this reason, the most preferred way to keep customers and improve profitability is through differentiation (Baker) [2]. Nowadays, consumers do not simply buy basic quality products or services, but they buy a variety of added value or benefits, forcing providers such as banks or microfinance institutions to adopt a market-oriented approach that identifies the needs of customers and design new products or redesign existing ones (Woodruff) [30].

Leeds [15] documents that about 40 percent of clients leave the existing bank due to poor service, citing that about three-quarters of clients point out staff attitudes as a determining factor in bank selection.

The study proved that improving service quality and professional behaviors improve consumer satisfaction and reduce customer relocation. Doney & Cannon [11] concluded that long-term relationship with a company may be compromised if its representatives are not behaving with integrity and causing consumer confidence to fade or lose.

Customer retention depends on a number of other factors, which include product selection diversity, greater suitability, better prices, and higher income (Storbacka *et al.*) [27]. Numerous studies have demonstrated the direct and positive impact that service quality has on consumer loyalty (Cronin & Taylor) [10], relying on the assumption that the highest quality of service fosters the consumer's tendency to repurchase, buy products or other auxiliary services, be less price-sensitive and spread positive words related to his experiences (Aydin & Ozer) [1]; Boohene & Agyapong [4].

Philippe & Adele [23] conducted a study to analyze customer satisfaction in the banking sector and the results proved that the physical environment of banks and facilities are important in providing quality services while consumers are satisfied with the tangible aspects of quality service.

Generally, with the growth of the customer age group, they have greater expectations of staying

with their bank or microfinance institution, as according to Oliver [21] younger clients have a greater tendency to leave their bank in search of lower prices, greater suitability, higher interest rates for better deposits or services. Surveyed clients with higher levels of education are also more inclined to leave the bank, perhaps because more educated clients have higher expectations for services, while gender and income levels have no significant links with the intention to stay or to leave.

Conclusions

Nowadays, the importance of marketing has increased rapidly due to market conditions. Companies should find the best way to find clients and make sure they are satisfied with the products or services they offer. The way companies offer their products or services directly affects their market performance and can result in financial success or failure. In the context of the banking sector and especially in the case of microfinance institutions, consumer loyalty is very important. In marketing literature there are different theoretical definitions and results in relation to this important construct, but none of them is inclusive and exhaustive. Through the research of empirical literature, this paper demonstrates that exist different determining factors of consumer loyalty.

References:

1. Aydin S., & Ozer G. The analysis of antecedents of customer loyalty in the Turkish mobile telecommunication market, *European Journal of Marketing*, 39(7), 2005.– P. 910–925.
2. Baker M.J. Bank Marketing – Myth or Reality? *The International Journal of Bank Marketing*, 11(6), 1993.– 5 p.
3. Ball D., Coelho P.S. & Machás A. The role of communication and trust in explaining customer loyalty. *Eur. J. Mark.*, 38(9/10), 2003.– P. 1272–1293.
4. Boohene R. & Agyapong G.K. Q. Analysis of the antecedents of customer loyalty of Telecommunication Industry in Ghana: The case of Vodafone (Ghana). *International Business Research*, 4 (1), 2011.– P. 229–240.
5. Brown S.L. & Eisenhart K.M. *Competing on the edge: strategy as structured chaos*, Boston; Harvard Business Press. 1998.
6. Camarero Izquierdo C., Gutiérrez Cillán J., & San Martín Gutiérrez S. The impact of customer relationship marketing on the firm performance: A Spanish case. *Journal of Services Marketing*, 19(4), 2005.– P. 234–244. doi:10.1108/08876040510605262

7. Chang Z. Y., Chan J. & Leck S. L. Management of Market Quality for Correspondent Banking Products. *The International Journal of Bank Marketing*, 15(1), 1997.– 32 p.
8. Christen R. P. & Drake D. Commercialization. The new reality of microfinance. In Drake, D. and Rhyne, E. editors, *The Commercialization of Microfinance. Balancing Business and Development*, chapter 1, P. 2–22. Kumarian Press, Bloomfield. 2002.
9. Chu P., Lee G., & Chao Y. Service quality, customer satisfaction, customer trust, and loyalty in an e-banking context. *Social Behavior and Personality*, 40(8), 2012.– P. 1271–1284. doi: org/10.2224/sbp.2012.40.8.1271
10. Cronin J.J., & Taylor S.A. Measuring service quality: A re-examination and extension. *Journal of Marketing*, 56(3), 1992.– P. 55–68.
11. Doney P. M. & Cannon J. P. “An examination of the nature of trust in buyer seller relationships” , *Journal of Marketing*,– Vol. 61,– April, 1997.– P. 35–51.
12. Fecikova I. “An index method for measurement of customer satisfaction”. *The TQM Magazine*, 16(1), 2004.– P. 57–66.
13. Hartmann P. & Ibanez V. A. Managing Customer Loyalty in Liberalized Residential Energy Markets: The Impact of Energy Branding. *Energy Policy*,– Vol. 35. 2007.– P. 2661–2672.
14. Heskett J. L., Jones T. O., Loveman G. W., Sasser Jr. W.E., & Schlesinger L. A. Putting the service-profit chain to work. *Harvard Business Review*, 86(7–8), 2008.– P. 118–129,+162.
15. Leeds B. ‘Mystery Shopping’ Offers Clues to Quality Service. *Bank Marketing*, 24(11), November, 1992.– P. 24–27.
16. Morgan R. M., & Hunt S. D. The commitment-trust theory of relationship Marketing. *Journal of Marketing*. 58 (July). 1994.– P. 20–38. URL: <http://dx.doi.org/10.2307/1252308>
17. Munari L., Ielasi F. & Bajetta L. Customer Satisfaction Management in Italian Banks. *Qualitative Research in Financial Markets*, 5(2), 2013.– P. 139–160. doi: 10.1108/QRFM-11–2011–0028
18. Murray J. Y., Kotabe M. & Westjon S. Global sourcing strategy and performance of knowledge-intensive business services: A two-stage strategic fit model. *Journal of International Marketing*. 17, 2009.– P. 90–105.
19. Nirmala X. customer relationship management in financial institutions, *Journal of Marketing*,– Vol. 3.– No 2. 2009.– 11 p.
20. Oliver R. L. A Cognitive model of the antecedents and consequence of satisfaction decision. *J. Mark. Res.* 17(11): 1980.– P. 460–469.
21. Oliver P. Banking on Young Love. *The New Zealand Herald*. 2004.
22. Pan Y., Sheng S. & Xie F. T. Antecedents of customer loyalty: An empirical synthesis and reexamination. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 19(1), 2012.– P. 150–158. doi:10.1016/j.jretconser.2011.11.004
23. Philippe N. & Adele B. Service quality and customers satisfaction among bank clients in Rwanda. *British Journal of Economics, Management & Trade*. 13 (4). 2016.– P. 1–11. Retrieved online from URL: <http://www.sciencedomain.org> on 26th April, 2018.
24. Ranaweera C. & Prabhu J. The influence of satisfaction, trust and switching barriers on customer retention in a continuous purchasing setting. *International Journal of Service Industry Management*, 14(4), 2003.– P. 374–395.
25. Reichheld F.F & Sasser W.E. Zero Defections: Quality comes to Services. *Harvard Business Review*, September-October, 1990.– P. 105–111.

26. Stan V., Caemmerer B., & Cattan-Jallet R. Customer loyalty development: The role of switching costs. *Journal of Applied Business Research*, 29(5), 2013. – P. 1541–1554.
27. Storbacka K., Strandvik R. & Gronroos C. Managing Customer Relationship for Profit: The Dynamics of Relationship Quality. *International Journal of Service Industry Management*, 5(5), 1994. – P. 21–38.
28. Waterfield C. The Challenges of Measuring Client Retention. The Practitioner Learning Program Putting Client Assessment to Work, Technical Note #2, The Small Enterprise Education and Promotion (SEEP) Network 2008. – P. 1–19.
29. Wilson D. T. (1995). An integrated model of buyer-seller relationships. *Journal of Academy of Marketing Science*. 23(4). – P. 335–345.
30. Woodruff R. B. Customer Value: The Next Source of Competitive Advantage. *Journal of Academy of Marketing Science*, 25(2), 1997. – P. 139–153.
31. Zeithaml V.A., Bitner M.J. & Gremler D. D. *Services Marketing – Integrating Customer Focus Across the firm*, 5th ed, McGraw- Hill (International Edition), New York. – 2009.
32. Zineldin M. The quality of health care and patient satisfaction. *Int. J. Health Care Quality Assurance*. 19(1). 2006. – P. 60–92.

Contents

Section 1. Gender Studies	3
<i>Profiri Mitjana</i> NIETZSCHE AND BEAUVOIR ON THEIR VIEW ON WOMEN	3
Section 2. Journalism	7
<i>Kyianytsiya Eugenia</i> CREATIVE TECHNOLOGIES IN THE PRODUCTION OF SOCIAL ADVERTISING: RELEVANCE OR NECESSITY	7
Section 3. Art	13
<i>Mambetova Gul'shen Rustemovna</i> STRUCTURAL ANALYSIS OF THE CRIMEAN TATAR FOLK COMIC SONGS	13
Section 4. History	24
<i>Lan Yao, Tim Weiskel</i> THE CRIME OF EUROPEAN COLONIZATION	24
<i>Malakhov Sergey Viktorovich</i> ORIENTAL CHARACTERISTICS OF SOVIET SOCIALISM IN THE ASSESSMENTS OF THAT TIME	31
Section 5. Culturology	44
<i>Joudar Ahmed</i> THE INFLUENCE OF NEW REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES ON THE WORK OF ART	44
Section 6. Linguistics	51
<i>Martashvili Ketevan Elberdievna</i> INFORMATIVE POTENTIAL OF BIBLICAL ALLUSIONS	51
<i>Tsertsvadze Mzia Ciclaevna</i> ONE OF THE WAYS OF SEMANTIZATION OF FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY IN BUSINESS WRITING TEXTS IN THE EARLY OF XVIII CENTURY	54
<i>Shakaman Yrysgul' Bektemirkyzy, Kenzhetayeva Gulzira Kabayevna</i> SCIENTIFIC IDENTIFICATION (COGNITIVE) FEATURES OF THE PERSONAL ENDINGS IN THE KAZAKH LANGUAGE	58
Section 7. Pedagogy	65
<i>Altayeva Umit Azibarbaevna</i> THE FORMATION OF THE LINGUISTIC ASPECT AND LINGUASTUDY COMPETENCY OF THE FOREIGN LANGUAGE TEACHER (REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)	65
<i>Nureyeva Alesia Radievna, Ibragimova Alsu Zufarovna, Gaffarova Alsu Almazovna</i> WORK OF THE MODERN TEACHER WITH PARENTS OF STUDENTS	69

Section 8. Political science	73
<i>Bashkim Rrahmani</i> POLITICAL AND SOCIAL IMPACT OF CONSTITUTIONAL COURT DECISIONS IN KOSOVO	73
<i>Telyatnik Tatiana Evgenievna</i> FORMATION OF MODERNIST PARADIGMS AND POLITICAL MODERNIZATION IN RUSSIA.	77
Section 9. Psychology	81
<i>Aryayev Leonid Nikolajewitsch</i> ROGNEDA POLOTSKAYA: HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL SOURCES OF THE LEGENDS.	81
Section 10. Philosophie	100
<i>Sadikova Asila</i> SOME ASPECTS OF HEALTHY LIFESTYLE INTERPRETATION IN PHILOSOPHICAL LITERATURE	100
Section 11. Economy	103
<i>Kovalchuk Julia, Stepnov Igor</i> THE PLATFORM AS A NEW OBJECT IN THE DIGITAL STRATEGIC MANAGEMENT.	103
<i>Logutova Tamara, Poltoratskiy Mykola</i> REFORMING OF THE HARBOUR DUES SYSTEM IN UKRAINE.	106
<i>Pelivani Xhevair</i> DETERMINANTS OF CUSTOMER LOYALTY IN MICROFINANCE INSTITUTIONS.	110